

ТАРТУСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
Кафедра славянской филологии

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИХ МОДИФИКАЦИЙ
РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ НА ПОЛЬСКИЙ И ЭСТОНСКИЙ ЯЗЫКИ)

Диссертация на соискание ученой степени
magister artium по славянской филологии
магистрантки отделения русской и славянской филологии
Ирины Табаковой

Научный руководитель —
проф. А. Д. Дуличенко

Тарту 2004

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Теоретические аспекты русской фразеологии и проблемы ее перевода.9	9
1.1. Критерии выделения ФЕ и объем русской фразеологии	9
1.2. «Ядро» фразеологического состава русского языка.....	11
1.3. Понятие индивидуально-авторской модификации ФЕ.....	15
1.4. Классификация индивидуально-авторских приемов преобразования русских ФЕ	18
1.5. Понятие адекватности/неадекватности в переводе.....	22
1.6. Проблемы перевода фразеологии.....	31
Глава 2. Перевод индивидуально-авторских модификаций русских ФЕ при наличии в польском и/или эстонском языке фразеологических соответствий..	34
2. 1. Фразеологический перевод.....	36
А. Использование фразеологических эквивалентов при переводе индивидуально-авторских модификаций русских ФЕ.....	36
В. Применение фразеологических аналогов при переводе индивидуально- авторских модификаций русских ФЕ.....	55
2. 2. Нефразеологический перевод.....	65
Глава 3. Перевод индивидуально-авторских модификаций русских ФЕ в условиях безэквивалентной фразеологии (в польском и/или эстонском языке)....	75
С. Лексический и описательный перевод индивидуально-авторских модификаций русских ФЕ.....	75
D. Калькирование при переводе индивидуально-авторских модификаций русских ФЕ.....	85
E. Перевод индивидуально-авторских модификаций русских ФЕ при помощи контекстуальной замены и фразеологической компенсации.....	91
Заключение.....	100
ЛИТЕРАТУРА.....	105
Принятые сокращения.....	117
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	118
КОККУVÕTE.....	129

Введение

Объект, задачи и методы исследования

Настоящая магистерская диссертация посвящена вопросу перевода индивидуально-авторских модификаций русских фразеологизмов, который рассматривается на материале переводов художественных текстов на польский и эстонский языки. Поскольку такого рода единицы относятся к разряду труднопереводимых, а работ, посвященных (Подгурска 1990; Шадрин 1969; Шадрин 1991) либо в той или иной мере затрагивающих (Вайгла 1977) проблему их перевода, не так уж много, тема диссертации представляется нам весьма актуальной.

Практическая цель нашей работы — анализ перевода индивидуально-авторских модификаций русских фразеологизмов с акцентом на возникающие при переводе проблемы и, как следствие, облегчение процесса перевода такого рода единиц. В соответствии с целью мы рассматриваем способы и возможности перевода индивидуально-авторских модификаций русских фразеологизмов, анализируя переводческие решения. В целом нами анализируются 184 случая перевода на польский и эстонский языки. Думается, что основные закономерности и проблемы передачи индивидуально-авторских модификаций русских фразеологических единиц (ФЕ) на другой язык нашли отражение в этих переводах.

Видимо, не все случаи, анализируемые нами, бесспорны. Возможно, решения, которые мы предлагаем, и не являются для некоторых из них оптимальными. Однако, анализируя, оценивая их качество, мы все же пытались по возможности найти пути, ведущие к адекватному переводу. В некоторых случаях мы указываем возможные варианты решения, опираясь на данные носителей переводящих языков (ПЯ).

Нами применяются следующие методы исследования:

1. сравнительно-сопоставительный (используется сопоставительный анализ как текстов оригинала и перевода, так и самих языков), дающий возможность не просто оценить качество перевода и выявить случаи, требующие более пристального внимания переводчика, но и наметить ведущие к адекватному переводу пути решения возникающих при передаче индивидуально-авторских модификаций фразеологизмов проблем;
2. статистический (используется статистический анализ данных: количество случаев фразеологического и нефразеологического перевода, их процентное

соотношение и т. д.), позволяющий определить условия работы переводчика, частотность использования того или иного способа при передаче индивидуально-авторских модификаций русских фразеологизмов на ПЯ, выявить количество случаев, которые характеризуются существенными потерями, а также переводческих ошибок.

3. метод моделирования (показаны образцы моделей процессов модификации русских фразеологизмов и их соответствий в переводах на польский и эстонский языки), позволяющий наглядно продемонстрировать возможные преобразования русских ФЕ и способы их передачи на другой язык, а также способствующий облегчению восприятия вербальной характеристики приемов преобразования русских фразеологизмов и примеров их передачи на языки перевода.

В целом мы анализируем перевод индивидуально-авторских модификаций ФЕ, тем самым имея возможность сделать некоторые теоретические обобщения (а такие обобщения, безусловно, возможны) и обратить внимание переводчика на те случаи, которые вызывают наибольшие трудности при переводе (для этого мы даем детальное описание примеров, своего рода образец работы с индивидуально-авторскими модификациями фразеологизмов), а также указать на возможные пути их решения. Однако необходимо помнить, что «перевод — искусство, высокое искусство, не терпящее формул, рецептов и предписаний» (Влахов, Флорин 1986, 9). Именно поэтому мы воздерживаемся от слишком категорических суждений, ибо однозначных, единственно правильных ответов здесь быть не может. Переводчик всегда должен помнить о том, что в каждом конкретном случае принять решение он должен сам. Для этого ему и понадобятся определенные знания и умения, которые приведут его к адекватному переводу: теоретические обобщения, возможности практических решений, творческий подход и т. д.

Принципы отбора материала и его источники

Материал исследования — это переводы на польский и эстонский языки художественных текстов русской литературы XX в. Выбор этих языков в качестве переводящих не является случайным. Он обусловлен тем, что изучение перевода индивидуально-авторских модификаций русских фразеологизмов на материале переводов на родственный (в данном случае польский) и неродственный (каковым является эстонский) языки позволит представить результаты исследования по

данному вопросу в рамках общей теории перевода, что вполне отвечает поставленным перед нами задачам (см.: *Объект, задачи и методы исследования*).

Неслучаен и выбор произведений, которые послужили источником фактического материала (нами использован фразеологический материал произведений М. Булгакова «Белая гвардия», «Дьяволиада», «Мастер и Маргарита» и «Собачье сердце», а также романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев»). Он объясняется тем, что фразеология играет в них весьма важную роль в качестве одного из элементов своеобразного авторского стиля. Для творческой манеры этих писателей характерно использование модификаций, как средства повышения выразительных возможностей. Привлекался нами и материал переводов этих произведений. Что касается переводов на польский язык, то в двух случаях это был перевод, осуществленный И. Левандовской и В. Домбровским: переводы романов М. Булгакова «Белая гвардия» (1974), «Мастер и Маргарита» (1969). Заметим, что это не единственные польские переводы вышеупомянутых романов М. Булгакова. Так, например, впервые, правда, в сокращенной версии, «Белая гвардия» на польском языке появилась в 1928 году. Была и сокращенная версия перевода романа «Мастер и Маргарита», которая и используется нами. Однако спустя 26 лет появился уже полный перевод, автором которого является А. Дравич (подробнее об этих переводах см.: Mossóg 2001, 249). Используемый же нами перевод на польский язык «Дьяволиады» М. Булгакова осуществлен К. Туром, а И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» — Я. Бжехвой и Т. Жеромским. Нами также использовались переводы на эстонский язык произведений М. Булгакова «Белая гвардия», «Мастер и Маргарита», «Собачье сердце», осуществленные известной эстонской переводчицей М. Варик (перевод романа «Мастер и Маргарита» создан ею совместно с Ю. Оямаа), и перевод романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев», авторами которого являются Х. Хауг и В. Пирсон.

При отборе материала требовалось установить не только сам факт преобразования, но и исходную форму единицы, послужившей для него основой, а также определить примененный в данном случае способ модификации. Выделение индивидуально-авторских модификаций ФЕ в тексте проводилось нами по следующей схеме:

1. Прежде всего следовало убедиться, что встреченное в контексте сочетание слов принадлежит к фразеологическому составу языка, а не является индивидуально-авторским выражением (иногда автор, прибегая к словотворчеству, создает «свой» фразеологизм). Как указывает Н. Л. Шадрин,

«практически фразеологичность словесной группы чаще всего определяется с помощью лексикографических источников — на основе обнаружения в них инвариантных лексических и семантических элементов» (Шадрин 1991, 176). Такими источниками в нашем случае были: «Словарь справочник по русской фразеологии» Р. И. Яранцева (ССПРФ), «Фразеологический словарь русского литературного языка» под ред. А. И. Федорова (ФСРЛЯ) и «Фразеологический словарь русского языка» под ред. А. И. Молоткова (ФСРЯ).

2. Форму выделенной в тексте единицы сопоставляют с формой, зафиксированной лексикографически. «Такое сопоставление позволяет удостовериться в наличии или отсутствии преобразования, и, в первом случае, выявить способ его осуществления» (Шадрин 1991, 176).

Нами таким образом было выделено 100 единиц, которые могут быть признаны индивидуально-авторскими модификациями русских фразеологизмов (их полный перечень см. в *ПРИЛОЖЕНИИ*).

Структура магистерской диссертации

Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы и приложения.

Во введении обосновывается выбор темы исследования, определяются его объект, задачи и методы (*Объект, задачи и методы исследования*), говорится о принципах отбора и источниках материала исследования (*Принципы отбора материала и его источники*).

В первой главе рассматриваются такие теоретические вопросы, как состав и объем фразеологии русского языка (*1.1. Критерии выделения фразеологических единиц и объем русской фразеологии*, *1.2. «Ядро» фразеологического состава русского языка*), понятие индивидуально-авторской модификации ФЕ (*1.3. Понятие индивидуально-авторской модификации ФЕ*), классификация приемов преобразования русских ФЕ (*1.4. Классификация индивидуально-авторских приемов преобразования русских ФЕ*), понятие адекватности/неадекватности в переводе (*1.5. Понятие адекватности/неадекватности в переводе*) и проблемы перевода фразеологии (*1.6. Проблемы перевода фразеологии*).

Вторая глава посвящена переводу индивидуально-авторских модификаций фразеологизмов при наличии фразеологических соответствий в польском и/или эстонском языке, которые выбраны нами в качестве языков перевода. Глава делится

на два раздела: в первом рассматриваются случаи перевода индивидуально-авторских модификаций фразеологизмов, которые осуществляются при помощи полного или частичного фразеологического эквивалента или аналога (2.1. *Фразеологический перевод*); во втором — те случаи, когда переводчик, отказываясь от имеющихся в ПЯ фразеологических соответствий, применяет один из способов нефразеологического перевода (2.2. *Нефразеологический перевод*). Внутри раздела 2.1. *Фразеологический перевод* мы выделяем подразделы, которые соответствуют типу применяемого переводчиком средства фразеологического перевода: А. *Использование фразеологических эквивалентов при переводе индивидуально-авторских модификаций русских ФЕ*; В. *Применение фразеологических аналогов при переводе индивидуально-авторских модификаций русских ФЕ*. Так как в основу классификации индивидуально-авторских модификаций фразеологизмов нами положен самый общий признак, а именно признак изменения внешней формы фразеологизма, внутри каждого из перечисленных подразделов выделяются две группы: а. *Перевод индивидуально-авторских модификаций ФЕ, образованных путем семантического переосмысления*; б. *Перевод индивидуально-авторских модификаций ФЕ, образованных посредством структурно-семантических приемов преобразования*. Поскольку случаи использования нефразеологического перевода в условиях, когда в ПЯ есть фразеологическое соответствие, единичны, в этом разделе такого деления не проводится. Описанные выше случаи анализируются. Рассматриваются результаты того или иного типа перевода.

В третьей главе затрагиваются проблемы нефразеологического перевода (лексический и описательный перевод, калькирование, контекстуальные замены). Соответственно выделяются следующие подразделы: С. *Лексический и описательный перевод индивидуально-авторских модификаций русских ФЕ*; D. *Калькирование при переводе индивидуально-авторских модификаций русских ФЕ*; E. *Перевод индивидуально-авторских модификаций русских ФЕ при помощи контекстуальной замены и фразеологической компенсации*. Так как случаи лексического перевода немногочисленны, мы рассматриваем их вместе с примерами описательного перевода. Внутри подразделов, посвященных описательному и лексическому переводу, а также контекстуальным заменам, аналогично тому, как это было во второй главе, выделяются две группы: а. *Перевод индивидуально-авторских модификаций ФЕ, образованных путем семантического переосмысления*; б. *Перевод индивидуально-авторских модификаций ФЕ, образованных посредством структурно-семантических приемов преобразования*. Такого деления нет в части,

где речь идет о калькировании, поскольку наш материал не обнаруживает случаев использования калькирования при переводе семантически преобразованных фразеологизмов. Здесь нас интересует вопрос о том, насколько удачен перевод нефразеологическими средствами при передаче на ПЯ индивидуально-авторских модификаций русских фразеологизмов.

В заключении изложены общие выводы по магистерской диссертации.

Список литературы содержит теоретические работы по вопросам фразеологии и переводоведения как на русском, так и на английском, польском и эстонском языках. Кроме того, представлен список лексикографических изданий, которые использовались нами при работе над фразеологическим материалом, а также источники этого материала.

В качестве приложения представлена таблица, содержащая весь фразеологический материал, который анализируется в работе. В таблице приводятся индивидуально-авторские модификации фразеологизмов, в число которых включается 100 единиц. Индивидуально-авторские модификации ФЕ располагаются по мере того, как они встречаются в оригинальном тексте, и в той форме, в которой они представлены в оригинале. Здесь также помещаются ФЕ, на базе которых была образована индивидуально-авторская модификация, указывается способ ее преобразования, содержится указание на источник (автор, произведение, страницы оригинала и переводов), а также на страницы магистерской диссертации, где комментируется данная модификация (подробнее см.: *ПРИЛОЖЕНИЕ*).

Глава 1. Теоретические аспекты русской фразеологии и проблемы ее перевода

1.1. Критерии выделения ФЕ и объем русской фразеологии

Фразеология, ее состав, объем и методы изучения стали предметом многих исследований, о чем свидетельствует, в частности, список литературы к данной магистерской диссертации (см.: *ЛИТЕРАТУРА*). Но, несмотря на значительное число работ, посвященных фразеологической тематике, по некоторым вопросам у русских фразеологов нет единых мнений. Терминология, относящаяся к фразеологии, остается во многом двусмысленной. «Зыбкость, неопределенность и многообразие в понимании объекта фразеологических исследований сопряжены с такой запутанностью терминологии, какой нет, вероятно, ни в одном разделе лингвистики» (Ожегов 1957, 37). Как отмечает Д. Н. Шмелев, «наиболее странное впечатление производит, однако, даже не разницей в терминологии, а то, что «фразеология» понимается некоторыми исследователями как нечто само по себе данное в языке в своих точных границах» (Шмелев 1977, 297). Между тем вопрос о границах фразеологии до сих пор остается спорным. Во многом это обстоятельство предопределено многообразием подходов к ее изучению.

Выход ряда статей В. В. Виноградова (Виноградов <1946>; Виноградов <1947>; Виноградов <1953>), в которых он обосновывает основные понятия фразеологии как лингвистической дисциплины, способствовал дальнейшему ее интенсивному развитию. Оно характеризуется работой по двум основным направлениям: выявление лексико-синтаксических отличий фразеологизмов от свободных сочетаний слов — с одной стороны, и отличие значений фразеологизмов как номинативных единиц языка от значения слова — с другой. Эта задача выполнялась в русле идей структурализма, что и определило центральную проблему этой дисциплины, а именно: проблему «тождества и различия и все нюансы этой контраверсы применительно к единицам фразеологического состава языка» (Телия 1996, 11–12).

Появились общefразеологические концепции таких ученых, как В. Л. Архангельский, В. П. Жуков, А. В. Кунин, В. М. Мокиенко, Р. Н. Попов, Л. И. Ройзензон, Н. М. Шанский и др. В 1964 г. вышел в свет программный сборник «Проблемы фразеологии» (Проблемы 1964), а в 1967 г. опубликован «Фразеологический словарь русского языка» под редакцией А. И. Молоткова. Однако в упомянутых авторских концепциях обнаруживаются расхождения во

мнениях относительно типологии фразеологизмов, объема фразеологии и методов ее исследования. Как отмечает В. Н. Телия, «этим расхождением во многом способствовала и сама проблематичность выдвинутых В. В. Виноградовым постулатов, многие из которых не укладывались в указанную доктрину» (Телия 1996, 12).

Несмотря на использование В. В. Виноградовым критерия «невыводимости» значения целого из значений его составляющих, среди различных подходов к семантике фразеологизмов доминировало соизмерение устойчивых и идиоматических сочетаний слов с их свободными аналогами. Такое соизмерение привело к выделению перечня признаков ФЕ, который содержит до четырнадцати позиций (подробнее см.: Архангельский 1964). В качестве основных критериев выделения фразеологизмов признаются различные качества — такие, как идиоматичность словосочетания, его устойчивость и воспроизводимость, невыводимость значения целого из суммы значений составляющих его компонентов, образность и т. д.

Например, В. Н. Телия в своей монографии «Русская фразеология» (Телия 1996) основными параметрами выделения базовых классов фразеологизмов в русском языке считает: принадлежность их к общему номинативному инвентарю языка, признак полной или частичной идиоматичности, а также свойство устойчивости, проявляющееся в абсолютной или относительной воспроизводимости сочетаний слов. При этом границы каждого класса не определяются. Невозможность их четкого определения объясняется тем, что язык — это исторически развивающаяся система, а потому нельзя говорить о четких границах его подсистем.

Далее В. Н. Телия выделяет шесть классов фразеологизмов, каждый из которых включает в себя либо только «ядро» фразеологического состава — идиомы (1), либо фразеологизмы с аналитическим типом значения — фразеологические сочетания (2), либо паремии (пословицы и поговорки), имеющие одновременно прямой план содержания высказывания, точно соответствующий значению слов, его образующих, и иносказательный план, не соответствующий значению образующих его слов (3). Некоторые авторы включают в объем фразеологии два класса (1, 2), некоторые — три (1, 2, 3). К этому добавляют иногда речевые штампы (4), различного рода клише, т. е. шаблонные фразы (5), а также крылатые выражения — образные, меткие выражения, изречения, вошедшие в общее употребление (6). Все перечисленные выше единицы в совокупности составляют широкий объем фразеологии, который можно определить как все то, что воспроизводится в готовом виде, не являясь

словом. Все сочетания слов, которые воспроизводятся в речи в соответствии с узусом употребления — фразеологизмы. Конечно, не всеми учеными классификационная база признается в таком объеме (отсюда и выделение у В. Н. Телия разных «фразеологий»: *Фразеология-1, Фразеология-2 <...> Фразеология-6* (см.: Телия 1996, 56–83)). Объем и состав фразеологии русского языка меняется в зависимости от определения понятия *фразеологическая единица*.

Однако мы не видим необходимости в обсуждении правомерности или неправомерности выделения того или иного объема фразеологии. Наша задача заключается в ином — в описании так называемого «ядра» фразеологического состава русского языка, единицы которого являются первоосновой того феномена, который стал объектом исследования в данной работе, а именно — индивидуально-авторских модификаций фразеологизмов (что отнюдь не означает, что основой индивидуально-авторских модификаций не могут быть, например, пословицы, поговорки, афоризмы и т. п., т. е. единицы, которые включаются некоторыми исследователями в т. н. широкий состав фразеологии). В своей работе мы будем пользоваться терминами *фразеологизм*, а также *фразеологическая единица* (в качестве абсолютного его синонима), которые будут называть единицы, образующие «ядро» фразеологического состава русского языка. По отношению к фразеологии ПЯ употребляются те же термины.

1.2. «Ядро» фразеологического состава русского языка

Для 60-х – 70-х гг. характерно описание корпуса фразеологии как ряда фразеологических подсистем языка. Среди них наиболее четко очерченным оказался корпус *фразеологизмов-идиом* (в иной терминологии — *фразем* (термин Е. Д. Поливанова (Поливанов <1928>); позже термин был использован Н. Н. Амосовой для обозначения фразеологизмов с уникальной сочетаемостью, типа *night mere* (Амосова 1963); употребляется в западноевропейской традиции), который обрел статус «ядра» фразеологии.

Некоторые фразеологи определяют классификационную базу фразеологии в ее узком объеме, куда включают только фразеологизмы-идиомы. Такова концепция А. И. Молоткова (Молотков 1977; Молотков 1986). В качестве категориальных признаков ФЕ А. И. Молотков выделяет: а) лексическое значение, б) компонентный состав и в) наличие грамматических категорий. Категориальными он считает такие признаки самостоятельной единицы языка, «которые в совокупности присущи только данной единице и не могут быть распространены в этой совокупности на другие единицы

<...>. Каждая единица из ряда определяемых должна иметь все категориальные признаки. Отсутствие того или иного признака у такой единицы означает, что единица или не принадлежит к этому разряду или находится еще в стадии перехода в этот разряд» (Молотков 1986, 8). Некоторые исследователи (см.: Проблемы 1996, 8) верно указывают на не вполне удачное употребление А. И. Молотковым термина *лексическое значение* (более подходящим признается термин *фразеологическое значение*; при описании концепции А. И. Молоткова мы будем пользоваться предложенным им термином, в дальнейшем же нами используется термин *фразеологическое значение*), так как это наталкивает на мысль об отождествлении им фразеологического и лексического значений, тогда как «пафос фразеологической теории и лексикографической практики самого А. И. Молоткова состоит именно в довольно жесткой попытке разграничить лексему и фразему» (Проблемы 1996, 8).

Для подтверждения того, что вышеназванные признаки в своей совокупности присущи только фразеологизму, А. И. Молотков считает необходимым (и принципиально важным) сопоставить ФЕ, во-первых, со словом как единицей языка, во-вторых, со словосочетанием (или предложением), поскольку словосочетание (реже предложение) является генетическим источником фразеологизма.

При сопоставлении фразеологизма со словом обнаруживаются их общие признаки: лексическое значение и грамматические категории. Наличие лексического значения у ФЕ, по мнению А. И. Молоткова, доказывается не только тем, что он может быть истолкован, но и тем, что фразеологизм и слово соотносятся по их лексическому значению как синонимы. Приводятся такие примеры, как *кот наплакал* = *мало*, *на каждом шагу* = *повсюду*, *с головой* = *умный*, *заморить червячка* = *перекусить*, *прикусить язык* = *замолчать* и т. д. «Наличие у слова и фразеологизма грамматических категорий подтверждается отношениями и связями фразеологизма со словами в предложении, которые ничем не отличаются от отношений и связей между самими словами в составе предложения: фразеологизм может с о г л а с о в ы в а т ь с я со словом, у п р а в л я т ь словом или б ы т ь у п р а в л я е м ы м, может п р и м ы к а т ь к слову» (Молотков 1986, 8). По отношению к словам в предложении фразеологизм выступает как единое целое, в своих связях со словами он неделим на части.

«Ни по одному из категориальных признаков, — отмечает А. И. Молотков, — фразеологизм не соотносится со словосочетанием <...>. Всякое словосочетание представляет собой сочетание слов, в котором слова с о х р а н я ю т все свои признаки, тогда как компоненты фразеологизма у т р а ч и в а ю т все признаки

слова (кроме его звукового облика): лексическое значение, формы изменения, синтаксическую функцию и т. д. Связи и отношения между компонентами фразеологизма перестают быть связями между словами» (Молотков 1986, 9).

Указывает А. И. Молотков и на тот факт, что фразеологизм может соотноситься со словосочетанием лишь генетически, т. е. по своему происхождению. На это обращал внимание еще В. В. Виноградов в статье «Об основных типах фразеологических единиц в русском языке» (Виноградов <1947>). В «ядро» фразеологии по классификации В. В. Виноградова попадают *фразеологические сращения* и *фразеологические единства*, а потому, являясь основой для образования индивидуально-авторских модификаций ФЕ, они подвергаются далее достаточно подробному описанию.

Идиомообразование — это процесс вовлечения слов в метафору (или другой троп) на основе подобия того смысла, который лежит в основе номинативного замысла, и того, что обозначается сочетанием в его «буквальном» значении, и что включено в определенную структуру знания о мире — некоторый «сценарий» или «фрейм». Если со временем изначальный фрейм забывается, перестает узнаваться, то мотивировка утрачивается. В этом случае возникает тип значения, который В. В. Виноградов называл *сращением* (в иной терминологии — *идиомы* (термин А. В. Федорова)). Он выделял «тип словосочетаний абсолютно неделимых, неразложимых, значение которых совершенно независимо от их лексического состава, от значений их компонентов и так же условно и произвольно, как значение немотивированного слова-знака» (Виноградов <1947>, 145). Итак, фразеологические сращения немотивированны и непроеводны. Они могут подвергаться этимологизации. Но эта «народная этимология» не объясняет их подлинной семантической истории и не влияет на их употребление. В. В. Виноградов выделяет четыре типа фразеологических сращений и приводит следующие примеры (Виноградов <1947>, 146):

1. фразеологические сращения, в составе которых есть неупотребительные или вымершие, т. е. непонятные слова (например, *у черта на куличиках*, *во всю Ивановскую*, *попасть впросак* и т. п.);
2. фразеологические сращения, включающие грамматические архаизмы, представляющие собою синтаксически неделимое целое или по своему строю не соответствующие живым нормам современного словосочетания (например: *ничтоже сумняшеся*, *была – не была*, *и вся недолга!*);

3. фразеологические сращения, подвергшиеся экспрессивной индивидуализации и потому ставшие неразложимыми как лексически, так и семантически (например: *чего доброго, вот тебе и на* и др.);
4. фразеологические сращения, представляющие собою такое слитное семантическое единство, что лексические значения компонентов вовсе безразличны для понимания целого (например: *сидеть на бобах, души не чаять в ком-нибудь* и т. п.).

Основным признаком сращения является его семантическая неделимость, невыводимость значения целого из значений компонентов. Оно представляет собой семантическую единицу, однородную со словом, лишенным внутренней формы. При этом семантической неразложимости целого иногда сопутствует сохранение внешних грамматических границ между частями фразеологического сращения. Это «своеобразный след былой лексической расчлененности словосочетания» (Виноградов <1953>, 147).

Фразеологические сращения могут быть только омонимичны с соответствующими знакомыми словами, входящими в их состав, например: *быть под мухой, и концы в воду, заморить червячка, сон в руку* и т. п. Семантическое единство фразеологического сращения часто поддерживается полной синтаксической нерасчлененностью или немотивированностью словосочетания, отсутствием живой синтаксической связи между его морфологическими компонентами. Например: *так себе, куда ни шло, выжить из ума, из рук вон плохо* и т. п.

Таким образом, прямое, номинативное значение слов, входящих в состав фразеологических сращений, уже не воспринимается носителями языка — вследствие утраты либо мотивировки (*как пить дать, собаку съел* и т. д.), либо даже реалии, выражаемой словом (*бить баклуши, точить лясы* и т. д.). Если же «в тесной фразеологической группе сохранились хотя бы слабые признаки семантической раздельности компонентов, если есть хотя бы глухой намек на мотивировку общего значения, то о сращении говорить уже трудно» (Виноградов <1953>, 151). Речь идет о *фразеологических единствах* (термин В. В. Виноградова; в иной терминологии, например, — *устойчивых метафорических сочетаниях* (термин А. В. Федорова)). Например, в таких выражениях, как *держат камень за пазухой, стреляный воробей, кровь с молоком* и т. п., значение целого связано с пониманием внутреннего образного стержня фразы, потенциального смысла слов, образующих эти

фразеологические единства. Многие крепко спаянные фразеологические группы легко расшифровываются как образные выражения. Однако образный смысл, приписываемый им в современном языке, иногда вовсе не соответствует их действительной этимологии. По большей части, это выражения, состоящие из слов конкретного значения и имеющие заметную экспрессивную окраску. Например: *класть зубы на полку, валить с больной головы на здоровую* и т. д.

Фразеологические единства являются потенциальными эквивалентами слов. И в этом отношении они несколько сближаются с фразеологическими сращениями, отличаясь от них семантической сложностью своей структуры, потенциальной выводимостью общего значения из семантической связи компонентов. Фразеологические единства по внешней форме могут совпадать со свободными сочетаниями слов, например: *намылить голову, бить ключом, брать в свои руки* и т. д.

Таким образом, в «ядро» фразеологии по терминологии В. В. Виноградова входят фразеологические сращения и фразеологические единства. Эти ФЕ стали первоосновой индивидуально-авторских модификаций фразеологизмов, перевод которых рассматривается нами в магистерской диссертации.

1.3. Понятие индивидуально-авторской модификации ФЕ

Наряду с примерами стандартного употребления ФЕ в тексте, широко распространено использование авторами их модификаций. Как указывает Н. Л. Шадрин, «для этого лингвистического феномена характерно обилие обозначающих его терминов» (Шадрин 1991, 171). Употребляются такие термины, как *индивидуально-авторское преобразование ФЕ, речевой окказионализм, деформационные модификации, авторские инновации, фразеологические дериваты, модернизация, разрушение фразеологических сцеплений, речевое (окказиональное) преобразование, контекстуальное преобразование, авторская деформация идиом, фразеологический неологизм, индивидуально-авторская трансформация, варьирование* и т. д. (см.: Вакуров 1983, 101). При этом наблюдается некоторая неясность в терминологии. Например, один и тот же термин *фразеологические новообразования* называет как единицы, возникшие в результате индивидуально-авторской обработки общенародного фразеологического фонда (Зеленова 1985), так и словосочетания, которые являются образованиями фразеологического типа, т. е. образованные по модели уже имеющихся в языке ФЕ (Гольцова 1985).

В своей работе мы будем использовать термин *индивидуально-авторские модификации ФЕ* (этим термином, в частности, пользуется Э. Вайгла в статье, посвященной переводу русской фразеологии на эстонский язык (Вайгла 1977)). Под индивидуально-авторскими модификациями ФЕ мы будем иметь в виду единицы, образованные путем различных преобразований на базе фразеологизмов общего фразеологического фонда (см.: 1.4. *Классификация индивидуально-авторских приемов преобразования русских ФЕ*). Отметим, что в состав индивидуально-авторских приемов преобразования русских ФЕ мы не включаем образование авторских фразеологизмов по аналогии с общенародными фразеологизмами, как это делает, например, польский исследователь Б. Подгурска (Подгурска 1990). Наша позиция в трактовке вышеназванного термина сближается с таковыми Э. Вайгла и Н. Л. Шадрин (Вайгла 1977; Шадрин 1991).

«Возможность окказиональных изменений заложена в самой лингвистической природе фразеологизмов и обусловлена их кардинальными языковыми свойствами, в первую очередь — структурной раздельнооформленностью <...> любое преобразование возможно лишь постольку, поскольку фразеологизм, будучи целостной семантической единицей языка, формально состоит из ряда следующих друг за другом в определенной последовательности элементов, каждый из которых представляет собой слово, т. е. тоже семантическую единицу, но более низкого языкового уровня» (Шадрин 1991, 172). Входя в состав фразеологизма, слово приобретает двойственную сущность, так как в то же время сохраняет потенциальные качества самостоятельной семантической единицы.

Возможность модификаций ФЕ обусловлена, однако, не только их раздельнооформленностью, «но и другим основным свойством фразеологизмов — синхронической устойчивостью в системе языка; без этого свойства любое изменение оборота приводило бы к утрате его тождества, к необратимому разрушению его формы и значения» (Шадрин 1991, 172). Иными словами, только благодаря своему знанию общенародной формы ФЕ носитель языка «узнает» в тексте модифицированные автором фразеологизмы. Такие модификации имеют единичный характер, они, как правило, не повторяются.

Хотя преобразования ФЕ сугубо индивидуальны, материалом для них, как уже говорилось выше, служат обороты, которые в данном языковом коллективе являются общепринятыми. Именно благодаря этому обстоятельству, воспринимая модифицированный фразеологизм, носитель соотносит его с закрепленной в языке формой и семантикой. В этом случае модификация выступает (в отличие от

немодифицированной ФЕ) только как элемент речевого общения, который опирается на свою первооснову: с точки зрения языковой системы индивидуально-авторские модификации ФЕ являются отступлениями от нормы, тогда как с точки зрения речевого процесса нет оснований утверждать, что они нарушают норму (здесь мы не имеем в виду непреднамеренные отклонения от языковой нормы, которые объясняются недостаточным знанием языковых норм или речевой небрежностью пишущего).

Однако и не всякое изменение структуры фразеологизма есть отступление от языковой нормы. Так, не противоречит языковой норме замена в некоторых типах ФЕ местоимений-альтернантов другими местоимениями, существительными или даже целыми переменными словосочетаниями. «К нормативным изменениям принадлежит также употребление компонента в различных словоформах, не выходящих за пределы ее парадигмы. Например, нельзя относить к преобразованиям употребление глагольных компонентов во всех залоговых и временных формах, адъективных компонентов — в форме сравнительной или превосходной степени, изменение субстантивного компонента в числе и т. п., **з а и с к л ю ч е н и е м** тех случаев <разрядка наша, — И. Т.>, когда грамматическая форма компонента строго закреплена языковой традицией и всякое отступление от нее воспринимается носителями языка как речевая инновация» (Шадрин 1991, 175).

Модификациям поддаются единицы практически всех структурных и семантических разрядов фразеологии, хотя и не в одинаковой степени. Наибольшие возможности модифицирования создают различные структурные группы метафорических выражений, легко допускающих всевозможное «обыгрывание» прямого лексического значения своих компонентов. Это прежде всего фразеологические единства. На базе фразеологических единств легко могут быть образованы индивидуально-авторские модификации фразеологизмов. Что касается фразеологических сращений, то они реже подвергаются модифицированию. Изменения возможны, например, в результате фонетических или эвфонических воздействий, сокращения компонентного состава (т. е. эллиптических опущений) или экспрессивного сокращения элементов.

Однако ФЕ с архаической синтаксической структурой, фразеологизмы с компонентами — лексическими архаизмами и единицы, в состав которых входят отмершие элементы, с трудом поддаются модификациям именно потому, что такие компоненты практически не допускают «обыгрывания» своего прямого лексического значения.

1.4. Классификация индивидуально-авторских приемов преобразования русских ФЕ

Анализу используемых авторами приемов преобразования ФЕ посвящено немало количество работ (см.: Абрамович 1964; Шмелев 1977; Бабенко 1988; Бабкин 1970; Вайгла 1977; Вакуров 1983; Зеленова 1985; Молотков 1977; Проблемы 1996; Шадрин 1991 и др.). Наиболее распространенной является типология способов преобразования ФЕ, в которой все приемы делятся на две группы в зависимости от того, подвергается или нет изменению внешняя форма ФЕ, т. е. лексико-семантический состав и структурно-семантические преобразования фразеологизмов (Э. Г. Колесникова, И. Я. Лепешев, Н. Л. Шадрин). Таким образом, среди индивидуально-авторских модификаций фразеологизмов выделяются:

- 1) семантические неологизмы (как результат процесса образования фразеологизма на базе уже имевшейся в языке ФЕ, которая подвергается семантическому преобразованию (полному или частичному));
- 2) структурные (точнее структурно-семантические) новообразования.

Соответственно, первые — это результат семантических преобразований, вторые — структурно-семантических. Заметим, что каждое преобразование исходного фразеологизма почти неизбежно затрагивает его семантическую сторону, т. е. сопровождается теми или иными инновациями в его значении либо приводит к усилению исходного значения фразеологического оборота.

Рассмотрим возможные способы модификации ФЕ внутри каждой упомянутой выше группы. Проиллюстрируем их примерами, о переводе которых пойдет речь в дальнейшем (см.: *Принципы отбора материала и его источники*). Заметим, что приведенными ниже примерами возможности индивидуально-авторских модификаций ФЕ не исчерпываются. Указываются здесь только те случаи, которые обнаруживает наш фактический материал. На каждый случай приводится по одному примеру.

Первая группа — приемы с е м а н т и ч е с к о г о преобразования ФЕ. Такие приемы основаны на изменении содержания без изменения традиционного лексического состава и структуры фразеологизма. Это те случаи, когда внутренняя форма фразеологизма остается неприкосновенной. Некоторые авторы выделяют два вида семантических преобразований в зависимости от того, затрагивает ли изменение семантики ФЕ в целом или ее отдельные компоненты (подробнее см.:

Вакуров 1983, 113–127). Конечный результат семантических преобразований достигается за счет определенным образом организованного контекста.

Сюда относятся:

1. фразеологические обороты, реализованные в условиях, при которых оборот воспринимается в значении, отличном от привычного, нормативного:

– Царский под ноготь, а студенческий показать (Б-1, 204);

2. параллельное употребление ФЕ и свободного словосочетания, являющегося этимологическим прототипом ФЕ (многие исследователи такое свободное словосочетание называют омонимичным ФЕ):

Застенчивый Александр Яковлевич тут же, без промедления, пригласил пожарного инспектора отобедать чем бог послал. В этот день бог послал Александру Яковлевичу на обед бутылку зубровки, домашние грибки, форшмак из селедки, украинский борщ с мясом первого сорта, курицу с рисом и компот из сушеных яблок (ИП, 56–57);

3. каламбурные построения, основанные на прямом понимании значения отдельных слов, входящих в состав фразеологического сочетания:

Через пять минут стул был обглодан. От него остались рожки да ножки. Во все стороны катились пружины. Ветер носил гнилую шерсть по пустырю. Гнутые ножки лежали в яме (ИП, 64–65);

4. сталкивание семантически далеких фразеологизмов, в состав которых входит одно и то же слово (здесь важна содержательная, информативная сторона фразеологического каламбура: он может заключать в себе иронию, сарказм и т. п.):

– *Никогда, – принялся вдруг чрево вещать Ипполит Матвеевич, – никогда Воробьянинов не протягивал руки.*

– *Так протянете ноги, старый дуралей! – закричал Остап (ИП, 292);*

5. случаи выявления в контексте одного из значений — прямого (буквального) или фразеологического (компоненты контекста, поддерживающие второе значение, необязательны):

Высадившись у Красных ворот, он нашел по записанному Остапом адресу нужный дом и принялся ходить вокруг да около (ИП, 188);

Приведенные выше примеры не иллюстрируют всех возможностей семантического преобразования. Однако все многообразие приемов можно свести к следующим:

- 1) употребление ФЕ в ином значении;
- 2) приемы, вовлекающие ФЕ в каламбурную игру и приводящие к нарушению семантической устойчивости ФЕ: от совмещения в контексте фразеологического и буквального значения оборота до его буквализации.

Вторую группу составляют приемы структурно-семантического преобразования ФЕ. Они отличаются от приемов первой группы тем, что окказиональное изменение фразеологизма происходит за счет отступлений от привычной формы фразеологизма — замены компонента, расширения или сокращения компонентного состава, изменения синтаксической структуры и т. д. Подобные модификации «чаще всего направлены на актуализацию обобщенного значения ФЕ применительно к конкретной ситуации, изменение качественно-оценочной направленности оборота, интенсификацию его значения, внесение дополнительных семантических оттенков» (Проблемы 1996, 145–146). Рассмотрим возможные варианты таких модификаций.

1. Одним из наиболее распространенных способов модификации является расширение компонентного состава ФЕ. Это способ увеличения выразительных возможностей фразеологизма, реализации авторских намерений. Введение нового компонента в состав ФЕ может повлечь за собой усиление степени проявления признака, качества, обозначаемого данным оборотом, его экспрессивности, эмоциональности и т. д.

*За двадцать лет своей деятельности в театрах Варенуха видал всякие виды, но тут он почувствовал, что ум его застывает как бы пеленою, и он ничего не сумел произнести, кроме житейской и притом совершенно нелепой фразы:
– Этого не может быть! (Б-3, 373)*

2. Распространен такой прием модификации ФЕ, как замена ее компонента, или субституция. Результат такой трансформации — обновление значения фразеологизма, ослабление или интенсификация его значения — зависит от семантических отношений между заменяемым и замещающим компонентами. Возможна замена компонента ФЕ словом-антонимом, синонимом, словом одной лексико-семантической группы, словом иной стилистической окраски и т. д. Возможна замена одного компонента несколькими.

«А святой отец? – мысленно ехидствовал он. – Дурак дураком остался. Не видать ему стульев, как своей бороды» (ИП, 88–89).

3. Одним из наименее распространенных приемов модификации является контаминация фразеологизмов. При этом значительно возрастает смысловая емкость оборота, спаянность его с контекстом. Возможны разнообразные способы контаминирования: соединение ФЕ, имеющих общий компонент; контаминация семантически близких фразеологизмов; соединение семантически разноплановых ФЕ с различной структурой и компонентным составом и т. д.

Смех полетел из него каскадами, причем рот сверкал белыми зубами, – сдохну со смеху, как собака (Б-1, 237).

4. Значительно менее распространен прием сокращения компонентного состава — эллипсис ФЕ. Возможно сокращение одного или двух компонентов. В отдельных случаях от фразеологизма остается лишь один компонент, который служит сигнальным фрагментом, позволяющим восстановить значение и структуру исходной ФЕ. При этом особенно велика роль контекста, он принимает на себя функции недостающих компонентов, поддерживает фразеологическое значение. Эллиптированию чаще подвергаются образные ФЕ. Чаще опускается глагольный компонент фразеологизма.

Затем мгновенно исчезли, как сквозь землю, все остальные всадники (Б-1, 152).

5. Автор может использовать словообразовательные модификации (обычно это деминутивные формы).

– Ну, дай бог здоровычка, – с горечью сказал Безенчук, – одних убытков сколько несем, туды его в качель! (ИП, 10);

6. Индивидуально-авторская модификация ФЕ может быть образована на базе фразеологизмов с использованием их образной основы (с частичным сохранением или без сохранения узуальных компонентов).

Его толкало вверх сердце, поднимавшееся к самому горлу, и особенный, известный только одним трусам зуд в пятках (ИП, 310).

7. Чаще применяется не один прием преобразования, а сочетание двух или более приемов. Эффект такой трансформации является наиболее ярким.

«Целое дело сшили!» – подумал Иван (Б-3, 355).

Вопрос об отнесении к способам трансформаций ФЕ формально-грамматических преобразований, затрагивающих форму отдельных компонентов, структуру ФЕ,

порядок следования компонентов, решается различными авторами по-разному. Одни из них подобные преобразования не рассматривают совсем, считая, что они «не создают ощутимых инноваций в значении или стилистической окраске фразеологизма» (Шадрин 1991, 175), другие признают такие отступления от фиксированной в языке грамматической формы компонента или всего фразеологизма существенными, не всегда, однако, выделяя их в самостоятельную группу приемов (Г. Ф. Брызгалова, Е. А. Малиновский).

На наш взгляд, в результате формально-грамматических изменений может достигаться ощутимый семантический и стилистический эффект. К таким преобразованиям можно отнести, например, изменение формы одного из компонентов ФЕ. Это может быть, например, изменение вида глагола, входящего в состав ФЕ:

Мышлаевский внезапно зевнул и клюнул носом (Б-1, 31)

Мы считаем, что это как раз тот случай, «когда грамматическая форма компонента строго закреплена языковой традицией и всякое отступление от нее воспринимается носителями языка как речевая инновация» (Шадрин 1991, 175). Подобные формально-грамматические изменения мы будем рассматривать наряду с индивидуально-авторскими модификациями ФЕ, возникшими в результате приемов семантического или структурно-семантического преобразования, включая их в состав последних.

1.5. Понятие адекватности/неадекватности в переводе

Главную трудность работы по переводу художественной литературы, как известно, определяет необязательность совпадения элементов систем разных языков. Это обстоятельство зачастую приводит к явлению неадекватности в переводе, а также порождает теории непереводаемости. Такие теории поддерживаются еще и фактом существования различий в культурах, истории, особенностях воспитания и т. п. носителей разных языков (подробнее об этом см.: Quine 1960). Однако «практика художественного перевода доказала, что переводимость, понимаемая не как буквальное, а как функциональное соответствие перевода оригиналу, вполне достижима» (Галеева 1989, 81). Непереводаемых произведений нет, «каждый высокоразвитый язык является средством достаточно могущественным для того, чтобы передать содержание, выраженное на другом языке в его единстве с формой»

(Федоров 1983, 122). Здесь мы вплотную подходим к определению важного для нас понятия адекватности перевода.

Под адекватностью перевода принято понимать единство формы и содержания на новой языковой основе. «Если критерием точности перевода является тождество информации, сообщаемой на разных языках, то целостным или адекватным можно признать лишь такой перевод, который передает эту информацию равноценными средствами» (Рецкер 1974, 7).

Исходя из этого, задачи переводчика формулируются следующим образом: «<...> 1) цель перевода — как можно ближе познакомить читателя <...>, не знающего исходного языка (ИЯ), с данным текстом <...>; 2) перевести — значит выразить верно и полно средствами одного языка то, что уже выражено ранее средствами другого языка» (Федоров 1983, 10). Или же: «Задача переводчика — передать средствами другого языка целостно и точно содержание подлинника, сохранив его стилистические и экспрессивные особенности <...>» (Рецкер 1974: 7). Резюмируя, можно привести формулировку основных переводческих задач, предложенную В. М. Аврасиным и Л. С. Бендаржевской (Аврасин, Бендаржевская 1969, 88):

- полная передача информации, заключенной в тексте;
- выбор таких средств в языке перевода, которые были бы максимально адекватны средствам, использованным в подлиннике;
- сохранение всей образности ткани подлинника.

Иными словами, переводчик стремится к сохранению не только содержания оригинала, но и его формы: «перевод правилен и адекватен, если он верно передает всю многообразную специфику использования языковых явлений именно в данном контексте, т. е. учитывает как структуру данных языковых явлений, так и их предметно-логическое содержание, все виды стилистической характеристики, их возможности употребления и сочетания с другими языковыми явлениями и всю тональность изложения» (Аврасин, Бендаржевская 1969, 88).

Что же касается перевода индивидуально-авторских модификаций ФЕ, то, на наш взгляд, адекватность их перевода представляется возможным рассматривать в следующих аспектах:

1. предметно-логическая адекватность — совпадение предметно-логического значения модифицированного фразеологизма подлинника и его соответствия в переводе (включая оттенки значения, его интенсификацию и т. п.);

2. образная адекватность (сохранение общей образности, выразительности ткани подлинника);
3. функционально-стилистическая адекватность — совпадение функционально-стилистических характеристик индивидуально-авторских модификаций фразеологизмов оригинала и их соответствий в переводе;
4. экспрессивно-стилистическая адекватность — сохранение в переводе того же отношения к литературной норме и той же эмоциональной окраски, что и в подлиннике;
5. структурная адекватность перевода подлиннику — имеется в виду не столько четкое сохранение структуры индивидуально-авторской модификации оригинала, сколько сохранение структурного обновления исходного фразеологизма (если речь идет о модификациях, образованных в результате структурно-семантического преобразования).

Здесь, вероятно, следует уточнить такие понятия, как образно-метафорическое, эмоциональное, экспрессивное и функционально-стилистическое значения ФЕ, так как эти понятия допускают ряд различий.

Фразеологизм как словарное и выразительное средство представляет собой сложную, многоплановую единицу языка. Его семантическая структура включает в себя как чисто содержательную, предметную сему, так и ряд коннотативных сем. Такими основными коннотативными компонентами значения ФЕ являются: образно-метафорический, эмоциональный, оценочный, экспрессивный, функционально-стилистический.

Образность является одной из важнейших категорий стилистики ФЕ. Однако не все фразеологизмы обладают таким свойством. Благодаря этому факту, опираясь на различные лингвистические схемы, например, классификацию ФЕ В. В. Виноградова (Я. И. Рецкер 1974, А. В. Федоров 1983 и др.), авторы теоретических работ и практических пособий по переводу фразеологии рассматривают перевод фразеологизмов, разделяя их на образные и безобразные (Комиссаров, Рецкер, Тархов 1960). «Традиционно под образностью понимается способность языковых единиц создавать наглядно-чувственные представления о предметах и явлениях действительности» (Мокиенко 1989, 157). Формирование этой категории — результат метафорического переосмысления свободных словосочетаний, приобретающих в конечном итоге свое основное, денотативное значение, а также формирующих такие категориальные признаки, как эмоциональность (а

эмоциональность в свою очередь лежит в основе стилового значения ФЕ), оценочность и экспрессивность.

В основе образного восприятия лежит метафора или, иными словами, противоречие между конкретным и переносным восприятием слова или словосочетания. Исследователи метафоры рассматривают ее в основном как средство языка и речи, способное передать конкретно-чувственное, переносно-обобщенное значение. Метафора вызывает у читателя и слушателя конкретный зрительный образ. Отсюда и утверждение, что «образность фразеологии состоит в том, что многие фразеологизмы не просто называют явления, признаки, предметы, действия, но и содержат определенный образ» (Фомина, Бакина 1985, 7).

Интересные статистические данные приводит в своей работе Г. Л. Пермяков (Пермяков 1970, 48), а вслед за ним и В. Н. Вакуров (Вакуров 1983, 11). Г. Л. Пермяков выделяет группу ФЕ, в состав которых входит слово «рука». Она насчитывает 168 ФЕ. В этой группе выделено 16 фразеологических сращений, 19 фразеологических единств с прямой мотивировкой общего значения и 133 фразеологических единства с образной мотивировкой общего значения. Таким образом, в этой группе ФЕ 133 фразеологизма были сформированы на основе семантического переосмысления.

Термин *семантическое переосмысление* охватывает все основные случаи создания фразеологического образа. ФЕ могут быть как следствием собственно метафорического переноса (например: *выбивать из седла, припираться к стене, связывать по рукам и ногам* и др.), так и метонимического переноса (например: *брить лоб, вилять хвостом, пальчики оближешь* и др.) или синекдохи (например: *светлая голова, с глаза на глаз, золотые руки* и др.). Также одним из видов создания фразеологического образа являются гипербола и литота. Так были образованы, например, такие фразеологизмы, как: *буря в стакане, коломенская верста, бездонная бочка, умереть со смеху, с гулькина нос, капля в море* и др. Как подчеркивает В. Н. Вакуров, «при образовании этой группы ФЕ использован и метафорический перенос», поэтому он называет такие фразеологизмы «метафорическими гиперболами и литотами» или же «гиперболическими и литотными метафорами (в зависимости от того, какую сторону фразеологизма мы хотим выделить, подчеркнуть)» (Вакуров 1983, 12). Ряд ФЕ был создан на основе слов-символов (например: *за круглым столом, увенчать лаврами, пальма первенства* и др.). Известны фразеологизмы, представляющие собой алогические выражения каламбурного характера (например: *курам на смех, без году неделя,*

ломиться в открытую дверь и др.). Особый вид переноса значения — иносказание. Выделяется, например, группа фразеологизмов, «возникновение которых связано <...> с своеобразным фетишизмом, с явлением табу» (Мошкарров 1971, 67), например, ФЕ со значением ‘умереть’: *уснуть вечным сном, отдать богу душу, отправиться к праотцам, приказать долго жить, протянуть ноги* и др. Один из видов переосмысления — расширение смысла словосочетания. ФЕ образуются не всегда в результате метафорического переосмысления. Первоначально фразеологизм может употребляться метафорически (например, первоначальное употребление ФЕ *намылить голову* в значении ‘потаскать за волосы’), а затем получить более широкое значение (‘сильно бранить, распекать кого-либо’ (ФСРЯ, 257) — современное значение фразеологизма *намылить голову*). «Спецификой этой группы ФЕ является то, что собственно метафорический перенос — лишь один из этапов их эволюции. Завершающая же стадия формирования этого разряда — расширение, обобщение их смысла» (Вакуров 1983, 13–14). И последнее, что следует заметить, это тот факт, что образование ФЕ может базироваться на совокупности различных видов переноса (например: *влюбиться без ума* — метафора по сходству впечатлений и вместе с тем гиперболизация признака).

Другой важной категорией ФЕ является их эмоциональность. В отличие от слов, большинство которых выполняют в языке чисто номинативную функцию, фразеологизмы используются как эмоциональное средство. Эмоциональность ФЕ — это их способность выражать различные чувства, эмоции и в связи с этим эмоционально оценивать «предметы» речи (отрицательная оценка: неодобрение, презрение, пренебрежение, ирония и т. д.; положительная оценка: одобрение, восхищение, дружелюбие, ласковое отношение и т. д.).

По-мнению В. Н. Вакурова, с точки зрения эмоционального отношения носителей языка к конкретному представлению можно выделить две основные группы ФЕ. Фразеологизмы первой группы приобрели эмоциональную окраску в результате перенесения эмоционального отношения к представлению на обобщенный смысл фразеологизма. Например, ФЕ *драная кошка* в значении ‘худая, изможденная женщина’ (ФСРЯ, 210) получил эмоциональную окраску презрительности в результате того, что само конкретное представление вызывает у носителей языка отрицательную эмоцию. Такой же эмоциональный перенос (сопровождающий перенос метафорический) имел место в таких ФЕ, как *базарная баба, считать ворон, мокрая курица* и т. д.

Второй тип ФЕ характеризуется тем, что в основу метафоризации фразеологизмов положено представление или признак представления, которые сами по себе не вызывают эмоционального отношения носителей языка. Эмоциональность таких единиц формируется в результате оценки предмета, называемого ФЕ. Возможность такого лингвистического процесса объясняется тем, что часто признаки предметов не абсолютны с точки зрения отношения к ним людей, а относительны. Один и тот же признак может быть оценен как нейтральный или положительный в одном отношении и как отрицательный — в другом. Например, представление о тяжелой артиллерии не вызывает эмоционального отношения со стороны говорящих. Однако признаки ее (громоздкость, тяжеловесность, небольшая скорость передвижения и т. д.), перенесенные на человека, становятся эмоциональными, актуализируя ироническое к ним отношение (Вакуров 1983, 20–22).

Таким образом, мы видим, что эмоциональность фразеологизмов формируется в органической связи с их образностью. Однако следует остановиться на этой проблеме в отношении фразеологических сращений. Дело в том, что, несмотря на то, что фразеологические сращения представляют собой демегафоризированные, демотивированные словосочетания, они все же обладают коннотациями эмоциональности и экспрессивности. Нужно, прежде всего, отметить, что значения фразеологических сращений не мотивированы лишь с точки зрения современного состояния языка. При историческом же подходе они оказываются вполне мотивированными, причем механизм их образования, их образная природа совершенно такие же, как у фразеологических единств. Например, *сохой* в старину называли меру земли. *Соха* — это и община от 3-х до 60-ти дворов. Эта соха служила единицей подати. Были сохи большие и маленькие. Крестьянина, принадлежавшего к мелкой сохе, которая объединяла в своем составе малоимущих людей, называли *мелкой сошкой*. Затем это словосочетание приобретает новый переносный смысл — ‘человек, занимающий невысокое общественное или служебное положение; невлиятельный, неавторитетный человек’ (ФСРЯ, 447). Таким образом, социальное явление, породившее ФЕ исчезло, сама же ФЕ сохранилась благодаря свойственной ей эмоциональности. Иными словами, особенность фразеологических сращений заключается в том, что метафорическое значение утратило связь со значением компонентов. По мере забвения внутренней формы развивается идиоматичность сращений, они становятся безобразными, их значения уже не соотносятся с конкретными представлениями и их признаками.

В сущности, как показывает В. М. Мокиенко в работе «Славянская фразеология», фразеологический фонд любого естественного языка делится на два разряда — образных и безобразных ФЕ. Образные ФЕ составляют значительную часть фразеологического фонда. Они характеризуются двуплановостью семантики, которая возникает за счет того, что прямое значение исходного переменного словосочетания в процессе фразеологизации вступает в соотношение с возникающим целостным фразеологическим значением. Взаимодействие этих двух значений в семантике ФЕ и создает его образность. Что касается безобразных ФЕ, то они либо обладают немотивированным значением, либо их значение мотивируется или «выводится» из значений отдельных компонентов (подробнее см.: Мокиенко 1989, 157–205).

Еще один признак фразеологизмов — экспрессивность. В работах, посвященных этому категориальному признаку, находим самое различное его понимание. Чаще всего экспрессивность отождествляется с эмоциональностью, образностью, выразительностью.

Мы согласимся с мнением тех исследователей (Л. М. Васильев, В. Н. Вакуров), которые в число признаков экспрессивности речевого факта включают такие, как интенсивность смыслового содержания и очень высокая степень проявления признака. В. Н. Вакуров выделяет три разряда экспрессивных значений: 1) количественные (квантитативные) экспрессивные значения; 2) качественные (квалитативные) экспрессивные значения; 3) качественно-количественные экспрессивные значения.

При идентификации фразеологизмов легко обнаруживается яркая количественная экспрессия очень многих ФЕ. Например: *в кои-то веки* — ‘очень редко’ (ФСРЯ, 59), *весь наружу* — ‘предельно, крайне откровенен, непосредствен в проявлении своих чувств, мыслей, настроений и т. п.’ (ФСРЯ, 62), *ветер свистит в карманах* — ‘совсем нет денег, полное безденежье’ (ФСРЯ, 62). Процесс формирования количественной экспрессии неразрывно связан с механизмом образования метафоричности ФЕ. И в создании метафоричности, и в создании количественной экспрессии ФЕ решающую роль играют признаки сравнения.

Что касается качественной экспрессивности ФЕ, то она формируется теми дополнительными оттенками смысла, которые вытекают из специфики конкретного образа, положенного в основу ФЕ. Смысловые качественно-экспрессивные оттенки делают фразеологизм богаче содержанием по сравнению с нейтральным синонимом, выражая это содержание более интенсивно. Если сопоставить две синонимичные

единицы *искоренить* и *выжечь каленым железом*, то можно отметить тот факт, что последняя обладает дополнительным компонентом значения: искоренение при помощи самых крайних, беспощадных мер. Качественная экспрессия многих ФЕ связана с их эмоциональностью, оценочностью. В этих фразеологизмах смысловые компоненты экспрессивности содержат ту или иную положительную или отрицательную оценочность. Например: *обвести вокруг пальца* — ‘ловко, хитро обманывать’ (ФСРЯ, 288), *крутить шарманку* — ‘надоедливо говорить, повторять одно и то же’ (ФСРЯ, 216), *строить воздушные замки* — ‘предаваться несбыточным мечтам, придумывать неосуществимые планы’ (ФСРЯ, 461).

Многие фразеологизмы объединяют семы количественной и качественной экспрессивности. Интенсивность, напряженность действий, признаков, свойственных таким ФЕ, сочетается с высокой степенью проявления признаков предметов или действий. Например: *разуй глаза* — ‘посмотри как следует, всмотрись внимательно’ (ФСРЯ, 383), *гнуть в бараний рог* — ‘принуждать, притеснять, подавлять; добиваться покорности, полного подчинения’ (ФСРЯ, 109), *высасывать кровь* — ‘жестоко эксплуатировать, всячески притеснять, доводить до крайней степени нужды’ (ФСРЯ, 96) (подробнее см.: Вакуров 1983, 23–26).

И последнее понятие — *функционально-стилистическое значение ФЕ*. Общепринятым является положение о том, что все ФЕ современного русского языка обладают тем или иным функционально-стилистическим значением. Данное свойство ФЕ связано с их функционированием в определенных сферах общения. Все фразеологизмы с точки зрения их соотношения с функциональными стилями входят в один из стилевых пластов. Большинство исследователей выделяют нейтральные, книжные, разговорные, просторечные, грубо-просторечные ФЕ.

К нейтральным, или межстилевым, относятся общеупотребительные, т. е. используемые во всех функциональных стилях языка, ФЕ. Нередко эта стилевая характеристика называется нулевой. Вот несколько примеров нейтральных фразеологизмов: *во всяком случае, сидеть сложа руки, по горячим следам, от всего сердца* и др.

Функциональная сфера книжных ФЕ — стили книжной речи: научный, официально-деловой, публицистический. Широко используется книжная фразеология и в художественных текстах, для которых, впрочем, характерно употребление словарных единиц всех функциональных разновидностей языка. Приведем несколько примеров книжных ФЕ: *фиговый листок, авгиевы конюшни, уснуть вечным сном, заронить искру* и др.

К разговорным фразеологизмам относятся ФЕ, свойственные разговорной речи. Фразеологи подчеркивают непосредственность, непринужденность этого пласта ФЕ, а также их стилевую сниженность, бытовой характер, некоторую вольность. С точки зрения эмоциональности разговорные фразеологизмы характеризуются эмоциональными значениями ласкательности, шутливости, иронии, неодобрительности, пренебрежительности. Подавляющее большинство исконно русских ФЕ, образованных в живой речи, относится к пласту разговорных. Приведем некоторые примеры разговорных ФЕ: *зарубить на носу, втирать очки, дело в шляпе, хоть волком вой* и др.

Подобно разговорным ФЕ, просторечные фразеологизмы также имеют преимущественное употребление в разговорном стиле. Но этот пласт отличается более резко выраженной эмоциональностью, оценочностью и экспрессивностью: сюда включаются фамильярные, вульгарные, презрительные и бранные ФЕ. Примеры таких фразеологизмов: *чтоб пусто было, вот так клюква!, елки зеленые, затыкать рот, без задних ног* и т. д.

При таком количестве характеристик ясно, что для признания перевода ФЕ (в том числе и индивидуально-авторских модификаций фразеологизмов) адекватным недостаточно лишь совпадения значений фразеологизма ИЯ (преобразованного, если речь идет о переводе индивидуально-авторских модификаций ФЕ) и его соответствия в переводе. «Основным условием достижения полной или частичной общей адекватности является наличие (как минимум) предметно-логической адекватности и хотя бы одного из аспектов стилистической адекватности (или образной адекватности)» (Аврасин, Бендаржевская 1969, 96). Это положение справедливо по отношению к переводу единиц общего фразеологического фонда. Что касается перевода индивидуально-авторских модификаций ФЕ, то, на наш взгляд, об адекватности перевода здесь можно говорить при сохранении в переводе сопровождающих преобразование ФЕ важных характеристик: интенсификации значения, дополнительных семантических оттенков, словесной игры, повышенной экспрессивности, определенных стилистических эффектов и т. п., т. е. тех сопутствующих модификациям явлений, ради которых авторы и употребили модификацию ФЕ, а не саму ФЕ. В противном случае речь идет о п р а к т и ч е с к о й э к в и в а л е н т н о с т и модификации и ее соответствия, исключая случаи неадекватного перевода. Неадекватным же признается перевод, в котором отсутствует предметно-логическая адекватность или же образ

индивидуально-авторской модификации фразеологизма перевода оказывается для читателя совершенно непонятным, вызывающим недоумение.

1.6. Проблемы перевода фразеологии

Вопросам перевода фразеологии уделено немало внимания (Аврасин, Бендаржевская 1969; Бородянский 1963; Комиссаров, Рецкер, Тархов 1960; Бархударов 1975; Вайгла 1977; Васильев 1989; Крупнов 1976; Влахов, Флорин 1986; Гольцекер 1975 и др.). При этом все специалисты-фразеологи единогласно отмечают, что «в «шкале непереводимости» или «труднопереводимости» фразеологизмы <...> занимают едва ли не первое место» (Влахов, Флорин 1986, 228), так как «часто представляют большие практические трудности» (Федоров 1968, 192).

Как считают, например, С. Влахов и С. Флорин, нередко эти трудности возникают еще на этапе распознавания ФЕ, поскольку «фразеологизм обладает всеми качествами, которые могут представить затруднения для переводчика уже с первых шагов: это и раздельнооформленность, и характер компонентов, большей частью не отличающихся от обычных слов, и ничем не замечательная (за немногими исключениями) связь между ними и контекстом, и <...> национальный колорит» (Влахов, Флорин 1986, 229).

«Следующий барьер — трудность восприятия распознанной единицы» (Влахов, Флорин 1986, 230). Связан он с таким признаком фразеологизма, как невыводимость его значения из значений отдельных слов, компонентов фразеологизма. Неправильное понимание фразеологизма «часто приводит к искажению и всего контекста, который переводчик стремится приспособить к тому неверному значению, которое сложилось у него в голове» (Влахов, Флорин 1986, 230).

Кроме того, фразеологизмы обладают рядом характеристик, сохранение которых является важным при их переводе: эмоциональность, экспрессивность, образность, стилистическая окраска и т. д. Как известно, «трудность подбора необходимого соответствия возрастает вместе со степенью расхождения фразеологизмов в двух языках по образной структуре» (Вайгла 1977, 169). Однако чаще всего переводчику приходится жертвовать определенными характеристиками в условиях безэквивалентности в сфере фразеологии (когда он не имеет возможности осуществить перевод посредством фразеологического соответствия).

Переводчику важно также учитывать своеобразие фразеологий языка оригинала и языка перевода, их соотношений. Поскольку в качестве переводящих нами были

выбраны польский и эстонский языки, то речь здесь пойдет о фразеологиях именно этих двух языков.

Исчерпывающую характеристику фразеологизмов польского языка находим у А. Богуславского (Bogusławski 1994). Этот автор выделяет ряд признаков, которые присущи фразеологизмам польского языка: 1) “stałość” — воспроизводимость фразеологизмов в речи; 2) “wielowyzazowość”, которая заключается в том, что фразеологизм состоит как минимум из двух слов; 3) “nieciągłość” — раздельнооформленность (компоненты фразеологизма в предложении могут быть отделены друг от друга другими словами); 4) “asumaryczność znaczenia” — немотивированность значений фразеологизма в целом значениями его компонентов. Нельзя также не упомянуть о том, что для связи со словами в предложении компоненты фразеологизма могут изменять свою грамматическую форму (Bogusławski 1994, 125). Как видим, признаки польских фразеологизмов совпадают с таковыми фразеологизмов русского языка.

Что касается классификации польских фразеологизмов, то так же, как и в русской фразеологии, здесь возможно деление на три класса в зависимости от степени семантической слитности компонентов фразеологизма. Так, выделяют *związki frazeologiczne stałe, łączliwe* и *luźne* (Skorupka 2002, 6–7).

Отметим еще и то, что, как подчеркивают польские исследователи, значительная часть фразеологического состава русского и польского языков — это фразеологизмы, идентичные в структурно-грамматическом и семантико-лексическом отношении (Mossór 2001, 252).

Что касается эстонского языка, то и здесь фразеологизмы определяются как выражения, представляющие собой семантическое единство, значение которого нельзя вывести из значения компонентов, его составляющих. Им присуща метафоричность, образность, их нельзя переводить на другой язык слово в слово (Õim 1993, 5). Иными словами, «фразеологизм — это языковая единица, которая характеризуется смысловой целостностью, метафоричностью, образностью, нередко — большой экспрессивностью и эмоциональностью» (E-VFK, 10). Компоненты фразеологизма утратили свое первоначальное, прямое значение. Степень слитности и мотивированность фразеологизмов могут быть различными. Отсюда и возможность аналогичного русской классификации В. В. Виноградова деления фразеологизмов (*fraseoloogilised sulamid, fraseoloogilised ühendid, fraseoloogilised kombinatsioonid*; подробнее об этом см.: Baran 1999).

Однако у эстонской фразеологии есть и свои особенности, в частности, возможность использования в речи образных сложных слов, которые можно условно рассматривать как своеобразные однословные фразеологизмы. Приведем несколько примеров с их фразеологическими соответствиями в русском языке: эст. *kullapalavik* – русск. *золотая лихорадка*, эст. *hingepõhjas* – русск. *в глубине души*, эст. *ülekaela* ‘через голову и шею’ – русск. *сломя голову* и т. п. На выделение подобных единиц в разряд условных фразеологизмов указывает, например, Э. Вайгла (Вайгла 1977, 162). Перевод такой единицей позволяет сохранить образность и стилистическую окраску переводимой ФЕ.

Немаловажно и замечание о том, что «на эстонскую фразеологию оказали влияние, в первую очередь, немецкий и русский языки» <разрядка наша, — И. Т.> (E-VFK, 11), а потому большая часть фразеологизмов этих языков совпадает как по своей структуре, так и по значению (то же, как говорилось выше, в польском и русском языках).

Как видим, основные показатели русских фразеологизмов оказываются аналогичными таковым фразеологизмов ПЯ. Их классификации также могут совпадать. К тому же в обоих языках (польском и эстонском), как, впрочем, и в русском, возможно понимание фразеологии в узком и широком смысле (о чем речь уже шла в отношении русской фразеологии), от которого зависит объем и состав включаемых в разряд фразеологизмов единиц.

Итак, мы дали небольшой сопоставительный анализ фразеологий исходного и ПЯ (польского и эстонского), а также затронули вопрос о трудностях перевода единиц общего фразеологического фонда. Далее при непосредственном анализе случаев перевода индивидуально-авторских модификаций фразеологизмов мы будем опираться на материалы по переводу фразеологии в целом. Наиболее удобной для такого сопоставления работой, на наш взгляд, является статья Э. Вайгла «Из наблюдений над переводом русской фразеологии на эстонский язык», на которую мы будем в дальнейшем неоднократно ссылаться (Вайгла 1977).

Глава 2. Перевод индивидуально-авторских модификаций русских ФЕ при наличии в польском и/или эстонском языке фразеологических соответствий

В этой главе мы рассмотрим перевод индивидуально-авторских модификаций русских фразеологизмов, который осуществляется при наличии в ПЯ фразеологических соответствий первоосновы индивидуально-авторских модификаций фразеологизмов, будь то полные или частичные фразеологические эквиваленты или аналоги. Здесь, на наш взгляд, необходимо объяснить следующие термины: *полный фразеологический эквивалент*, *частичный фразеологический эквивалент*, *фразеологический аналог* и *фразеологическое соответствие*, тем более что понимание их исследователями неоднозначно.

Фразеологические эквиваленты делятся на полные и частичные. Однако термин *полный фразеологический эквивалент* используется не всеми исследователями, иногда он заменяется несколько сокращенным термином *фразеологический эквивалент*. Таким термином, например, пользуются С. Влахов и С. Флорин в своей монографии «Непереводимое в переводе» (Влахов, Флорин 1986). «Фразеологический эквивалент, — считают они, — это фразеологизм на ПЯ, по всем показателям равноценный переводимой единице. Как правило, вне зависимости от контекста он должен обладать теми же денотативным и коннотативным значениями, т. е. между соотносительными ФЕ не должно быть различий в отношении смыслового содержания, стилистической отнесенности, метафоричности и эмоционально-экспрессивной окраски, они должны иметь приблизительно одинаковый компонентный состав, обладать рядом одинаковых лексико-грамматических показателей: сочетаемостью (например, в отношении требования одушевленности/неодушевленности), принадлежностью к одной грамматической категории, употребительностью и т. д.; и еще одним весьма важным свойством: отсутствием национального колорита» (Влахов, Флорин 1986, 233). Мы же вслед за Э. Вайгла для обозначения таких единиц будем пользоваться термином *полный фразеологический эквивалент* во избежание омонимии при использовании термина *фразеологический эквивалент*, который охватывает и полные, и частичные эквиваленты (Вайгла 1977, 144). Приведем несколько примеров полных фразеологических эквивалентов: русск. *как на ладони* – эст. *nagu pihi peal*; русск. *совать свой нос* – эст. *ota nina toppida*; русск. *черт знает* – польск. *diabeł wie*, эст. *kurat teab* и т. п.

Под *частичными эквивалентами* мы будем иметь в виду единицы, имеющие расхождения с переводимой ФЕ в лексическом составе или грамматическом оформлении (термин в таком значении используется эстонским фразеологом Э. Вайгла: Вайгла 1977, 144). Но существует и иное толкование этого понятия. С. Влахов и С. Флорин *неполными (частичными) эквивалентами* называют такие единицы ПЯ, которые являются «абсолютными эквивалентами соотносительных ФЕ ИЯ, но не во всех значениях <разрядка наша — И. Т.>» (Влахов, Флорин 1986, 234). Правда, они используют также термин *относительный фразеологический эквивалент*. Относительный эквивалент отличается от исходной ФЕ по какому-либо из показателей: другие компоненты, небольшие изменения формы, изменение синтаксического построения и т. п. В остальном же, в частности в том, что касается семантики, он является полноценным соответствием переводимой ФЕ. По сути, такое определение совпадает с толкованием *частичного фразеологического эквивалента*, которое мы встречаем в статье Э. Вайгла (Вайгла 1977, 145). Она выделяет следующие возможности варьирования такого рода единиц: а) может варьироваться лексическая сторона оборота, б) возможны различия в грамматической структуре, в) наблюдаются одновременно и лексические, и грамматические расхождения. Таким образом, наша трактовка термина *частичный фразеологический эквивалент* совпадает с толкованием, которое встречается у Э. Вайгла. Вот несколько примеров частичных эквивалентов: русск. *ездить на шее* – эст. *turjal sõita* ‘ездить на загорбке’; русск. *принимать за чистую монету* – эст. *puhta kullana võtma* ‘принимать за чистое золото’; русск. *смотреть [глядеть] сверху вниз* – польск. *patrzyć z góry* ‘смотреть сверху’ и т. п.

Еще один возможный способ фразеологического перевода — это использование *фразеологического аналога*. Традиционно фразеологическим аналогом называют оборот иной образной структуры (Э. Вайгла, С. Влахов, С. Флорин, В. Н. Комиссаров, Я. И. Рецкер, В. И. Тархов). Есть аналоги весьма близкой мотивации и аналоги, различные по своей образной основе. Как указывает Э. Вайгла, возможна даже определенная условная градация аналогов по степени различия в представлениях, лежащих в их основе (подробно см.: Вайгла 1977, 148–154). Приведем примеры: русск. *зарубить на носу* – эст. *kõrva taha panema* (дословно: ‘положить за ухо’); русск. *обобратить как лупку* – польск. *oskubać jak perliczkę* (дословно: ‘обобратить как цесарку’); русск. *куда глаза глядят* – эст. *kuhu jalad viivad* (дословно: ‘куда ноги понесут’) и т. п.

Фразеологическими соответствиями мы будем называть средства фразеологического перевода, т. е. фразеологические эквиваленты и фразеологические аналоги в совокупности.

Итак, переводчик оказывается в условиях, когда первооснова модифицированного автором фразеологизма имеет в языке перевода фразеологическое соответствие. В этом случае у него есть возможность применить как способы фразеологического (см.: 2.1. *Фразеологический перевод*), так и нефразеологического перевода (см.: 2.2. *Нефразеологический перевод*).

2. 1. Фразеологический перевод

«Фразеологический перевод предполагает использование в тексте перевода устойчивых единиц различной степени близости между единицей ИЯ и соответствующей единицей ПЯ — от полного и абсолютного эквивалента до приблизительного фразеологического соответствия» (Влахов, Флорин 1986, 233). Иными словами, это перевод с использованием фразеологических эквивалентов и фразеологических аналогов (в нашем случае в качестве первоосновы переводимой модификации ФЕ).

Общее количество случаев фразеологического перевода составило в нашем материале около 65%. Кроме того, чуть более 4% — это случаи, когда имеющееся в ПЯ фразеологическое соответствие не используется переводчиком. Таким образом, в 69% всех случаев первооснова модификации русской ФЕ имеет в ПЯ фразеологическое соответствие. Отметим, что разница в наличии фразеологического соответствия между польским и эстонским языками составляет лишь 7% в пользу первого. Иными словами, лишь в 7% случаев там, где в польском языке имеется фразеологическое соответствие, в эстонском языке возможен лишь нефразеологический перевод. Результаты такого перевода мы рассмотрим ниже.

А. Использование фразеологических эквивалентов при переводе индивидуально-авторских модификаций русских ФЕ

Случаи перевода индивидуально-авторских модификаций ФЕ при помощи фразеологических эквивалентов их первоосновы оказываются наиболее многочисленными (82 случая), что не удивительно. Каждый переводчик знает, что «использование имеющихся в ПЯ фразеологических эквивалентов — наиболее удобный путь, дающий к тому же, как правило, адекватные результаты» (Вайгла 1977, 145). Насколько это утверждение верно по отношению к переводу

индивидуально-авторских модификаций фразеологизмов, мы сможем судить, проанализировав случаи такого рода перевода.

а. Перевод индивидуально-авторских модификаций ФЕ, образованных путем семантического переосмысления

Индивидуально-авторские модификации русских ФЕ, как уже говорилось выше (см.: 1.4. *Классификация индивидуально-авторских приемов преобразования русских ФЕ*), могут быть образованы путем семантического преобразования единиц общего фразеологического фонда русского языка. Изменение семантики затрагивает ФЕ в целом или же ее отдельные компоненты. При этом традиционный лексический состав и структура фразеологизма сохраняются. «Рассматриваемый прием способствует усилению смысловой связи фразеологизма с контекстом, обеспечивает максимальную точность в обрисовке происходящего» (Шадрин 1991, 182).

Группа индивидуально-авторских модификаций ФЕ, образованных путем семантического преобразования и переведенных с помощью фразеологического эквивалента (полного или частичного), включает 14 случаев перевода.

ФЕ в основном связаны с метафоризацией. Благодаря переносу значения, фразеологизм оказывается двуплановым: совмещает значение первоначальное, ставшее теперь второстепенным, образным, и новое, теперь основное. На этом строится, например, один из основных видов частичного семантического преобразования, которое характеризуется тем, что контекст выявляет одно из значений — прямое (буквальное) или фразеологическое. В этом виде семантического преобразования различают два основных случая: с преобладанием фразеологического значения устойчивого словосочетания и с преобладанием буквального значения словосочетания, являющегося прототипом фразеологизма. Приведем несколько примеров, тем более что такие индивидуально-авторские модификации ФЕ оказываются в этой группе в большинстве (здесь же приведем и их перевод, осуществленный с использованием фразеологических эквивалентов):

(1) *Так поражает молния, так поражает финский нож!* (Б-3, 407).

Tak właśnie razi grom albo nóż bandyty! – ‘так поражает гром’.

Nii tabab välk, nii tabab soome puss (175) – ‘так поражает молния’.

(2) *Гром среди ясного неба раздался через пять минут* (ИП, 280).

W pięć minut różniej padł grom z jasnego nieba (283) – ‘обрушился гром с ясного неба’.

Äike kârgatas selgest taevast juba viie minuti pärast (223) – ‘гроза грянула с ясного неба’.

(3) *Турбин, замедлив бег, скаля зубы, три раза выстрелил в них, не целясь* (Б-1, 188).

Turbin aeglustas jooksu, ja hambad irevil, tulistas kolm korda ilma sihtimata nende pihta (162) – ‘скала зубы’.

(4) *Ипполит Матвеевич поглядел на тещу сверху вниз. Его рост доходил до ста восьмидесяти пяти сантиметров, и с такой высоты ему легко и удобно было относиться к теще с некоторым пренебрежением* (ИП, 9).

Hipolit Matwiejewicz spojrzal z góry na teściową. Miał sto osiemdziesiąt pięć centymetrów wzrostu, co było okolicznością i ułatwiającą mu traktowanie teściowej z pewną wyższością (10) – ‘посмотрел сверху’.

Ippolit Matvejevitš vaatas ämmale ülalt alla. Tema kasv ulatus saja kaheksakümne viie sentimeetrit ja selliselt kõrguselt polnud tal raske suhtuda ämmasse teatud üleolekuga (16) – ‘посмотреть сверху вниз’.

(5) *У кассирского стола он остановился и широко открыл рот. Две толстых колонны, состоящие из желтых пачек, возвышались до самого потолка. Чтобы не отвечать ни на какие вопросы, потный и взволнованный кассир кнопкой пришил к стене ассигновку, на которой теперь имелась третья надпись зелеными чернилами:*

«Выдать продуктами производства.

За т. Богоявленского – Преображенский.

И я полагаю – Кшесинский» (Б-2, 9).

Przed biurkiem kasjera zatrzymał się i szeroko otworzył usta. Dwie grube kolumny złożone żółtych pudełek wznosiły się do samego sufitu. Żeby nie odpowiadać na żadne pytania, spocony i zirytowany kasjer przyczepił pineską do ściany asygnatę, na której teraz mieścił się trzeci napis, wykonany zielonym atramentem:

„Wyplacić wytworami produkcji.

Za tow. Bogojawleńskiego — Preobrażeński.

Wyrażam zgodę — Krzeński” (63) – ‘открыл рот’.

Первые два примера (1, 2) мы отнесем к тем случаям, когда для автора главным является фразеологическое значение (заметим, что в первом примере внутренняя форма фразеологизма служит лишь частью образной картины, создаваемой автором на основе ФЕ). Но контекстуальное окружение выявляет и буквальное ее значение словосочетаний, которое отодвигается на второй план. Во втором случае буквальное значение ФЕ либо реализуется в контексте (пример 3), либо непосредственно поддерживается словесным окружением (примеры 4, 5). Ее фразеологическое значение остается на втором плане. Перевод таких модификаций осуществлен преимущественно посредством полных фразеологических эквивалентов.

Важно отметить, что такой перевод позволяет сохранять и главное, и второстепенное значение ФЕ. Так, например, в примере 2, где первостепенным оказывается фразеологическое значение словосочетания *как гром среди ясного неба*, перевод на польский и эстонский языки осуществлен при помощи полных фразеологических эквивалентов. Между тем возможность восприятия этих оборотов в их прямом значении сохраняется. Или: русский фразеологизм *скалить зубы* (пример 3) имеет значение ‘смеясь, хохоча, насмехаться’ (ССПРФ, 38). В основе этого фразеологизма лежит описание мимики человека при смехе, а сам он восходит к

метафорическому переносу с животного (зверя) на человека: зубы оскалены как у хищного зверя (Е–ВФК, 63). Ситуация (Турбин спасается от преследующих его петлюровцев) позволяет сделать вывод о том, что, скорее всего, первостепенным в данном случае является прямое значение словосочетания. В эстонском же переводе используется полный фразеологический эквивалент русского оборота, обладающий тем же значением. Вместе с тем возможна и реализация его буквального значения (что в данном случае и имеет место), а потому такой перевод можно считать адекватным. В примере 4 совершенно ясно, что Ипполит Матвеевич *поглядел сверху вниз* на тещу именно потому, что его рост достигал ста восьмидесяти пяти сантиметров. Он был высок настолько, что в прямом смысле слова смотрел сверху вниз. Однако здесь вспоминается и фразеологическое значение этого словосочетания ('относится к кому-либо пренебрежительно, свысока' (ФСРЯ, 440)). Переведено фразеологическими эквивалентами: на польский язык с помощью частичного эквивалента *patrzeć z góry* (SFJP, I, 257), т. е. 'показывать кому-либо свое превосходство', на эстонский — полного эквивалента *ülalt alla vaatama* (VVFЕV, 523) со значением 'относится к кому-либо свысока'. Оба перевода можно считать адекватными, так как при реализации в контексте прямого значения фразеологическое значение сохраняется. Интересен пример 5. Словосочетание *открыл рот* воспринимается читателем как свободное. Но в данном случае вспоминается и фразеологическое значение 'крайне изумляться, удивляться и т. п.' (ФСРЯ, 380). К тому же наблюдается расширение состава данного словосочетания (прототипа фразеологизма) за счет введения дополнительного компонента *широко*. Получается, что введение нового компонента способствует интенсификации качественно-количественной экспрессии ФЕ, значение которой здесь вспоминается. Теперь это уже высшая степень удивления. В переводе удастся адекватно сохранить эту интенсификацию. Польский фразеологизм *otwierać usta* обладает подобным русскому значением (SFJP, II, 476). Дополняя его наречием *szeroko*, переводчик добивается эффекта подлинника. К тому же сохраняется первостепенность прямого значения такого сочетания слов.

Способность совмещения значений фразеологизмом используется авторами и при своеобразной игре значений. В этом источник комического обновления, переосмысливания фразеологических оборотов. «Умело построенный контекст выявляет оба значения и сталкивает их, порождая иронию» (Колесникова 1966, 15).

(6) *Застенчивый Александр Яковлевич тут же, без промедления, пригласил пожарного инспектора отобедать чем бог послал.*

В этот день бог послал Александру Яковлевичу на обед бутылку зубровки, домашние грибки, форшмак из селедки, украинский борщ с мясом первого сорта, курицу с рисом и компот из сушеных яблок (ИП, 56–57).

W tej chwili nieśmiały Aleksander Jakowlewicz nie zwlekając zaprosił inspektora na skromne „co Bozia da”.

A tego dnia Bozia dała Aleksandrowi Jakowlewiczowi na obiad butelkę żubrówki, grzybki domowej roboty, zapiekankę ze śledzikiem, barszcz ukraiński na mięsie pierwszego gatunku, potrawkę z kury z ryżem tudzież kompot z suszonych jabłek (60).

Häbelik Aleksandr Jakovlevitš kutsus tuletõtjekspektori otsekohe, aega viimata, maitstva seda, mis jumal on andnud.

Sel päeval oli jumal Aleksandr Jakovlevitšile lõunaks andnud pudeli subrovkat, kodus sissetud seemi, heerindast eelroa, esimese sordi lihast keedetud ukraina borši, kana riisiga ja kompoti kuivatatud õunest (52) – ‘что бог послал; бог послал’.

Сталкивание метафорического и прямого значений фразеологизма осуществляется здесь употреблением в данном контексте устойчивого оборота и омонимичного ему свободного словосочетания (с иронической окраской). Возникает эффект неоправданного ожидания: выражение *чем бог послал*, которым обычно как бы извиняются за скудное угощение (‘тем, что есть, чем пришлось (угощать, завтракать и т. п.’ (ФСРЯ, 41)), не соответствует следующему за ним перечислению обилия блюд. Тем самым сатирики «дополняют образ лицемерного Александра Яковлевича, развенчивают «голубого воришку», все существо которого «протестовало против краж», но который не красть не мог» (Колесникова 1966, 15–16). В переводах благодаря существованию в ПЯ (и в польском, и в эстонском) фразеологических эквивалентов эта игра значений сохраняется. Правда, в польском языке стилистический эффект даже усиливается за счет словообразовательной модификации — введения в состав фразеологизма деминутивной формы *Bozia* (от *Bóg*). Словообразовательное изменение приводит к изменению морфологическому — изменению категории рода: м. р. *Bóg* —> ж. р. *Bozia* (этот пример не переводится нами на русский язык, поскольку мы не можем дать его буквальный перевод). Отсюда усиление комического эффекта.

Используется авторами и прием обыгрывания (чаще в диалогах) отдельных слов, компонентов фразеологизма в результате их использования как самостоятельных единиц речи.

(7) – Не меньше. Только вы, дорогой товарищ из Парижа, плюньте на все это.

– Как плюнуть?

– Слюной, – ответил Остап, – как плевали до эпохи исторического материализма. Ничего не выйдет (ИП, 41).

– Co najmniej. Tylko niech pan, drogi towarzyszu z Paryża, plunie na to wszystko.

– Jak to plunąć?

– Zwyczajnie, śliną – odpowiedział Остап – tak jak się pluło w dobie poprzedzającej materializm historyczny. Nic z tego nie będzie (43) – ‘плюньте на все это; плюнуть; слюной’.

„Mitte vähem. Ainult teie, kallid seltsimees Pariisist, sülitage kõigele sellele.“

„Kuidas sülitada?“

„Süljaga,“ vastas Ostap, „*nii, nagu sülitati enne ajaloolise materialismi epohhi. Midagi ei tule välja*“ (40) – ‘плюньте на все это; плюнуть; слюной’.

Перевод адекватен (и польский, и эстонский), поскольку языковой материал (наличие в ПЯ фразеологических эквивалентов) позволяет сохранить такую словесную игру. Все показатели индивидуально-авторской модификации ФЕ полностью сохраняются.

В некоторых случаях автор сталкивает семантически далекие фразеологизмы, в состав которых входит одно и то же слово. Здесь важна содержательная, информативная сторона фразеологического каламбура. Так, сближение одинаковых слов, входящих в разные фразеологические сочетания, далекие по смыслу, создает «острый комический эффект» (Колесникова 1966, 28) либо сопровождается иронией, сарказмом. Такой прием использован в следующем примере (8, 9).

(8) *Он еще неясно представлял себе, что последует вслед за получением ордеров, но был уверен, что тогда все пойдет как по маслу: «А маслом, – почему-то вертелось у него в голове: кашу не испортишь». Между тем каша заваривалась большая* (ИП, 79). *Jeszcze nie wiedział, co nastąpi po zdobyciu nakazów, ale był pewien, że wtedy wszystko pójdzie jak po maśle. „A masłem kaszy zepsuć nie można“ – płatało mu się po głowie. A kasza ta w rzeczy samej zapowiadała się znakomicie* (81) – ‘как по маслу; маслом кашу испортить нельзя; каша обещала быть превосходной’.

(9) – *Никогда, – принялся вдруг чревоуещать Ипполит Матвеевич, – никогда Воробьянинов не протягивал руки.*

– *Так протянете ноги, старый дуралей! – закричал Остап* (ИП, 292).

– *Nigdy – oznajmił nagle Hipolit Matwiejewicz głosem brzuchotówczy. – Worobianinow nigdy jeszcze nie wyciągał ręki!*

– *No, to Worobianinow wyciągnie nogi, stary idioto! – zawołał Ostap* (294) – ‘не протягивал руки; протянете ноги’.

Как и в предыдущих примерах, сохранение модификации в переводах возможно благодаря наличию в польском и эстонском языках фразеологических эквивалентов.

Таким образом, при наличии в ПЯ тождественных по смыслу фразеологизмов адекватный перевод индивидуально-авторских модификаций русских ФЕ, образованных путем семантического преобразования, трудности не представляет. Возможным оказывается сохранение двух значений словосочетания — прямого (буквального) и фразеологического, с преобладанием одного из них в соответствии с замыслом автора, своеобразной игры значений фразеологизмов, приемов обыгрывания отдельных слов, компонентов фразеологизма, а также модификаций, образованных сталкиваем семантически далеких фразеологизмов с общим

лексическим компонентом. В целом такой способ перевода позволяет сохранить стилистический эффект подлинника.

в. Перевод индивидуально-авторских модификаций ФЕ, образованных посредством структурно-семантических приемов преобразования

Самая многочисленная группа — это перевод индивидуально-авторских модификаций ФЕ, образованных путем структурно-семантического преобразования, при помощи фразеологических эквивалентов. В целом насчитывается 68 случаев. Среди них мы выделяем 12 случаев перевода, который характеризуется существенными потерями (оттенки смысла, словесная игра, экспрессивность и т. д.) и 3 примера ошибочного перевода.

Как указывают некоторые фразеологи (Проблемы 1996; Зеленова 1985 и др.), одним из наиболее распространенных способов преобразования является расширение компонентного состава ФЕ. Наш материал насчитывает 14 модификаций такого рода (из переданных на ПЯ при помощи фразеологического эквивалента). Расширение состава оборота способствует «оживлению» фразеологизма. Очень часто введение дополнительных компонентов влечет за собой повышение степени экспрессивности ФЕ, интенсификацию ее значения. Пример 10.

(10) *Гнали письма в единственную отдушину, через смутную Польшу (ни один черт не знал, кстати говоря, что в ней творится и что это за такая новая страна – Польша), в Германию, великую страну честных тевтонов, запрашивая визы, переводя деньги, чуя, что может, придется ехать дальше и дальше и дальше, туда, куда ни в коем случае не достигнет страшный бой и грохот большевистских боевых полков (Б-1, 58–59).*

Wrzucali listy w jedyny dymnik, jaki był, przez niespokojną Polskę (sam diabeł, nawiasem mówiąc, nie wiedział, co się tam wyrabia i co to za państwo raptem takie nowe – Polska) do Niemiec, do tego wielkiego kraju solidnych Teutonów, błagali o wizy, przekazywali pieniądze, przeczuwając, że, być może, trzeba będzie jechać dalej, tam, gdzie już na pewno nie dogoni ich straszliwy łoskot bitewny i werbel bolszewickich pułków (60) – ‘сам черт не знал’.

Ainukese õhugaugu, sega – soga Poola kaudu (mitte üks kurat ei teadnud muide, mis seal sünnib ja mis uus riik see sihuke on – Poola) uhati kirju Saksamaale, ausate teutoonide kuulsale maale, paluti viisaid ja kanti üle raha, aimates, et võib-olla tuleb sõita veel kaugemale, aina kaugemale, kuhugi, kuhu mingil juhul ei ulatuks hirmus taplus ja bolševikkude sõjakate polkude, lahingukära (44) – ‘ни один черт не знал’.

Фразеологизм *черт знает* обладает значением ‘неизвестно, никто не знает’ (ФСРЯ, 39). Используя двойное отрицание *ни один черт не знал* (заметим, что здесь наблюдается расширение состава оборота), М. Булгаков добился определенного эффекта. Теперь значение первоначального фразеологизма сводится к абсолютной, совершенной неизвестности. Перевод осуществлен посредством фразеологических

эквивалентов. В эстонском переводе используется аналогичный прием модификации единицы основного фразеологического фонда эстонского языка: *kurat teab* (Õim 2000, 159) —> *mitte üks kurat ei teadnud*. Польские переводчики поступили несколько иначе, но, на наш взгляд, добились нужного результата — интенсификации первоначального значения фразеологизма.оборот *diabeł wie* (SFJP, I, 170) был дополнен компонентом *sam* ‘сам’: *sam diabeł nie wiedział* ‘сам черт не знал’. Это местоимение употребляется с целью подчеркнуть важность, значительность лица (в нашем случае черта). И раз уж оно не знает, то не знает никто. Значение исходной ФЕ ПЯ также сведено в переводе к абсолютной неизвестности.

Подобные модификации, т. е. фразеологизмы с расширенным компонентным составом, используются и в случаях, когда автор хочет приспособить их к конкретной ситуации. Пример 11.

(11) *Настала пора действовать, приходилось пить горькую чашу ответственности* (Б-3, 420).

Trzeba było coś robić, trzeba było wypić do dna gorzki kielich odpowiedzialności. (Bułhakow. *Mistrz i Małgorzata*.) – ‘выпить до дна горькую чашу ответственности’.

Oli aeg tegutseda, tuli põhjani juua vastutuse kibe karikas (190) – ‘пить до дна горькую чашу ответственности’.

Значение фразеологизма *пить <до дна> горькую чашу* — ‘переносить до конца или в полной мере испытания, трудности, лишения; переносить много невзгод, страдать’ (ФСРЯ, 321). Поместив этот фразеологизм в контекст, своеобразно дополняющий его (*пить горькую чашу ответственности*), М. Булгаков вводит нас в конкретную ситуацию: директор Варьете Римский после сеанса черной магии Воланда понимает, что дело плохо, он должен действовать, «звонить, сообщать о происшедшем, просить помощи, отвориться, валить все на Лиходеева, выгораживать самого себя и так далее» (Б-3, 420). Перевод на оба ПЯ осуществлен при помощи подобным же образом дополненных ФЕ. Это такие ФЕ, как польск. *pić do dna gorzki kielich* (SFJP, I, 323), эст. *kibedat karikat põhjani jooma* (VVFEEV, 385).

Благодаря введенным словам фразеологизм приобретает большую выразительность, появляются новые эмоционально-экспрессивные качества. Одновременно могут возникать определенные семантические нюансы. Приведем пример (пример 12):

(12) *А вот я тебя сейчас пристрелю, так ты узнаешь, как до Петлюры бегают! Ты у меня сбегаешь в царство небесное, стерва!* (Б-1, 30)

Zaraz cię tu zastrzełę, to będziesz wiedział, jak uciekać do Petlury! Ode mnie, ścierwo, do królestwa niebieskiego uciekniesz! (24–25) – ‘сбегаешь в царство небесное’.

Фразеологизм *царство небесное* в русском языке — это ‘выражение, употребляемое при упоминании о покойном, обычно как пожелание ему загробной жизни в раю’ (ФСРЯ, 512). Расширение состава оборота (в него вводится дополнительный компонент *сбегаешь*) приводит к семантическому обновлению оборота: теперь *царство небесное* воспринимается как ‘место пребывания душ умерших’, а все выражение *сбежать в царство небесное* — ‘оказаться среди душ умерших, т. е. умереть’. Модификация легко поддается переводу, так как в польском языке имеется выражение *królestwo niebieskie* (SFJP, I, 359), которое соответствующим образом видоизменяется. Семантическая и стилистическая характеристики совпадают, сохраняется образность.

Иногда расширение компонентного состава фразеологизма выделяет какое-то основное его значение, но, тем не менее, не препятствует восприятию и других, дополнительных, оттенков смысла. Пример 13.

- (13) *Надменно тыча ложечкой в раскисающее сливочное мороженое, Петракова недовольными глазами глядела, как столик перед двумя одетыми какими-то шутами гороховыми как бы по волшебству обрастает яствами* (Б-3, 628).
Wyniośle grzebiąc łyżeczką w topniejących lodach śmietankowych Pietrakowa z niezadowolaniem obserwowала, jak stolik przed tymi dwoma przebranymi za strachy na wróble niby na skinienie czarnoksiężnika obrasta smakowitościami. (Bułhakow. Mistrz i Małgorzata.) – ‘одетыми пугалом’ (недословный перевод).
Üleolevalt lusikaga sulavat koorejätist tonksides vaatas pahane Petrakova, kuidas nende kahe mehe ette, kes olid riides nagu hernehirmutised, lausa nõiaväel sigines igasuguseid hõrgutisi (435) – ‘одетыми чучелом гороховым’.

На наш взгляд, индивидуально-авторская модификация ФЕ *шут гороховый* (*одетые шутами гороховыми*) обладает тремя смысловыми компонентами, которые, кстати, являются принадлежностью ФЕ *шут гороховый*, являющейся ее первоосновой: 1) ‘чудак, служащий всеобщим посмешищем’; 2) ‘бранное выражение в адрес кого-либо’; 3) ‘смешно, некрасиво или старомодно одетый человек’ (ФСРЯ, 536). Во-первых, что подчеркивается введением нового компонента *одетые*, посетители ресторана Коровьев и Бегемот были действительно сомнительно одеты («порывался в магазин толстяк в рваной кепке», на замечание швейцара по поводу того, что в магазине обслуживают только за валюту: «а откуда ж вам известно, что у меня ее нет <...> вы судите по костюму?») (Б-3, 619), шеф ресторана смотрел на «двух сомнительных оборванцев» (Б-3, 627) и т. д.). Во-вторых, они привлекают всеобщее внимание («с ненавистью и сомнением глядя на диковинную парочку» (Б-3, 619)). И, наконец, излишнее внимание шеф-повара ресторана недружелюбно настраивает против них остальных посетителей (здесь помогает и наличие у ФЕ отрицательной

оценки — *неодобрительное*). Именно поэтому употребление модификации, в основе которой лежит данный фразеологизм, здесь очень удачно, так как она вбирает в себя все нужные смысловые компоненты. При переводе оказывается возможна полная адекватная передача всех перечисленных выше оттенков смысла с выделением основного смыслового содержания ФЕ. Так, например, в эстонском языке выражение *nagu hernehirmutis* употребляется по отношению к плохо одетому человеку (старая, поношенная одежда и т. п.). Сейчас это выражение может также употребляться и по отношению к человеку неприглядного вида (Õim 2002, 33). Обладает отрицательной оценкой — *неодобрительное* и может использоваться применительно к человеку, который привлекает внимание, является посмешищем в глазах окружающих (VVFЕV, 606). Возможно, одна из причин возникновения этого фразеологизма — это не совсем привлекательный вид гороховых зарослей: стебли гороха переплетаются, поэтому они запутаны, всклокочены, выглядят неаккуратными. Другая причина — сделанные в виде человека существа, которые в садах или полях отпугивают птиц и зверей. Модифицируя вышеназванные фразеологизмы, переводчики адекватно передают характеристики соответствующей единицы оригинала.

Таким образом, такого рода модификации легко поддаются переводу, если в ПЯ имеется соответствующий фразеологический оборот (примеры 10, 11, 12, 13). Но все же при переводе возможны и определенные трудности. Правда, иногда выбор переводчика бывает необъясним. Примеры 14, 15, 16.

- (14) *Затем Ипполит Матвеевич подружился с лихачом, раскрыл ему всю душу и сбивчиво рассказал про брильянты* (ИП, 167).
Potem Hipolit Matwiejewicz zaprzyjaźnił się z jakimś dorożkarzem, obnażył przed nim serce i zawile opowiadał o skarbie (169) – ‘раскрыл сердце’.
Hiljem sai Ippolit Matvejeviť jutule ulja voorimehega, avas sellele kogu oma hinge ja rääkis segaselt ära ka briljantide loo (137) – ‘раскрыл всю душу’.

Русский фразеологизм *раскрывать душу*, положенный в основу модификации *раскрыл всю душу*, означает ‘откровенно рассказать о своих заветных мыслях, переживаниях, чувствах’ (ФСРЯ, 384). Определительное местоимение *весь* ‘полный, без изъятия, целиком’ (ТСРЯ, 73), введенное в состав ФЕ, усиливает ее экспрессивность. Эстонский перевод осуществлен посредством модифицированной подобным же образом ФЕ (*oma hinge avata* → *kogu oma hinge avata*) и вполне адекватен. Польский переводчик использовал при переводе фразеологизм *odkryć swoje serce* (SFJP, II, 104) с заменой одного из компонентов (вместо глагола *odkryć* им использован его синоним *obnażyć*). Здесь нужно, пожалуй, обратить внимание на

то, что выражение *odkryć swoje serce* часто помещается в религиозный контекст, например, *odkryj Bogu serce swoje* (ср. с русск.: *открой свое сердце Иисусу, открой сердце Богу, открыть сердце для веры, открой сердце для Пасхи* и т. п.). Употребление его сопровождается положительными коннотациями. Поэтому в нашей ситуации употребление данного оборота не совсем уместно. Перевод вряд ли можно назвать адекватным.

(15) *Надежда ни на одну минуту не покидала его* (ИП, 326).
Ani na chwilę nie opuściła go nadzieja (327) – ‘ни на минуту’.

Пример 15. *Ни на минуту* — ‘ни на самое короткое время’ (ФСРЯ, 249). В русском языке возможна модификация этого фразеологизма, в которой степень количественного признака усилена, — *ни на одну минуту*. В польском языке оборот *ani na jedną chwilę* ‘ни на одну минуту’ является вариантом фразеологизма *ani na chwilę* ‘ни на минуту’ (WSP-R, 103). В переводе использована ФЕ *ani na chwilę* ‘ни на минуту’. Возможно, такое решение польский переводчик принимает потому, что использование фразеологизма с расширенным компонентным составом в польском языке в отличие от русского не влечет за собой заметного усиления степени количественного признака.

(16) *Сердце в Короткове упало от радости, когда женщина ответила, сделав огромные глаза:*
– Да, но он сейчас уезжает. Догоняйте его (Б-2, 20).
Serce Korotkowa podskoczyło z radości, gdy kobieta odrzekła, otworzywszy szeroko oczy:
– Tak, ale on już wyjeżdża. Niech go pan gon (74) – ‘сердце подскочило от радости’.

Пример 16. Иногда автор включает фразеологизм в контекст, своеобразно дополняющий его. «Часто при этом возникает как бы развернутая метафора, «серцевинной» которой является фразеологический оборот» (Вайгла 1977, 164). Так, оборот *сердце упало* ‘кто-либо испытывает страх, тревогу, приходит в отчаяние’ (ФСРЯ, 421) обыгран за счет введения в контекст лексемы *радость*, значение которой можно рассматривать как антонимическое значению исходного оборота. Сталкивание двух значений позволяет автору добиться определенного эффекта. Герой М. Булгакова оказывается в невероятной ситуации, когда его эмоциональное состояние находится на пределе. Коротков попадает в «дьявольскую» историю, он уже не отличает реальность от вымысла. Модифицированный подобным образом оборот как раз и способен передать это его состояние. Однако польский переводчик использует немодифицированную ФЕ *serce podskoczyło z radości* ‘сердце подскочило

от радости'. Заметим, что в польском языке есть фразеологизм *serce upada* с подобным исходному русскому обороту значением (SFJP, II, 106), который, на наш взгляд, с аналогичными переводимой единице изменениями, и следовало использовать при переводе. Имеющийся же перевод нельзя признать адекватным, так как он не использован в соответствии с авторским замыслом, а, скорее, приводит к обратному эффекту, конкретизируя состояние героя. Это один из случаев ошибочного перевода. Видимо, прав С. Флорин, говоря, что «очень часто необходимо гораздо глубже вникнуть в содержание слова или выражения, чтобы понять как нужно передать его на языке перевода» (Флорин 1983, 54).

Довольно частотны случаи замены компонента ФЕ. Нам встретилось 10 таких примеров индивидуально-авторских модификаций, которые были переведены при помощи фразеологических эквивалентов. Наиболее простые случаи, когда переводчик соответствующим образом видоизменяет имеющийся в ПЯ фразеологический эквивалент. Пример 17.

(17) <...> *открылся знаменитый театр "Лиловый негр" и величественный, до белого утра гремящий тарелками, клуб "Прах" ((поэты – режиссеры – артисты – художники) на Николаевской улице (Б-1, 57–58).*

<...> *otwarto znakomity teatr "Liliowy Negr" i niezrównany, do białego rana podwaniający talerzami klub "Marność" (poeci – reżyserzy – aktorzy – malarze) na Nikolajewskiej (59) – 'до белого утра'.*

<...> *avati kuulus teater "Lilla Neeger" ja suursugune, kuni varavalgeni taldrikuid mürtsutav, klubi "Põrm" (poeetid, rezissöörid, näitlejad, kunstnikud) Nikolai tänavas (43) – 'до раннего света'.*

Здесь мы видим случай изменения компонентного состава фразеологизма с сохранением его значения. В выражении *до белого утра* автором заменен один из компонентов фразеологизма *до белого света* 'до рассвета, до самого утра' (ФСРЛЯ, II, 221), при этом значение фразеологизма не изменяется. Перевод такой ФЕ на польский язык не представляет труда: соответствующим образом видоизменяется польский частичный эквивалент *do białego dnia* 'до белого дня' (FSJP, I, 99) со значением 'до утра'. Таким образом, фразеологизм в переводе адекватно передает всю информацию фразеологизма ИЯ — семантическую, экспрессивную, стилистическую.

Отмечаются также случаи, когда замену компонента авторы используют для создания комического эффекта путем приспособления ФЕ к конкретной ситуации. Результаты перевода такого рода модификаций могут быть различны. Вот, на наш взгляд, удачный перевод:

(18) – У меня скорее лапы отсохнут, чем я прикоснусь к чужому, – напыжившись, воскликнул кот, танцуя на чемодане, чтобы умять в него все экземпляры злополучного романа (Б-3, 560).

– *Prędzej mi łapy uschną, niż sięgnę po cudze – nadął się i wrzasnął kocur, który tańczył na walizce, starając się upchać w niej wszystkie egzemplarze nieszczęsnej powieści.* (Bułhakow. Mistrz i Małgorzata.) – ‘скорее лапы отсохнут’.

Так как клятвенное заверение в том, что не будет сделано, принадлежит коту, автор заменяет компонент *руки* фразеологизма *отсохни <у меня> руки* более уместным в данном контексте *лапы*. Переводчики делают то же самое с соответствующей польской ФЕ. Результат такого преобразования — адекватный перевод.

В аналогичном случае встречаем и пример неадекватного перевода по критерию несохранения структурного обновления ФЕ. Например, не совсем понятно, почему эстонские переводчики не сочли нужным сохранить авторскую модификацию оборота в следующем случае:

(19) «А святой отец? – мысленно ехидствовал он. – Дурак дураком остался. Не видать ему стульев, как своей бороды» (ИП, 88–89).

„Aga püha isa?“ kahjurõõmutes ta eneses. „See jäi tolade tolaks. Ta näeb toole samapalju nagu oma kõrvu“ (77) – ‘увидит как собственные уши’.

Речь идет об отце Федоре, который, отправляясь на поиски бриллиантов мадам Петуховой, сбрил бороду, чтобы его не узнали. Иными словами, для создания комического эффекта авторы приспособливают ФЕ *не видать (не видеть) как своих ушей* ‘совсем, никогда не получить кого-либо или чего-либо, не завладеть и т. п. кем-либо или чем-либо’ (ФСРЯ, 66) к конкретным событиям. Фразеологический фонд эстонского языка содержит фразеологический эквивалент с аналогичным русскому обороту значением: *nagu (kui) oma kõrvu nägeta* (Õim 2000, 271). Однако переводчик предпочел использовать уже имеющееся фразеологическое соответствие, не подвергая его модификации. Следовательно, один из критериев оценки адекватности перевода, а именно сохранение структурного обновления фразеологизма, не находит в переводе отражения (при наличии такой возможности). Вместе с тем исчезает и тот стилистический эффект, ради которого авторы «Двенадцати стульев» использовали модификацию ФЕ, а не саму ФЕ.

В целом использование немодифицированных фразеологизмов при переводе часто не приносит стопроцентных результатов. Так, например, неслучайна замена компонента в следующем случае (пример 20):

(20) Воробьянинов удивился. Никогда еще технический директор не называл его по имени и отчеству. И вдруг он понял...

– *Есть? – выдохнул он?*

– В том-то и дело, что есть. Ах, Куса, черт вас раздери! (ИП, 327)
Vorobjaninov imestas. Tehniline direktor polnud teda veel kunagi kutsunud ees- ja isanime järgi. Ning järsku ta taipas...
„Kas on?“
„Selles asi seisabki, et on. Ah, Kiisu, kurat teid võtaks!“ (257) – ‘черт вас возьми’.

Используя подобную модификацию, в некотором смысле дополняющую окружающий контекст, авторы дают читателю полную характеристику эмоционального состояния своих героев. Восхищению, радости их нет предела. Модифицируя оборот *черт вас подери*, И. Ильф и Е. Петров повышают степень экспрессивности исходной ФЕ, чего не делает при переводе этой единицы эстонский переводчик. Им использован немодифицированный фразеологический эквивалент *kurat teid võtaks*, обладающий экспрессивностью, но лишь в той мере, в которой обладает ей исходная русская ФЕ. Между тем «правильная передача эмоциональной информации — одно из необходимых условий адекватного перевода» (Вайгла 1978, 1).

Одним из наименее распространенных приемов преобразования является контаминация фразеологизмов. Это такое соединение фразеологизмов, которое приводит к образованию новой ФЕ. При этом значительно возрастает смысловая емкость оборота, спаянность его с контекстом. Возможны разнообразные способы контаминирования: соединение ФЕ, имеющих общий компонент; контаминация семантически близких фразеологизмов; соединение семантически разноплановых ФЕ с различной структурой и компонентным составом и т. д. Встретившиеся нам случаи — это соединения ФЕ, имеющих общий компонент. Так же, как в случаях расширения состава фразеологизма или замены его компонента, контаминации легко переводятся при наличии в ПЯ фразеологических эквивалентов. Примеры 21, 22.

Типичным видом контаминации является такое соединение разных фразеологизмов, когда форма полученной ФЕ по составу компонентов восходит к двум фразеологизмам, а значение — к одному из них. Пример 21.

(21) *Смех полетел из него каскадами, причем рот сверкал белыми зубами, – сдохну со смеху, как собака* (Б-1, 237).
Śmiech popłynął zeń kaskadami, tyskały przy tym białe zęby. – Zdechnę ze śmiechu jak pies – ‘сдохну со смеху как собака’ (275).

Фразеологизм *сдохнуть со смеху как собака* в значении ‘неудержимо, до изнеможения смеяться’ является контаминацией двух фразеологизмов: *сдохнуть как собака* ‘умереть в нищете и одиночестве’ и *умирать со смеху* ‘неудержимо, до изнеможения смеяться’ (СФРЯ, 494). Перевод на польский язык осуществляется

посредством соответствующим образом видоизмененного польского эквивалента, что представляется возможным благодаря наличию в польском фразеологическом фонде таких оборотов, как: *zdychać jak pies* ‘подыхать как собака’ и *można umrzeć ze śmiechu* ‘можно умереть со смеху’. Значения вышеназванных польских фразеологизмов идентичны значениям русских ФЕ, положенных в основу контаминации. Семантически и стилистически исходное выражение полностью совпадает с соответствующей единицей в переводе. Сохраняется и экспрессивность модификации оригинала.

Иногда бывает непросто определить, является ли выражение полноправной ФЕ или же индивидуально-авторской модификацией. Так, трудности в определении возникают относительно единицы *даю слово чести*. Мы можем предположить, что это контаминация двух фразеологизмов с общим компонентом (*давать слово* и *честное слово*) с усилением качественной экспрессивности. Пример 22.

(22) *Даю слово чести* бывшего регента и запевалы, что никто не поздравил бы этого встретившегося (Б-3, 550).

Daję słowo honoru byłego dyrygenta chóru cerkiewnego, słowo honoru byłego zapiewajły, że nie ma czego zazdrościć człowiekowi, który na swej drodze spotka Asasella. (Bułhakow. Mistrz i Małgorzata.)

Annan endise regendi ja eeslaulja ausõna, et kellegi ei tuleks mõttese sellele kohtujale õnne soovida (345) – ‘даю честное слово’.

На польский язык перевод осуществляется при помощи аналогичной контаминации фразеологизмов *dać słowo* и *słowo honoru* (SFJP, I, 163). Ресурсы эстонского языка позволяют заменить (точнее дополнить) один из компонентов фразеологизма *sõna andma* (Õim 2000, 467), что также приводит к адекватному переводу.

Тем не менее трудности здесь возможны. Пример 23.

(23) – *А сейчас хорошо на Клязьме*, – подзудила присутствующих Штурман Жорж, зная, что дачный литературский поселок Перелыгино на Клязьме – общее больное место (Б-3, 325).

Kljazma ääres on praegu mõnus,” õssitas Tüürman Žorž, kes väga hästi teadis, et kirjanike suvituskohht Perelõgino *Kljazma ääres on üleüldine hell koht* (74) – ‘всеобщее больное место’.

Автор использовал контаминацию двух фразеологизмов с общим компонентом: *больное место* ‘то, что более всего волнует, беспокоит и т. п.; то, что является причиной страданий, волнений, забот и т. п.’ и *общее место* ‘прописная истина’ (ФСРЯ, 245). В оригинале вспоминаются оба значения. В эстонском варианте также использована модификация, но иного плана: состав фразеологического оборота *hell koht* ‘больное место’ расширяется за счет введения нового компонента *üleüldine*

‘всеобщее’. Значение полученной модификации соответствует первому русскому обороту, но интенсифицируется в результате расширения компонентного состава. Однако «часть» смысла утрачена: значение второго русского фразеологизма здесь отражения не получает. Таким образом, в переводе о предпочтениях литераторов знает лишь Штурман Жорж, которая и «подзудила присутствующих».

Нечасто встречаются фразеологизмы с сокращенным компонентным составом (3 случая). Употребление эллиптических форм фразеологизмов в художественной литературе можно объяснить желанием писателей воспроизводить такую особенность живой устной речи, как стремление к наибольшей выразительности при меньшей затрате языковых средств. Полное значение оборота восстанавливается сознанием читателя, как правило, без всякого труда. При переводе с помощью фразеологического эквивалента возможно либо сохранение модификации (пример 24), либо использование полной, неэллиптированной его формы (пример 25).

(24) «Бонжур» указывало на то, что Инполит Матвеевич проснулся в добром расположении (ИП, 8).
„Bonjour“ *świadczyło, że obudził się w dobrym usposobieniu* (8–9) – ‘в добром расположении’.

(25) Затем мгновенно исчезли, как сквозь землю, все остальные всадники (Б-1, 152).
Ja seejärel kadusid silmapilkselt kõik ratsanikud, nagu oleksid nad maa alla vajunud (128) – ‘как под землю ушли’.

Как видим, сохранить эллиптическую форму удалось в польском варианте перевода, в эстонском же представлена полная фразеологическая форма. Это неслучайно. Эстонскому языку по самой его природе эллиптичность менее свойственна, чем русскому (Samma 1954, 351).

Иногда, как в случае с ФЕ *трясся как лист* (пример 26), оказывается, что эллиптическая форма русского фразеологизма является полной формой оборота ПЯ (впрочем, в нашем примере при переводе применяется замена одного из компонентов словом-синонимом: *dygotać* → *drżeć*). В данном случае это объясняется тем, что первоначальной формой ФЕ *как осиновый лист дрожит* [трясется] был оборот *дрожать как лист*, который встречается в произведениях В. А. Жуковского, В. К. Кюхельбекера, М. Ю. Лермонтова, А. В. Кольцова. Усложнение на компонент-уточнитель вело к усилению выразительности фразеологизма, в результате чего в качестве единственной утвердилась структурная форма *дрожать как осиновый лист* (СРФ:ИЭС, 340). Видимо, в польском языке усложнение так и не произошло. Вместо этого наряду с оборотом *drżeć jak liść*

‘дрожать как лист’ появился синонимичный фразеологизм *drzeć jak osika* ‘дрожать как осина’ (SFJP, I, 192). В эстонском же языке исходный русский фразеологизм имеет форму *nagu haavaleht värisema* ‘дрожать как осиновый лист’ (VVFEEV, 166). Благодаря тому, что в эстонском языке словосочетание *осиновый лист* имеет форму сложного слова, эллипсис оказывается допустимым. Учитывая, таким образом, специфику эстонского языка, т. е. довольно частое использование в составе фразеологизмов сложных слов, мы можем предположить, что в таких случаях сохранение эллипсиса при передаче русской ФЕ с сокращенным составом компонентов вполне возможно.

(26) *Василиса трясся перед ней, как лист, лицо его было искажено* (Б-1, 216).
Wasyliisa dygotał przed nią jak liść, twarz miał wykrzywioną (250) – ‘трясся как лист’.
Vassilissa seisis tema ees ja värises nagu leht, tema nägu oli moonduud (188) – ‘трясся как лист’.

Встречаются здесь и случаи формально-грамматических изменений. При наличии в языке перевода фразеологического эквивалента и возможности аналогичного оригиналу грамматического изменения перевод таких модификаций не представляет труда. Пример 27.

(27) *По голове больше не бейте. Это самое слабое его место* (ИП, 176)
Vastu pead ärge enam lööge. See on tema kõige nõrgem koht (144) – ‘самое слабое место’.

Фразеологизм *слабое место* в русском языке обладает значением ‘существенный недостаток’ (ФСРЯ, 246). В языке перевода *nõrk koht* — это ‘nõrkus, puudus, väga’ (Õim 2000, 298; ‘слабость, недостаток, изъян’). И. Ильф и Е. Петров употребляют модификацию этого фразеологизма, в которой, усиливая качественную экспрессивность ФЕ, используют ее первый компонент в превосходной степени. Грамматика эстонского языка позволяет использовать такую же модификацию.

Анализируемый нами материал обнаруживает и 5 случаев словообразовательных модификаций. При их переводе не исключены некоторые трудности (примеры 28, 29,30).

(28) – *Да дурака валяние... Разговаривают, разговаривают... Контрреволюция одна* (Б-4, 209).
„Üks lollitegemine... Muudkui räägivad ja räägivad... Sulaselge kontrrevolutsioon“ (52) – ‘одно дурака валяние’.

Это ответ Шарикова Борменталю, который осведомился, почему же Шарикову не нравится театр. На наш взгляд, рассматриваемая модификация ФЕ (это пример субстантивации глагольного фразеологизма) обладает двумя семами: 1) ‘дурачиться,

паясничать, потешать глупыми выходками»; 2) 'праздно проводить время, бездельничать' (ФСРЯ, 55). Первая выделяется как нечто, что происходит в театре и отличает его от цирка, куда Шариков хочет пойти (а ведь именно в цирке «потешают» зрителя). Вторая — относительно самого Шарикова, которому скучно в театре и который не хочет зря терять свое время. В эстонском языке словообразование позволяет использовать подобную модификацию. Однако не исключены при переводе и некоторые потери. Русский фразеологизм *валять дурака* имеет два частичных эквивалента *lollu mängima* 'дурака играть' и *tola mängima* 'шута играть' (Õim 2000, 210), оба со значением 'дурачиться, паясничать'. Значение 'проводить время впустую' у этих оборотов отсутствует, таким значением обладает другая ФЕ *aega surnuks lööma* 'убивать время' (Вайгла 1977, 147). Сохраняя в итоге словообразовательную модификацию исходного русского фразеологизма, переводчик передает лишь «часть» смысла всего высказывания. Совмещение двух значений фразеологизма в переводе оказывается невозможным.

Весьма трудный случай — перевод словообразовательных модификаций русских фразеологизмов, образованных с использованием деминутивных форм. Дело в том, что деминутивные формы не характерны для эстонского языка, употребление их ограничено. Относительно перевода на эстонский язык на этот факт указывает в своей статье Э. Вайгла. «Фактически это потенциальные языковые варианты русских фразеологизмов: деминутивные формы, как известно, весьма продуктивное явление в русском языке, чего никак нельзя сказать об эстонском; отсюда и трудности при переводе этих явлений на эстонский язык», — пишет она (Вайгла 1977, 167). И в наших примерах в переводе на эстонский язык модификаций мы не находим. Последствия такого перевода налицо: в первом случае оказывается искажен речевой портрет героев, говорящих в подобном ключе (народная речь; пример 29), во втором — исчезает тот стилистический эффект, ироничность высказывания, к которой стремились авторы, используя подобную модификацию ФЕ (пример 30). Отметим, что подобные потери при переводе могут компенсироваться в каких-нибудь других отрезках текста.

(29) *Дай тебе Бог здоровечка!* (Б-1, 228)
Niech ci Bog da zdrowie! (264)
Andku jumal sulle tervist! (198) – 'дай бог здоровья'.

(30) – *Ну, дай бог здоровычка, – с горечью сказал Безенчук, – одних убытков сколько несем, туды его в качель!* (ИП, 10)
– *Ano, daj jej Boże zdrowko – z goryczą powiedział Bezenczuk – wciąż tylko same straty, pieszka ich niebieska!* (12) – 'дай бог здоровычка'.

„*Noh, andku jumal tervist,*” lausus Bezentšuk kibedusega. “*Kui palju puhast kahju tuleb kanda, sõitku ta seenele!*” (17) – ‘дай бог здоровья’.

С польским переводом дело обстоит несколько иначе. Так, возможно, например, употребление деминутива в примере 30. Здесь деминутивная форма *здоровычка* используется с целью придать иронический оттенок всему высказыванию: гробовых дел мастер, несущий убытки, вряд ли будет желать благополучия и долгих лет жизни своему потенциальному клиенту мадам Петуховой. В польском языке употребление такой модификации возможно *daj jej Boże zdrówko* именно потому, что создает тот же эффект, что и в оригинале. Употребление же подобной модификации неуместно при переводе на польский язык в примере 29. Здесь нет иронии, а использование деминутивной формы при переводе дало бы именно такой стилистический эффект.

Модификация ФЕ может быть образована на базе фразеологизмов с использованием их образной основы (с частичным сохранением или без сохранения узуальных компонентов). Этот образ воскрешает в сознании читателя значение исходной фразеологической формулы. Примеры 31, 32.

(31) *Учитесь жить широко!* (ИП, 44)
Niech pan uczy się żyć na szerokiej stopie! (46) – ‘учитесь жить на широкую ногу’.
Õppige laialt elama! (42) – ‘учитесь жить широко’.

(32) – *Милиця! Взять ее! – таким страшным голосом прокричала супруга Семплеярова, что у многих похолодели сердца* (Б-3, 398).
– *Milicja! Aresztować ją! – zawołała małżonka Siempiarowa głosem tak strasznym, że niejednemu zrobiło się zimno.* (Bułhakow. Mistrz i Małgorzata.) – ‘стало холодно’.
„*Kus on miilits? Võtke ta kinni!*“ *karjus Semplejarovi abikaasa nii õudse häälega, et paljudel läks südame alt külmaks* (163) – ‘стало холодно под сердцем’.

Очень важно, чтобы избранная ФЕ перевода обладала тем же значением, что и первооснова оригинала. Рассмотрим пример 31. Здесь, на наш взгляд, вспоминаются такие русские фразеологизмы, как *на широкую ногу* ‘богато, роскошно, не стеснясь в средствах’ (ФСРЯ, 284) и *широкая натура* ‘человек не мелочный, щедрый во всех своих проявлениях’ (ФСРЯ, 269). Таким образом, Остап Бендер призывает Воробьянинова не мелочиться и не ссориться из-за восьми рублей, которые он должен Ипполиту Матвеевичу за только что приобретенный у него жилет. Что происходит в переводах? Более удачен эстонский вариант перевода: в нем использована аналогичная оригинальной модификация ФЕ *õppige laialt elama*, причем угадываются оба базовых фразеологизма *laijal jalal* ‘jõukalt ja pillavalt elama’ (Õim 2000, 198; ‘безбедно и расточительно жить’) и *elama laia joonega inimene* со значением ‘inimene, kelles ei ole väiklust, kellel on lai haare’ (VVFEV, 605; ‘человек не

мелочный, с широким размахом'). В польском же переводе использован фразеологический эквивалент одной из базовых русских ФЕ *żyć na szerokiej stopie* 'жить на широкую ногу'. Возможно, именно такой перевод является в данном случае наиболее подходящим, поскольку фразеологизм *szeroka natura* 'широкая натура' обладает в польском языке иным, отличным от русского фразеологизма значением — 'o człowieku bujnego temperamentu' (SFJP, II, 272). Так говорят о человеке буйного темперамента.

Интересен пример 32. Вероятно, в основе индивидуально-авторской модификации *похолодели сердца* лежит фразеологизм *кровь стынет [леденеет, холодеет]* <в жилах> со значением 'кто-либо испытывает чувство сильного страха, ужаса' (ФСРЯ, 214). Исходя из этого, эстонский вариант перевода можно признать адекватным: ведь и в эстонском языке фразеологизм *südamet alit külmaks minema* обладает тем же значением 'tugevasti ehmunema, hirmu tundma hakkama' (Õim 2000, 476; 'сильно испугаться, испытывать страх'). Как видим, в эстонском переводе была возможность использовать имеющуюся ФЕ, адекватно передав значение переводимой единицы и сохранив при этом выразительность подлинника. Польский же перевод неадекватен. Используемая переводчиками ФЕ *robi się zimno* обладает другим, неподходящим в данном случае значением 'ktoś doznaje uczucia chłodu, zimna' (SFJP, II, 838; 'кто-либо испытывает холод'). Такой перевод демонстрирует возможные переводческие ошибки.

Таким образом, при переводе индивидуально-авторских модификаций ФЕ, образованных путем приемов структурно-семантического преобразования, с помощью фразеологических эквивалентов необходимо учитывать семантику положенных в основу модификации фразеологизмов ИЯ, помня о том, что использовать в переводе можно лишь те из них, которые обладают подходящим значением. Есть здесь и примеры, характеризующиеся существенными потерями при переводе. В некоторых из них таких потерь можно было бы избежать, поскольку в большинстве случаев при наличии фразеологических эквивалентов возможность их модификации все же сохраняется.

В. Применение фразеологических аналогов при переводе индивидуально-авторских модификаций русских ФЕ

Индивидуально-авторские модификации русских ФЕ могут передаваться на ПЯ посредством фразеологических аналогов первоосновы модификации. Адекватность перевода достигается при тождественном значении, стилистической окраске и

эмоциональной нагрузке разнообразных фразеологизмов. По отношению к такому типу перевода справедливо замечание Э. Вайгла о том, что «здесь уже нет такого автоматизма, который облегчает перевод в случае наличия фразеологических эквивалентов» (Вайгла 1977, 148).

Наш материал насчитывает 36 случаев перевода посредством фразеологических аналогов. Рассмотрим встретившиеся нам примеры подробнее, акцентируя внимание на случаях существенных переводческих потерь, которые составили примерно 7%, т. е. сопровождают 13 случаев перевода.

а. Перевод индивидуально-авторских модификаций ФЕ, образованных путем семантического переосмысления

Общее число случаев перевода при помощи фразеологических аналогов индивидуально-авторских модификаций русских ФЕ, образованных путем семантического переосмысления, равно 7. В 3-х случаях перевод на польский язык сопровождается существенными потерями. Проанализируем эти примеры (33, 34).

(33) *Но не ненавистью в упор, когда ненавидящий хочет идти драться и убивать, а ненавистью трусливой, шипящей, из-за угла, из темноты* (Б-1, 59)
Ale nie tą nienawiścią twarzą w twarz, kiedy nienawidzący chce walczyć i zabijać, ale nienawiścią tchórzliwą, syczącą, zza węgła, z ciemności (61) – ‘лицом к лицу’.

Подобное употребление ФЕ *в упор* (ФСРЯ, 497; ‘в непосредственной близости’) вносит дополнительный оттенок значения. Это экспрессивная, динамичная единица: «ненавидящий хочет идти драться и убивать». *Ненависти в упор* противопоставлена другая — трусливая, из-за угла. В польском варианте переведено аналогом *twarzą w twarz* ‘лицом к лицу’ (SFJP, II, 408), который обладает значением ‘прямо в глаза’. На наш взгляд, перевод не вполне удачен, здесь нет уже той степени экспрессивности, которая присуща единице оригинала.

(34) *Воробьянинов вытянул руки по вытертым швам и замолчал* (ИП, 266).
Worobianinow stanął na baczność i wyprostował się (269) – ‘встал навытяжку и выпрямился’.

Здесь авторы вводят в состав ФЕ дополнительный компонент, конкретизируя входящее в ее состав слово *швы* (*по вытертым швам*). «Конкретизация отдельных компонентов осуществляется в большинстве случаев за счет введения определений или дополнений к традиционным компонентам устойчивых словосочетаний. В результате компоненты воспринимаются как таковые, потому что находятся в структуре фразеологизма, образуют его; с другой стороны, определения и дополнения, введенные во фразеологизм, возвращают словам-компонентам то

лексическое значение, с которым они функционируют в языке; наконец, они сближают фразеологизм с контекстом номинативного значения» (Наумов 1971, 73). В результате такой конкретизации читатель, с одной стороны, воспринимает прямое значение словосочетания, с другой — вспоминается и фразеологическое значение ‘дрожать, трепетать перед кем-либо’ (ФСРЯ, 137), так как «холодный, рассудительный голос великого комбинатора оказал свое обычное магическое действие» (ИП, 266). Используемый в польском переводе аналог *stać na baczność* ‘встать навытяжку’ со значением ‘stać w pozycji wyprostowanej z rękami wzdłuż boków’ (SFJP, I, 93; ‘встать, выпрямившись, с вытянутыми по швам руками’) не приносит нужного результата. В переводе уже нет намека на то, что Ипполит Матвеевич трепещет перед Остапом Бендером, а потому и становится навытяжку.

К этой же группе относятся примеры каламбурного построения, основанные на прямом, буквальном понимании переносного значения отдельных слов, входящих в состав фразеологического сочетания (примеры 35, 36). Такая словесная игра, построенная на использовании фразеологизмов, получает отражение в переводе в полной мере, если в ПЯ имеются фразеологические соответствия. Однако это не единственное условие. Не всякое фразеологическое соответствие дает нужный результат (пример 35).

(35) *Через пять минут стул был обглодан. От него остались рожки да ножки. Во все стороны катились пружины. Ветер носил гнилую шерсть по пустырю. Гнутые ножки лежали в яме* (ИП, 64–65).

Po upływie pięciu minut krzesło było doszczętnie obskubane. Zostało z niego tylko wspomnienie. Sprężyny toczyły się na wszystkie strony. Wiatr rozwiewał po placu strzępy zbutwiałej waty. Gięty nóżki sposzywały w rowie (68) – ‘осталось только воспоминание; ножки’.

Viie minuti pärast oli tool paljaks räsitud. Temast olid järel ainult sõrad ja sarved. Ümberringi veeresid vedrud. Tuul kandis laiali pehkinud villa. Painutatud jalad lebasid augus (58) – ‘остались только копыта и рога’.

Здесь используется ФЕ *рожки да ножки* ‘ничего, совсем ничего не оставлять, оставаться и т. п. от кого-либо или чего-либо’ (ФСРЯ, 391). Благодаря наличию у слова *ножка* в русском языке значения ‘опора, стойка (мебели, утвари, прибора, какого-нибудь устройства)’ (ТСРЯ, 412), возможно такое обыгрывание. Но передать его не удастся ни на один из ПЯ. При переводе используются фразеологические аналоги: польск. *zostało tylko wspomnienie* ‘осталось только воспоминание’, эст. *olid jäänud ainult sõrad ja sarved* ‘остались только копыта и рога’. Ни в один из аналогов не входит слово *ножки*, которое обыгрывается в оригинальном тексте (в польском это *nóżki*, в эстонском — *jalad*), а потому словесная игра не сохраняется в переводе.

Все же возможен и удачный, адекватный перевод. В нашем случае существенную помощь оказывают как раз аналоги ПЯ (пример 36).

(36) – Ну, хотя бы жизнью твоею, – ответил прокуратор, – ею клясться самое время, так как она висит на волоске, знай это!

– Не думаешь ли ты, что ты ее подвесил, ижемон? – спросил арестант, – если это так, ты очень ошибаешься.

Пилат вздрогнул и ответил сквозь зубы:

– Я могу перерезать этот волосок.

– И в этом ты ошибаешься, – светло улыбаясь и заслоняясь рукой от солнца, возразил арестант, – согласишься, что перерезать волосок уж, наверно, может лишь тот, кто подвесил?

– Так, так, – улыгнувшись, сказал Пилат, – теперь я не сомневаюсь в том, что праздные зеваки в Еришалаиме ходили за тобою по пятам. Не знаю, кто подвесил твой язык, но подвешен он хорошо (Б-3, 292).

– Choćby na własne życie – odpowiedział prokurator. – Najwyższy czas, abys na nie przysiągł, bo wiedz o tym, że wisi ono na włosku.

– Czy sądzisz, hegemonie, że to tyś je zawiesił na włosku? – zapytał więzień. – Jeśli sądzisz tak, bardzo się mylisz.

Pilatus drgnął i odparł przez zęby:

– Mogę przeciąć ten włoszek.

– Co do tego także się mylisz – powiedział z powątpiewaniem aresztowany, uśmiechając się dobrodusznie i zasłaniając dłonią przed słońcem. – Przyznasz, że przeciąć ten włoszek może chyba tylko ten, kto zawiesił na nim moje życie.

– Так, так – powiedział Пилат и уśmiechnął się. – Nie wątpię już teraz, że jerszalaimejscy próżniacy włóczyli się za tobą. Nie wiem, gdzieś się ćwiczył w wymowie, ale języka w gębie nie zapominasz. (M. Bulhakow. Mistrz i Małgorzata.) – ‘висит на волоске; его подвесил; могу перерезать волосок; перерезать волосок может лишь тот, кто подвесил; языка во рту не забудешь’.

„Kas vői oma elu nimel,” vastas prokuraator, „selle nimel on praegu ülim aeg vanduda, sest ta ripub sul juuksekarva otsas, tea seda!”

„Ega sa ei arva viimati, hegemoon, et sina oled ta sinna riputanud?” küsis vang. „Kui sa seda arvad, siis eksid rängalt.”

Pilatus võpatas ja vastas läbi hammaste:

„Ma võin selle juuksekarva läbi lõigata.”

„Sa eksid selleski,” ütles vang rõõmsalt naeratades ja varjas käega silmi päikese eest. „Kas sa ei arva, et juuksekarva läbi lõigata võib ju vist ikka ainult see, kes ta üles riputas?”

„Nõndaks, nõndaks,” lausus Pilatus muiates, „nüüd ei kahtle ma enam selles, et Jeršalaimi päevavargad käisid sul karjakaupa kannul. Sest olgu riputamiseга kuidas tahes, juuksekarva lõhki ajama oled sa igal juhul meister (35–36) – ‘висит на волоске; его подвесил; могу перерезать волосок; перерезать волосок может лишь тот, кто подвесил; оставим это; раздваивать волосок ты мастер’.

Вся эта сложная игра строится на двух фразеологизмах. С компонента *висеть* автор переключается на компонент *подвесить* и в конечном итоге от фразеологизма *висеть на волоске* ‘оказываться в опасности, под угрозой гибели’ (ФСРЯ, 69) он переходит к обороту *язык хорошо подвешен* ‘кто-либо умеет свободно, гладко говорить’ (ФСРЯ, 541). Как верно указала Э. Вайгла, «переходу от одного фразеологизма к другому предшествует целый диалог, на протяжении которого фразеологизм в измененном виде переходит от одного собеседника к другому по

схеме: первый фразеологизм — 3 модификации его — второй фразеологизм» (Вайгла 1977, 168). В обоих вариантах перевода переводчики адекватно передают словесную игру, построенную на использовании фразеологизмов благодаря тому, что в языках перевода имеются для этого определенные возможности, о чем речь пойдет ниже. Рассмотрим последовательно оба варианта перевода.

В польском переводе сохраняются все три модификации подлинника, так как имеется полный фразеологический эквивалент русской ФЕ *висеть на волоске* — *wisiec na włosku*, одно из значений которого ‘czemuś w każdej chwili grozi niebezpieczeństwo, katastrofa’ (MSJP, 1029; ‘чему-то в любой момент угрожает опасность, катастрофа’). Однако в польском языке отсутствует эквивалент второй русской ФЕ. Переводчики используют аналог с соответствующим значением *zapominać języka w gębie* (дословно: ‘забыть язык во рту’) в значении ‘nie wiedzieć, co powiedzieć’ (SFJP, II, 767; ‘не знать, что сказать’). Словесная игра оказывается несколько «сокращенной».

Удачнее дело обстоит в эстонском переводе. Переводчику в полной мере удалось сохранить эту сложную игру, построенную на обыгрывании двух фразеологизмов с сохранением общего лексического компонента (правда, это уже не глагол *висит/подвешен*, а имя существительное *juuksekarv* ‘волос, волосок’). Так, обыгрываются фразеологизмы *juuksekarva otsas rippuma* (дословно: ‘висеть на волоске’) в значении ‘suures ohus olema, hukkumise äärel olema’ (Õim 2000, 99; ‘быть в большой опасности, на краю гибели’) и *juuksekarva lõhki ajama* (дословно: ‘раздваивать волосок’) в значении ‘быть точным до мельчайших подробностей’, в данном контексте — ‘быть последовательным, логичным до конца в споре’ (Вайгла 1977, 168). Как видим, сохранение такой игры возможно благодаря наличию в эстонском языке полного фразеологического эквивалента русского фразеологизма *висеть на волоске*, а также фразеологического аналога (правда, с весьма значительными расхождениями в образной структуре, но с общим стержневым словом) второй русской ФЕ *язык хорошо подвешен*. Нужно также заметить, что в репликах в переводе дано даже четыре модификации первого оборота при наличии трех в оригинале (модификация перевода подчеркнута в примере пунктирной линией; совпадающие — сплошной). Однако это не нарушает словесную игру подлинника, а вполне гармонично вписывается в данный контекст. Совпадающие модификации переведены дословно благодаря существованию полного фразеологического эквивалента *juuksekarva otsas rippuma*. Перевод весьма удачен, так как сохраняет не только семантику исходного текста, а также все показатели

исходных ФЕ, в частности экспрессивность, но и дает читателю возможность оценить ту остроумную словесную игру, которая разворачивается в диалоге между прокуратором и арестантом.

Как видим, использование фразеологического аналога при переводе индивидуально-авторских модификаций фразеологизмов, образованных путем семантического переосмысления, не всегда дает адекватные результаты. Но при определенных условиях возможен и удачный перевод.

в. Перевод индивидуально-авторских модификаций ФЕ, образованных посредством структурно-семантических приемов преобразования

Перевод при помощи фразеологических аналогов индивидуально-авторских модификаций ФЕ, образованных посредством структурно-семантических приемов преобразования, был использован в 29 случаях. Здесь можно выделить модификации ФЕ с расширенным компонентным составом, заменой компонента, контаминации, а также эллиптированные фразеологизмы, словообразовательные модификации и модификации с сохранением образной основы ФЕ. Их перевод, осуществленный при помощи фразеологических аналогов, в ряде случаев весьма удачен.

Проще всего дело обстоит с переводом модификаций, образованных за счет расширения компонентного состава или замены компонента. Введение дополнительных компонентов способствует более гармоничному взаимодействию ФЕ с непосредственным словесным окружением и увеличивает ее выразительные возможности, предельно приближая ее значение и образность к условиям данной речевой ситуации. Примеры 37, 38, 39, 40.

(37) *Карась выпил пять рюмок и пришел в очень хорошее расположение духа* (Б-1, 221).
Karaś wypił pięć kieliszków i wprawilo go to w bardzo dobry humor (255) – ‘в очень хорошее настроение’.

(38) *Прошлое Симона было погружено в глубочайший мрак* (Б-1, 66).
Przeszłość Simona tonęła w nieprzeniknionych mrokach (69) – ‘тонуло в непроницаемых мраках’.

(39) *Ждать было очень трудно: все стулья налицо; цель была близка, ее можно было достать рукой* (ИП, 168).
A czekać było niełatwo. Cel był zbyt bliski. Krzesła stały tuż pod nosem (171) – ‘под носом’.

(40) *Воробьянинов удивился. Никогда еще технический директор не называл его по имени и отчеству. И вдруг он понял...*
– *Есть? – выдохнул он?*
– *В том-то и дело, что есть. Ах, Куса, черт вас раздери!* (ИП, 327)

Worobjaninow zdumail się. Dyrektor techniczny nigdy jeszcze nie przemawiał do niego takim dziwnym tonem. Nagle zrozumiał...
– *Jest?* – *zapytał sthumionym szeptem.*
– *A więc jest. Ach, Kociu, niech pana wszyscy diabli!* (327) – ‘пусть вас все черти!’.

В этих примерах переводчикам во многом именно благодаря наличию в языках перевода фразеологических аналогов удалось адекватно передать все характеристики переводимых индивидуально-авторских модификаций ФЕ.

К сожалению, анализ перевода индивидуально-авторских модификаций фразеологизмов посредством фразеологических аналогов выявил и обратный результат (всего здесь насчитывается 10 случаев перевода, которые сопровождаются существенными потерями), которого, впрочем, можно было бы порой и избежать. Приведем, на наш взгляд, весьма показательный пример (41).

(41) *Большая и тяжелая гора свалилась с плеч заведующего хозяйством* (ИП, 254).
Kierownikowi spadł kamień z serca (257) – ‘упал камень с сердца’.
Majandusjuhataja õlgadelt veeres suur ja raske kivi (203) – ‘скатился с плеч большой и тяжелый камень’.

В основе индивидуально-авторской модификации русской ФЕ лежит фразеологизм *как [будто, словно, точно] гора с плеч <свалилась>*. При его идентификации мы легко обнаружим яркую количественную экспрессию: ‘рассеялись тревоги, сомнения; наступило полное облегчение после избавления от забот, обязанностей, от чего-либо обременительного и т. п.’ (ФСРЯ, 116). Что касается качественной экспрессивности, то «она формулируется теми дополнительными оттенками смысла, которые вытекают из специфики конкретного образа, легшего в основу ФЕ» (Вакуров 1983, 25). Зная это, обратимся к модификации. Расширением состава фразеологизма первоосновы авторы создают свой образ — *большая и тяжелая гора*, что привносит в значение дополнительный оттенок: *заведующий хозяйством, нашедший в лице Остапа Бендера так необходимого ему художника, получил абсолютное облегчение, так как он решил серьезную, важную проблему*. За неимением в языках перевода (польском и эстонском) фразеологических эквивалентов переводчики обратились к фразеологическим аналогам (ср. русск. *камень с души [с сердца] свалился*): польск. *spadł komu kamień z serca* ‘ktoś pozbył się troski’ (SFJP, I, 316; ‘кто-либо избавился от хлопот’), эст. *kivi veereb südamest* ‘rainavast murest vabanema’ (Õim 2000, 141; ‘освободиться от гнетущих забот’). Полностью игнорируя модификацию переводимой ими ФЕ, польские переводчики использовали этот фразеологический аналог. О результате такого перевода можно

судить, исходя из анализа семантики ФЕ и ее модификации (см. выше). Но такого результата можно было бы избежать, если пойти тем же путем, каким пошли эстонские переводчики. Они модифицировали имеющийся в наличии фразеологический аналог тем же способом, что И. Ильф и Е. Петров, т. е. расширив компонентный состав ФЕ (*kivi veereb südamelt* → *õlgadelt veeres suur ja raske kivi*; кроме того, наблюдается здесь и замена компонента). В польской ФЕ также возможно расширение компонентного состава: *spadł komu wielki i ciężki kamień z serca*. Такой перевод был бы адекватен оригиналу.

Есть, правда, и случаи, когда избежать потерь не удастся. Например, не вполне удачен перевод модификации, образованной путем соединения ФЕ, имеющих общий компонент (пример 42).

(42) – *А сейчас хорошо на Клязьме, – подзудила присутствующих Штурман Жорж, зная, что дачный литературский поселок Перельгино на Клязьме – общее больное место* (Б-3, 325).

– *A nad Kłaźmą teraz jest przyjemnie – podbechtywała obecnych Bosman Żorż dobrze wiedząc, że Pieriełgino, letniskowe osiedle literatów nad Kłaźmą, to czuły punkt wszystkich* (Bułhakow. Mistrz i Małgorzata.) – ‘чувствительная точка всех’.

О данной контаминации уже шла речь выше в связи с переводом ее на эстонский язык посредством фразеологического эквивалента (см.: с. 50–51, пример 23). В переводе на польский язык находим фразеологический аналог с соответствующим одному из русских оборотов значением (мы помним, что модификация строится на соединении фразеологизмов *больное место* и *общее место*), которое интенсифицируется в результате расширения компонентного состава оборота (*czuły punkt* → *czuły punkt wszystkich*). Результат такого перевода аналогичен переводу на эстонский язык. «Часть» смысла утрачена, так как значение второго русского фразеологизма в переводе отражения не получает.

Довольно сложно дело обстоит с переводом индивидуально-авторских модификаций, сохраняющих лишь образ ФЕ. Трудности вызваны тем, что базовый фразеологизм, лежащий в основе модификации, не всегда получает полное отражение в переводе. Иногда ФЕ ПЯ, положенная в основу модификации перевода, обладает иными, отличными от фразеологизма ИЯ характеристиками. Примеры 43, 44.

(43) *Сердце Ипполита Матвеевича потухло* (ИП, 45)

Radość w sercu Hipolita Matwejewicza zgasła (48) – ‘радость в сердце погасла’.

Ippolit Matvejevitsi süda hakkas värisema (43) – ‘сердце затрепетало’.

В основе индивидуально-авторской модификации *сердце потухло*, вероятно, лежит фразеологизм *сердце упало* [*оторвалось, оборвалось*] с сохранением компонента *сердце*. Вспомним значение этого фразеологизма — ‘кто-либо испытывает страх, тревогу, приходит в отчаяние’ (ФСРЯ, 421). Как нам кажется, в данном контексте реализуется значение ‘испытывать страх, тревогу, предчувствуя недоброе’ (Ипполит Матвеевич увидел следы «Титаника» — полотенце, испачканное «тем радикально черным цветом, которым с позавчерашнего дня были окрашены его горизонтальные усы») (ИП, 45)). Польский перевод кажется нам не совсем удачным. Тут использована ФЕ *radość zgasła* (дословно: ‘радость погасла’), т. е. ‘ktoś przestał się radować, weselić’ (SFJP, II, 824; ‘кто-либо перестал радоваться, веселиться’) с введением в его состав нового компонента *w sercu*. Значение всего предложения в польском переводе получает иную окраску. Возможно, здесь и присутствует сема ‘недоброе предчувствие’, но не так явно, как в оригинальном тексте. Кроме того, появляется дополнительная неадекватная информация о состоянии героя до момента происшествия. Что касается эстонского языка, то выбранная переводчиком единица *süda hakkab värisema* (дословно: ‘сердце затрепетало’) со значением ‘keegi hakkab suurt hirmu tundma’ (Õim 2000, 472; ‘кто-либо испытывает сильный страх’) видится нам в данном контексте более подходящей. Она позволяет адекватно передать смысл предложения (сема ‘недоброе предчувствие’ поддерживается в данном случае контекстом), сохранив при этом выразительность подлинника.

(44) *Исчез отец Федор. Завертела его нелегкая* (ИП, 158).

Ojciec Fiodor prepadł bez wieści. Diabli go gdzieś ponieśli (159) – ‘черти его куда-то понесли’.

Образной основой рассматриваемой модификации (пример 44) являются фразеологизмы *черт [нелегкая] носит* ‘кто-либо пропадает, шляется, болтается где-то’ (ФСРЯ, 521) и *черт [бес, нечистый, нечистый дух, нелегкая, грех] попутал* ‘кто-либо поддался соблазну (сделать что-либо, обычно предосудительное)’ (ФСРЯ, 521–522). В переводе используются фразеологические аналоги. Польский аналог *diabli ponieśli* ‘черти понесли’ (SFJP, I, 170) обладает лишь одной из двух смысловых составляющих — ‘кто-либо пропадает, шляется, болтается где-то’.

Говорилось уже и о трудностях сохранения при переводе словообразовательных модификаций. В данном примере (пример 45) первооснова индивидуально-авторской модификации русской ФЕ не имеет в ПЯ фразеологического эквивалента. Но, на наш взгляд, неплохие результаты дает перевод фразеологическими аналогами. Он позволяет сохранить не только семантическое значение индивидуально-

авторской модификации ФЕ, но и выразительность подлинника: экспрессивность, эмоциональность, стилистическую характеристику переводимой единицы. Пример 45.

(45) *Хотя, впрочем, его можно и без всяких револьверов обобратить как липочку...* (Б-1, 219)

Chociaż bez żadnych pistoletów można go oskubać jak perliczkę... (253–254) – ‘обобратить как цесарку’.

Некоторых потерь при переводе можно было бы и избежать. Например, можно ввести деминутив в состав фразеологического аналога в следующем случае (пример 46):

(46) – *Вот что, девушка: зарубите на своем носике, что Остап Бендер никогда ничего не крал* (ИП, 231).

„Teate, noorik, pange endale kõrva taha, et Ostap Bender ei ole kunagi midagi varastanud“ (185) – ‘положите себе за ухо’.

Здесь деминутивная форма употребляется для создания комического эффекта (достаточно вспомнить описание мадам Грицацуевой, «знойной женщины, мечты поэта»). В подобном контексте эстонский язык более «терпим» к деминутивам (Вайгла 1977, 167). Возможная модификация эстонской ФЕ *pange endale kõrvakese taha* полностью соответствовала бы переводимой единице И. Ильфа и Е. Петрова: идентичное значение, структурное обновления фразеологизма (*kõrvakese* ‘ушко’) и отсюда комический эффект.

Используется фразеологический аналог и в случае употребления автором оригинала эллиптической формы ФЕ (пример 47). Данный способ преобразования, с одной стороны, снимает присущую полносоставным фразеологизмам семантическую избыточность и, с другой, выполняет реминисцентную функцию, вызывая в сознании читателя представление о полной форме и общенародном значении фразеологизма (заметим, что конечный элемент ФЕ обладает наивысшим показателем предсказуемости). Поэтому основной задачей перевода становится воссоздание семантики оборота, впрочем, воспроизведение самого приема преобразования для достижения этой цели необязательно, и оно не всегда имеет место. В нашем переводе использован фразеологический аналог без сокращения компонентного состава.

(47) *Затем мгновенно исчезли, как сквозь землю, все остальные всадники* (Б-1, 152).

Kilku jeźdźców w ogóle zniknęło, potem w mgnieniu oka przepadli, jakby się ziemia pod nimi roztopiła, także i pozostali kawalerzyści (173) – ‘как будто земля под ними расступилась’.

Подводя итог анализа материала по переводу индивидуально-авторских модификаций ФЕ посредством фразеологических аналогов, можно отметить следующие моменты, на которые должен обратить внимание переводчик. Большая часть неточностей при переводе — это случаи, в которых возможен адекватный перевод. Прежде чем переводить модификацию ФЕ, необходимо понять, с какой целью употребляется она автором. Затрагивает ли, например, структурное изменение семантику исходных оборотов, какой стилистический эффект сопутствует использованию такой модификации и т. д. Нельзя игнорировать дополнение фразеологизмов ИЯ новыми словами-компонентами, а также словообразовательные изменения фразеологизмов, так как их отсутствие в переводе приводит к утрате экспрессивности, эмоциональности ФЕ, момента ее обновления или стилистического эффекта, к которому стремился автор, модифицируя данную единицу. Стоит с бóльшим вниманием относиться к модификациям, в основе которых сохраняется лишь образ ФЕ. В этом случае задача переводчика использовать именно такую ФЕ, значение которой является в данном случае подходящим. В целом же, перевод посредством фразеологических аналогов дает неплохие результаты. Он позволяет сохранить образность, выразительность, эмоциональность и т. п. оригинального текста.

2. 2. Нефразеологический перевод

В разделе *2.1. Фразеологический перевод* нами рассматривались случаи, когда переводчик использовал способы фразеологического перевода, т. е. прибегал к помощи фразеологических эквивалентов или аналогов. Но, как ни парадоксально, при наличии в языке перевода фразеологического соответствия, а именно — фразеологического аналога (так показывает наш материал), переводчик может сознательно отказаться от такого типа перевода в пользу перевода нефразеологического. По каким причинам это происходит и к каким приводит результатам, покажет анализ случаев такого рода, представленный ниже.

Но прежде чем приступить к анализу, необходимо определить типы нефразеологического перевода. Выделяют следующие способы: 1) описательный и лексический перевод, 2) калькирование, 3) контекстуальная замена и фразеологическая компенсация.

Чаще безэквивалентные фразеологизмы переводятся описательно или посредством лексического эквивалента. *Описательный перевод* сводится, как часто случается, к переводу не самого фразеологизма, а его толкования. Это могут быть

объяснения, описания, сравнения — «все средства, передающие в максимально сжатой форме содержание ФЕ все с тем же неизменным стремлением к метафоричности, хотя бы частичной передаче экспрессии, коннотации, стилистической окраски» (Влахов, Флорин 1986, 241). Примерами использования при переводе индивидуально-авторских модификаций ФЕ описательного и лексического переводов могут служить следующие случаи (все приведенные примеры комментируются в магистерской диссертации, результат их использования различен): русск. *видал всякие виды* — польск. *widywał różne rzeczy* ‘видывал разные вещи’, эст. *oli näinud seal nii mõndagi* ‘видел кое-что’; русск. *клюнул носом* — польск. *głowa mu opadła* ‘голова его свесилась’; русск. *целое дело сшили* — польск. *wystażyli całą rozprawę* ‘состряпали целое дело’, эст. *juba on toimik valmis* ‘уже и дело готово’ и т. д. *Лексический перевод* применим, как правило, когда понятие, выраженное в ИЯ фразеологизмом, представлено в ПЯ лексически, т. е. семантически эквивалентно слову. Например: русск. *в сердцах* — польск. *wzburzony* ‘взволнованный’, эст. *pahaselt* ‘сердито’; русск. *с дорожкой душой* — польск. *z radością* ‘с радостью’ и т. д.

Еще один способ нефразеологического перевода — *калькирование* (или дословный перевод). Отметим, что здесь не имеется в виду так называемая фразеологическая калька, т. е. эквивалент переводимой ФЕ в ПЯ, имеющий форму дословного перевода (такие единицы мы называем термином *полный фразеологический эквивалент*). Приведем примеры: русск. *клюнул носом* — эст. *nina jõnksatas allapoole* ‘нос дернулся книзу’; русск. *налитые кровью бычьи глаза* — польск. *przekrwione bycze oczy* ‘налившиеся кровью бычьи глаза’, эст. *verd täisvalgunud sõnnisilmad* ‘налитые кровью бычьи глаза’; русск. *скорее лапы отсохнут* — эст. *võivad pigem käpad otsast kuivada* ‘скорее могут лапы отсохнуть’ и т. д.

Особый интерес представляют *контекстуальные замены*. Как указывает Э. Вайгла, «этим термином принято называть фразеологизмы иного значения, которые однако в данном контексте — и только в нем — иногда полностью, а чаще частично принимают на себя семантическую нагрузку исходного фразеологизма» (Вайгла 1977, 154). Иногда в контекст вводится фразеологизм иного значения, «не претендующий» на замену первоосновы модификации ФЕ оригинала. Эти случаи Э. Вайгла называет *фразеологической компенсацией*. Так как наш материал обнаруживает лишь один такой пример, мы будем рассматривать его в рамках перевода с помощью контекстуальных замен. Термин *контекстуальные замены* используется и в ином значении. Основное его содержание заключается в том, что

«ФЕ в целом как бы растворяется в контексте, причем фразеологизм перестает существовать как языковая единица, нередко в такой степени, что ни один из его компонентов не получает отражения в переводе (нулевой перевод)» (Влахов, Флорин 1986, 241). Мы же используем понятие контекстуальные замены в том значении, которое указывает Э. Вайгла. Примеры: русск. *под ноздь* – польск. *do pieca* ‘в печь’, эст. *jalust ära* ‘из-под ног [убрать]’; русск. *любо-дорого* – польск. *niech ręka boska broni* ‘да защитит рука господ’, эст. *taevas hoidku* ‘да сохранят небеса’.

Случаи, когда при наличии в языке перевода фразеологических соответствий переводчик прибегает к нефразеологическим средствам, единичны. Их всего 7. Но, на наш взгляд, они нуждаются в комментариях, поскольку демонстрируют рациональный подход к переводу и, как следствие, удачные переводческие решения. Правда, не обошлось и без потерь. Но переводчик все же нашел, на наш взгляд, оптимальное в данных условиях решение. Интересно, что все примеры такого типа — это перевод на эстонский язык. Перевод преимущественно осуществлен калькированием (есть лишь один пример лексического перевода). Рассмотрим имеющиеся примеры (примеры 48, 49, 50, 51, 52, 53).

Встречается у М. Булгакова употребление фразеологизма в необычной форме. Пример 48.

(48) *Мышлаевский внезапно зевнул и клюнул носом* (Б-1, 31).
“*O-o-oeh!*” *Mõslajevski haigustas äkitselt ja tema nina jõnksatas allapoole* (19) – ‘нос дернулся книзу’.

Глагольный фразеологизм *клевать носом* употреблен в форме СВ прош. вр. (*клюнуть носом*) и в такой форме имеет значение конкретно-фактического действия (разовое целостное действие, которое совершилось в определенный момент времени). В своей обычной форме (НСВ наст. вр.) ФЕ имеет значение повторяющегося действия ‘опускать голову, забывшись, задремав на мгновение’ (ФСРЯ, 199). Необходимо понять с какой целью Булгаков изменяет форму фразеологизма. *Клевать носом* значит бороться со сном. У булгаковского героя этой борьбы не происходит: пробормотав некую неясную фразу, он «выронил папиросу изо рта, откинулся и захрапел сразу» (Б-1, 31). В эстонском языке имеется выражение *reaga pookima* ‘качать головой’ с аналогичным немодифицированному русскому обороту значением. Но перевод здесь осуществлен с помощью видоизмененной кальки *nina jõnksatas allapoole* также со значением конкретно-фактического действия. Переводчик не использует имеющийся в языке фразеологический аналог, поскольку это привело бы, во-первых, к тому, что

авторское преобразование фразеологизма осталось в переводе неотраженным, вторых — как следствие — к передаче иного семантического значения.

Отмечаются также случаи, когда замену компонента авторы используют для создания комического эффекта путем приспособливания ФЕ к конкретной ситуации.

Пример 49.

(49) – У меня скорее лапы отсохнут, чем я прикоснусь к чужому, – напыжившись, воскликнул кот, танцуя на чемодане, чтобы умять в него все экземпляры злополучного романа (Б-3, 560).

„Mul võivad pigem käpad otsast kuivada, kui et ma võdrast asja võtan,“ seletas tähtsalt kass, kes tantsis kohvri peal, püüdes õnnetu romaani eksemplare sinna sisse suruda (357–358) – ‘скорее могут лапы отсохнуть’.

В обороте *отсохни <у меня> руки*, т. е. клятвенном заверении в том, что кто-либо сделает или не сделает (ФСРЯ, 306), М. Булгаков заменяет компонент *руки* (*руки* → *лапы*), так как автор высказывания — кот Бегемот. Но в эстонском языке подобная формула выражается так: *välk mind tabaks* ‘порази меня молния’ (V–ES, I, 984; ср. русск. *разрази [порази] <меня> гром*). Осуществил переводчик передачу русской модификации фразеологизма фразеологическим аналогом, и автором данного высказывания мог бы стать кто угодно. Но, чтобы этого не случилось, переводчик использует дословный перевод. Смысл высказывания понятен эстонскому читателю, поскольку значение модификации ФЕ в достаточной степени мотивировано значениями ее компонентов, к тому же поддерживается контекстом (*чем я прикоснусь к чужому*). Перевод вполне адекватен.

Конкретизация может осуществляться и за счет введения в состав ФЕ дополнительного компонента. Пример 50.

(50) Воробьянинов вытянул руки по вытертым швам и замолчал (ИП, 266).

Vorobjaninov surus käed vastu kulunud püksiõmblusi ja vaikis (212) – ‘прижал руки к вытертым швам брюк’.

В результате такой конкретизации читатель воспринимает как прямое значение словосочетания, так и его фразеологическое значение: *держатъ руки по швам* значит ‘дрожать, трепетать перед кем-либо’ (ФСРЯ, 137). В эстонском языке возможны такие варианты фразеологического перевода, как *justkui valvelseisangus olema* ‘быть словно настороже’, *ennast mitte lõdvale laskma* ‘не давать себе расслабиться’, *<seesmist> distsipliini pidama* ‘соблюдать внутреннюю дисциплину’ со значением ‘kellegi ees (hirmust, aukartusest jne.) ranget (seesmist) distsipliini säilitama, enesele mitte midagi ülearust lubama’ (VVFEEV, 152; ‘сохранять перед кем-то (из страха, почтения и т. п.) строгую (внутреннюю) дисциплину, не позволять себе

ничего лишнего'). Если бы переводчики использовали один из этих аналогов, им бы не удалось сохранить индивидуально-авторскую модификация ФЕ (нет компонента, который можно было бы конкретизировать). Именно поэтому они использовали описательный перевод, тем более что смысл фразы (фразеологическое значение выражения оригинала) понятен при таком переводе и эстонскому читателю, так как значение модификации ФЕ, как и в примере 50, в достаточной степени мотивировано значениями ее компонентов и к тому же поддерживается контекстом.

Изменение компонентного состава, наряду с употреблением фразеологизма в необычной для него форме, также является одним из приемов авторской модификации оборотов (пример 51).

(51) *Да ведь ему только глазом мигнуть, он таким бы псом обзавелся, что ахнуть!* (Б-4, 153)
Ta pruugiks ju vaid korra silma pilgutada ja võiks saada endale niisuguse koera, et vaata ja imesta! (17) – ‘только раз мигнуть глазом’.

В этом примере автором модифицируется фразеологизм *не успел глазом моргнуть [мигнуть]* ‘(не успел) осознать, отреагировать и т. п. (так быстро, молниеносно произошло, случилось что-либо)’ (ФСРЯ, 254). В эстонском языке имеется его фразеологический *keegi ei jõudnud nohki ütelda* ‘не успел «ну» сказать’ (VVFEV, 332). Однако переводчик отказывается от подобного варианта. Возможно, отказ здесь происходит потому, что эта ФЕ не обладает семой ‘без усилий’, которая присутствует в индивидуально-авторской модификации фразеологизма.

Более явно несоответствия значений индивидуально-авторской модификации и имеющегося в языке перевода фразеологического аналога положенной в основу модификации ФЕ ИЯ, выражено в следующем примере (пример 52).

(52) – *Осетрину прислали второй свежести, – сообщил буфетчик.*
– *Голубчик, это вздор!*
– *Чего вздор?*
– *Вторая свежесть – вот что вздор! Свежесть бывает только одна – первая, она же и последняя. А если осетрина второй свежести, то это означает, что она тухлая!* (Б-3, 474)
„*Mulle saadeti teise värskuskategooria tuurakala,*” *teatas einelauapidaja.*
„*Armas inimene, see on jama!*”
“*Mis jama?*”
“*Teine värskuskategooria on jama! Värskuskategooria saab olla ainult üks, esimene ja viimane. Kui teil on teise värskuskategooria tuurakala, siis on ta lihtsalt roiskunud*” (254) – ‘второй категории свежести’.

В эстонском языке есть выражение *puhtus jätab soovida* (VVFEV, 323). Значение его ‘mitte just eriti puhas olema’ (‘быть не особенно чистым’). В целом это аналог

русского фразеологизма *не первой свежести* ‘бывший в употреблении, истрепанный, изношенный, нечистый’ (ФСРЯ, 411), содержащий одну из его сем (‘нечистый’). Но в данном контексте речь идет об осетрине, которая была не пригодна к употреблению, несвежая.оборот *не первой свежести* М. Булгаков подвергает структурному преобразованию, благодаря чему фразеологизм умело обыгрывается (*второй свежести; свежесть бывает только одна – первая, она же и последняя*). Для сохранения этой остроумной игры слов эстонский переводчик не может использовать имеющийся в его языке фразеологический аналог. Он не подходит к данному контексту ни по смыслу, который в нем содержится, ни с точки зрения его дальнейшего обыгрывания. Калькирование здесь очевидно необходимо. Оно оказывается весьма ценным орудием в руках переводчика, так как позволяет сохранить не только смысловое наполнение самой модификации фразеологизма, но и его обыгрывание.

Есть и другие причины, почему переводчик не использует имеющиеся в языке фразеологические аналоги. Пример 53.

(53) Они жили в доме *на старушечьих правах*, у них тоже были казенные постели с одеялами, на которых было написано «Ноги», облачены они были, как и старухи, в мышинный туалетенор, но благодаря молодости и силе они питались лучше воспитанниц (ИП, 55).

Nad elasid siin vanaeitede õiguses, neil olid samuti kroonuvoodid tekkidega, mis kandis märkust – „Jalad”, ja neil oli nagu vanaeitedelgi seljas hiirekarva tualdenoor, kuid tänu oma noorusele ja jõule said nad paremat toitu kui naiskasvandikud (51) – ‘на старушечьих правах’.

В этом примере использование выражения *на старушечьих правах* очень удачно. В русском языке имеется фразеологизм *на птичьих правах* ‘без законных оснований; не имея прочного положения, надежного обеспечения и т. п. (жить, существовать и т. п.)’ (ФСРЯ, 350). Авторы «Двенадцати стульев» умело воспользовались существованием этой ФЕ. Основное значение этого выражения здесь ‘на равных со старушками правах’ (в действительности же «молодые люди», о которых идет речь, имели массу привилегий). Но вспоминается и фразеологическое значение. Во-первых, «молодые люди» действительно жили в доме престарелых «без законных оснований», во-вторых, старушки не имели здесь «надежного обеспечения» благодаря стараниям «завхоза 2-го дома Старсобеса», который являлся «застенчивым ворюгой» (ИП, 49). В эстонском же языке есть такая ФЕ, как *nagu (kui) linnuke oksa peal (oksal) elama* ‘как птичка на ветке жить’ со значением ‘muretult elama’ (Õim 2000, 268; ‘беззаботно жить’). Как видим, значение этой ФЕ не идентично значению первоосновы рассматриваемой модификации русского фразеологизма. Переводчики

использовали перевод свободным словосочетанием. Возможно, в данном случае его применение является оптимальным решением. Сохраняется основное значение оборота. Правда, есть и существенные потери (нет уже дополнительных значений, вытекающих из значения ФЕ *на птичьих правах*). Некоторая компенсация все же присутствует благодаря окружающему контексту.

Еще один случай — это применение лексического перевода при возможном использовании фразеологического аналога. Пример 54.

(54) *Хотя, впрочем, его можно и без всяких револьверов обобрать как липочку...* (Б-1, 219)

Kuigi ausalt öeldes, tema puistamiseks ei ole küll mingeid revolvreid vaja... See on sihuke mees (190), где *puistamine* – ‘трушение, натруска’ (E-VS, 414).

В эстонском языке есть ФЕ *puupaljaks <jääma>* ‘оставаться голым как дерево’ со значением ‘täesti vaeseks, ilma igasuguse varanduseta <jääma>’ (Õim 2000, 383; ‘прототаться, обнищать, остаться без состояния’). Значение этого оборота не соответствует значению исконно русского оборота. *Обобрать как липку* (выражение связано с изготовлением липового лыка, из которого крестьянином в обиходе изготовлялись лапти, туеса, коробы и т. п.; лыко сдиралось с молоденьких липовых деревьев (СРФ:ИЭС, 340)) значит ‘отбирать, отнимать все дочиста у кого-либо, грабить’ (ФСРЯ, 289). Применение в данном контексте лексического перевода вполне оправдано.

Итак, анализ примеров, где переводчик сознательно отказывается от фразеологического аналога ПЯ, показал, что использование нефразеологического перевода (калькирования) порой дает нужные результаты. С его помощью возможно сохранение элемента умалчивания, который содержит намек на условия самого общения, момента словообразовательного изменения, дополнительных оттенков смысла и т. п.

В целом использование при переводе индивидуально-авторских модификаций русских ФЕ фразеологических средств (фразеологических эквивалентов и фразеологических аналогов) приводит к адекватному переводу. Как говорилось, авторская модификация исходного фразеологизма почти неизбежно затрагивает его семантическую сторону. Так, индивидуально-авторские модификации, образованные путем семантического переосмысления, сопровождаются такими семантическими и стилистическими инновациями, которые должны быть по возможности сохранены и в переводе. При наличии в ПЯ фразеологического эквивалента перевод осуществляется без особых затруднений. Возможным оказывается сохранение двух

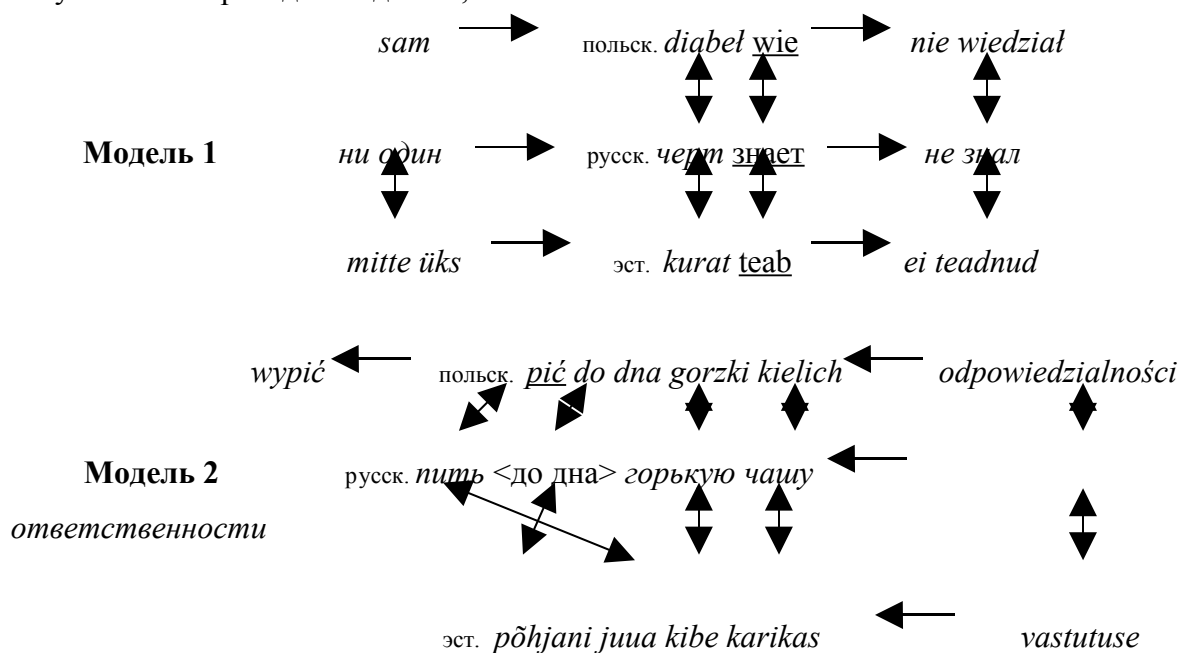
значений словосочетания — прямого (буквального) и фразеологического, с преобладанием одного из них в соответствии с замыслом автора, своеобразной игры значений фразеологизмов, приемов обыгрывания отдельных компонентов фразеологизма, а также модификаций, образованных сталкиваем семантически далеких фразеологизмов с общим лексическим компонентом. В целом такой способ перевода позволяет сохранить стилистический эффект подлинника, а в некоторых случаях и усилить его.

Использование же при переводе семантически преобразованных фразеологизмов фразеологических аналогов ПЯ не всегда дает нужные результаты. Например, фразеологический аналог может быть построен на иной по сравнению с оригиналом образной основе. Поэтому в некоторых случаях правомерно применение нефразеологического перевода, который позволяет сохранить стилистический эффект подлинника за счет имеющейся возможности передачи в переводе словообразовательного изменения или аналогичного обыгрывания определенного слова. В большинстве случаев это калькирование, применение которого вполне оправдано в случаях, когда значение модификации ФЕ в достаточной степени мотивировано значениями ее компонентов и поддерживается контекстом. Правда, при определенных условиях (в частности, при наличии в языке перевода фразеологических соответствий с общим лексическим компонентом) возможен и удачный перевод фразеологическим аналогом. В целом же случаи, сопровождающиеся определенными потерями при переводе семантически переосмысленных ФЕ с помощью фразеологических соответствий, единичны.

Однако при переводе с помощью фразеологических соответствий индивидуально-авторских модификаций ФЕ, образованных путем приемов структурно-семантического преобразования, наблюдается уже заметный процент существенных переводческих потерь — 13,6% (от общего числа рассматриваемых нами случаев перевода), а также 3 случая ошибочного перевода. В некоторых примерах потерь и даже ошибок при переводе можно было бы избежать, поскольку в большинстве случаев при наличии фразеологических эквивалентов возможность их модификации, а, следовательно, и передачи стилистического эффекта подлинника, все же сохраняется. Переводчику необходимо учитывать значения положенных в основу модификации фразеологизмов ИЯ. Использовать в переводе можно лишь те из них, которые обладают подходящим значением. Зачастую переводчик недооценивает авторскую модификацию и не использует аналогичное преобразование даже при наличии такой возможности в языке перевода.

Однако некоторые потери все же неизбежны. Довольно часто не удается адекватно передать значение оборотов, преобразованных при помощи приема сокращения их компонентного состава, различных контаминаций и словообразовательных модификаций. Решение переводчика может быть различным: использование фразеологического эквивалента или аналога (перевод посредством фразеологических аналогов, как и фразеологических эквивалентов, дает неплохие результаты, он позволяет сохранить образность, выразительность, эмоциональность и т. п. оригинального текста), чаще модифицированного, иногда даже нефразеологический перевод, в частности калькирование, при наличии в ПЯ фразеологических соответствий.

Отметим, что процессы, рассмотренные нами выше, можно моделировать. В качестве примера приведем две модели-схемы, которые отражают структурно-семантическое преобразование фразеологизма и его формальное сохранение либо отсутствие в переводе. Модели 1, 2.

Это схемы процессов преобразования фразеологизмов путем расширения их компонентного состава. Параллельно приводятся аналогичные схемы единиц перевода польского и эстонского языков. В целом видно, какие компоненты исходной индивидуально-авторской модификации русской ФЕ получили отражение при переводе и каким образом модифицируется сама единица перевода. Такие схемы помогают обобщить и наглядно продемонстрировать возможные преобразования русских ФЕ, а также способы их передачи на другой язык. При использовании таких моделей возможно и сопоставление переводческих приемов разных ПЯ. Кроме того,

они могли бы в некоторой степени облегчить восприятие вербальной характеристики приемов преобразования индивидуально-авторских модификаций фразеологизмов и примеров их перевода.

Глава 3. Перевод индивидуально-авторских модификаций русских ФЕ в условиях безэквивалентной фразеологии (в польском и/или эстонском языке)

В предыдущей главе мы рассмотрели случаи перевода индивидуально-авторских модификаций ФЕ при наличии в языках перевода фразеологического соответствия переводимой единицы. Однако в виду несовпадения элементов фразеологических фондов различных языков (русского — как языка оригинала, и языков перевода, которыми в нашем случае являются польский и эстонский) переводчик часто оказывается в условиях безэквивалентной фразеологии. Иными словами, в условиях, когда первооснова исходной индивидуально-авторской модификации фразеологизма не находит в языке перевода фразеологического соответствия, будь то полный или частичный фразеологический эквивалент или аналог. В этом случае он вынужден прибегнуть к нефразеологическому переводу (о типах такого перевода см.: 2.2. *Нефразеологический перевод*).

Способы нефразеологического перевода (лексический и описательный перевод, калькирование, контекстуальные замены) были применены в 57 случаях, что составляет примерно 31%. Небезынтересно, что количество случаев, когда первоосновы модификаций фразеологизмов не имеют фразеологического соответствия, распределяется в обоих ПЯ почти равномерно (в эстонском языке таких примеров немного больше, разница составляет 6 случаев). Рассмотрим результаты такого типа перевода.

С. Лексический и описательный перевод индивидуально-авторских модификаций русских ФЕ

Общее число случаев перевода индивидуально-авторских модификаций ФЕ, осуществленного лексически или описательно, — 32. Преимущественно это описательный перевод (нами обнаружено лишь 7 случаев лексического перевода). Посмотрим, каковы же результаты такого типа перевода применительно к переводу индивидуально-авторских модификаций русских ФЕ.

а. Перевод индивидуально-авторских модификаций русских ФЕ, образованных путем семантического переосмысления

В рассматриваемую группу вошло 12 случаев перевода. Прежде всего рассмотрим такие случаи семантического преобразования, когда ФЕ реализованы в условиях, при которых они воспринимаются в значении, отличном от привычного,

нормативного. Сразу заметим, что в таких условиях переводчики предпочитают использовать лексический перевод. Примеры 55, 56, 57.

(55) – *Что вы делаете? Зачем? – спросил он в сердцах* (Б-1, 193).
– *Co pani robi? Po co? – zawołał wzburzony* (223) – ‘возмущенный’.
“Mis te teete? Misjaoks?” küsis Turbin pahaselt (167) – ‘сердито’.

Значение фразеологизма *в сердцах* — ‘возмущаясь, негодуя, в порыве гнева, в состоянии раздражения (делать что-либо)’ (ССПРФ, 56). Этот фразеологизм обладает высокой степенью эмоциональности, экспрессивности. Как нам кажется, в значении фразеологизма содержится выражение отрицательных эмоций, но не столько в отношении самой ситуации, сколько по отношению к тому, кто является непосредственным ее инициатором. В данном контексте (Алексей Турбин обращается к женщине, спасшей ему жизнь, когда та «вошла, нагруженная охапкой дров, и с громом выронила их в углу у печки» (Б-1, 193)) это однозначно не могут быть отрицательные эмоции. Возможно, герой несколько раздражен обстоятельством своей вынужденной беспомощности (Турбин был ранен), но эту ситуацию создает именно его спасительница, к которой он испытывает чувство благодарности и симпатии. Здесь, на наш взгляд, имеет место изменение эмоционального значения фразеологизма, отсюда некоторая размытость смысла фразеологического оборота, что затрудняет подбор его лексического эквивалента и создает в условиях безэквивалентности в сфере фразеологий ПЯ определенные трудности. Рассмотрим переводы. Как уже отмечалось, эквивалента этого фразеологизма нет ни в польском, ни в эстонском языках. В обоих случаях используется лексический перевод: в польском переводе — *wzburzony* ‘возмущенный, взволнованный’, в эстонском — *pahaselt* ‘сердито’. Ясно, что польские переводчики попытались в переводе сохранить экспрессивность и эмоциональность русского фразеологизма. Эстонские — несколько «сгладить» отрицательные коннотации. Они не используют, например, сложное образное слово *südametäiega* ‘с полнотой сердца’ (E-VFK, 110), которое можно рассматривать как однословный фразеологизм со значением ‘*vihaga, vihaselt, täis viha*’ (‘гневно, рассерженно, преисполненный злобой’), так как этот оборот обладает высокой степенью экспрессивности и эмоциональности, но выражает как раз отрицательные эмоции. Такие переводы могут быть признаны вполне адекватными.

(56) *Но не ненавистью в упор, когда ненавидящий хочет идти драться и убивать, а ненавистью трусливой, шипящей, из-за угла, из темноты* (Б-1, 59)

Aga see ei olnud avalik otsene vihkamine, mis viib vihkaja käsitsi kallale ja tapma, see oli arg sisisev vihkamine nurga tagant, pimedast (44) – ‘открытая, прямая’.

Пример 56. Об этой модификации ФЕ М. Булгакова уже шла речь в связи с ее переводом на польский язык посредством фразеологического аналога (пример 33, с. 56). Мы говорили об утрате польским переводом той степени экспрессивности, которая присуща рассматриваемой индивидуально-авторской модификации русского фразеологизма. В этом отношении эстонский лексический перевод аналогичен польскому.

*(57) Коротков на ходу вырвался из трамвая, повернулся по оси, упал, ушиб колено, поднял кепку и под носом автомобиля поспешил в вестибюль (Б-2, 19).
Kortkow wyskoczył w biegu z tramwaju, zakręcił się w kółko, upadł, stukł kolano, podniósł czapkę i tuż przed maską samochodu przebiegł do westybulu (73) – ‘перед капотом автомобиля’.*

В примере 57 в русском тексте встречается фразеологизм *под носом*, т. е. ‘в непосредственной близости от кого-либо, рядом с кем-либо’ (ФСРЯ, 287). Однако нормативной считается его сочетаемость с одушевленными существительными (*у кого*), здесь же — *под носом (чего) автомобиля*. Значение фразеологизма в целом не меняется, однако ощутима образность и выразительность текста. Передача же этого фразеологизма на польский язык осуществляется посредством словосочетания *przed maską samochodu*, где *maska* – ‘капот’ (WSP-R, 406). Такой перевод можно считать вполне адекватным, поскольку выражение *maska samochodu* является в польском языке устойчивым словосочетанием и обладает фразеологичностью. Общее его значение соответствует оригиналу. Использование этого оборота не сопровождается потерей выразительности подлинника, т. е. того, чего добился М. Булгаков, используя индивидуально-авторскую модификацию ФЕ.

Интересны примеры сталкивания в одном контексте свободного и фразеологического значения словосочетания. В наших случаях доминирующим является прямое значение сочетания слов (примеры 59, 60, 61, 62). Сохранить в переводе их фразеологическое значение — задача не из легких. Посредством описательного перевода нашим переводчикам с ней справиться не удастся.

*(58) Высадившись у Красных ворот, он нашел по записанному Остапом адресу нужный дом и принялся ходить вокруг да около (ИП, 188).
Hipolit Matwiejewicz wysiadł przy Czerwonej Bramie, według zapisanego przez Ostapa adresu odnalazł właściwy dom i zaczął krążyć dookoła niego (190) – ‘начал кружить вокруг него’.*

Ta tuli bussilt maha Punaste Väravate juures, leidis Ostapi poolt kirjutatud aadressi järgi vajaliku maja ja hakkas selle ümber ringi käima (153) – ‘стал ходить вокруг него’.

Это как раз тот случай, когда фразеологизм употреблен как свободное сочетание слов (пример 58). При этом фразеологическое значение не используется, но вспоминается — ‘говорить обиняками, не касаясь сути дела’ (ФСРЯ, 509). Мы помним, что герой И. Ильфа и Е. Петрова Ипполит Матвеевич не знал, как же ему подойти к порученному делу, он «долго стоял против подъезда, подходил к нему, затвердил наизусть рукописное объявление с угрозами по адресу нерадивых жильцов» и т. д. (ИП, 189). Фразеологического эквивалента этого фразеологизма нет ни в польском, ни в эстонском языках. Переводчики (в обоих вариантах перевода) используют нефразеологический перевод. При этом сохраняется лишь возможность воспринимать это словосочетание как свободное. Приобретенный в тексте оригинала оттенок значения в переводе утрачивается. Скорее всего здесь мы имеем дело со случаем практической эквивалентности модификации ИЯ и ее соответствия.

(59) *Римский как стоял, так и сел в кресло, потому что ноги его подогнулись* (Б-3, 421).

Rimski vajus tugitooli, sest jalad ei kandnud teda enam (192) – ‘ноги не держали больше’.

(60) *Они жили в доме на старушечьих правах, у них тоже были казенные постели с одеялами, на которых было написано «Ноги», облачены они были, как и старухи, в мышинный туалетенор, но благодаря молодости и силе они питались лучше воспитанниц* (ИП, 55).

Mieszkali tu na tych samych prawach co staruszki, sypiali na pryczach, przykrywali się kocami z napisem „Nogi”, tak samo jak staruszki odziani byli w drelichy koloru mysiego, ale dzięki młodości i sile odżywiali się lepiej niż pensjonariuszki (58) – ‘на тех же правах, что старушки’.

(61) *Та подошла, не чувствуя пола под босыми ногами* (Б-3, 524).

Podeszła, nie wyczuwając bosymi stopami posadzki – ‘босыми ногами не чувствуя паркета’.

Margarita astus voodi ette, ilma et oleks tundnud põrandat paljaste jalgade all (314) – ‘не чувствуя пола под босыми ногами’.

Примеры 59, 60, 61 аналогичны примеру 58. Здесь также первостепенным является буквальное значение словосочетаний с тем, что фразеологическое значение сопутствует ему. Это значения таких русских ФЕ, как *ноги подкосились*, *на птичьих правах*, *не чувствовать ног под собой*. Фразеологических соответствий в языках перевода они не имеют, а потому передаются свободным сочетанием слов. Такой перевод позволяет сохранить лишь общее смысловое

содержание отрывка. Хотя некоторая компенсация здесь все-таки может присутствовать благодаря метафоричности высказывания (как в примере 61). Тем не менее данный перевод, как и приведенные выше, далеко не полностью доносит до читателя семантические и стилистические краски оригинала.

Таким образом, анализ фактического материала показал, что использование лексического и описательного перевода для передачи на другой язык семантически преобразованных ФЕ оправдывает себя лишь в случаях, когда есть условия для полного выражения смысловой емкости и многогранности переводимой единицы. Наш материал обнаруживает такие условия лишь при переводе на эстонский язык — это использование образных сложных слов. Нередко же переводчик вынужденно использует лексический или описательный перевод, так как в ПЯ нет фразеологического соответствия первоосновы переводимой им единицы. Поэтому единственно возможным способом перевода оказывается описательный, передающий смысловое содержание отрывка, но сопряженный с утратой стилистического эффекта семантической двуплановости.

в. Перевод индивидуально-авторских модификаций ФЕ, образованных посредством структурно-семантических приемов преобразования

Лексический или описательный перевод индивидуально-авторских модификаций русских ФЕ, образованных на основе приемов структурно-семантического преобразования, использовался в 20 случаях.

Одним из наиболее распространенных способов модификации является расширение компонентного состава ФЕ. Это способ увеличения выразительных возможностей фразеологизма, реализации авторских намерений. Наличие в этой группе 6 единиц лишней раз подтверждает высказывание исследователей о широкой распространенности этого типа модификации ФЕ. Результаты их перевода могут быть различны. Прежде всего приведем примеры, когда описательный или лексический перевод ФЕ с расширенным компонентным составом вполне возможен. Примеры 62, 63, 64, 65.

(62) *Карась вытл пять рюмок и пришел в очень хорошее расположение духа* (Б-1, 221).

Korgi jõi viis pitsi ja tema tuju läks väga heaks (192) – ‘настроение стало очень хорошим’.

(63) – *Угу, – ответил Турбин, поднял воротник пальто, скрылся в нем и до самого дома не произнес более ни одного звука* (Б-1, 260).

„Mhnh,” vastas Turbin, tõstis palitukrae üles, puges selle sisse ega öelnud kuni koduni enam mitte üht sõna (228) – ‘ни одного слова’.

(64) *Kot, plativišii konduktorše, črezvyšajno razveselil gostja, i on давился от тихого смеха, глядя, как взволнованный успехом своего повествования Иван тихо прыгал на корточках, изображая кота с гривенником возле усов* (Б-3, 401).

Kass, kes tahtis konduktorile maksta, tegi külalisele pööraselt nalja ja ta pugises tasakesi naera, vaadates, kuidas oma jutustuse edust elevil Ivan tasakesi kükakil ringi hüppab, aimates järele kümnekopikalisega vurre hõõruvat kassi (168) – ‘посмеивался втихомолку’.

(65) *Надежда ни на одну минуту не покидала его* (ИП, 326).

Ta ei kaotanud hetkeski lootust (257) – ‘ни на миг’.

Эти примеры, как нам кажется, являются доказательством еще одного положения, которое мы встречаем в исследованиях по переводу фразеологизмов. Так, например, Э. Вайгла пишет о том, что лексический перевод считают одним из наименее удобных способов перевода при передаче образных ФЕ. Но замечает она и другой факт: не все фразеологизмы обладают этим свойством. Именно в таких случаях перевод свободным словосочетанием вполне возможен (Вайгла 1977). Мы же о правильности этого утверждения можем говорить в отношении индивидуально-авторских модификаций фразеологизмов.

Однако не все случаи перевода (как лексического, так и описательного) индивидуально-авторских модификаций ФЕ, образованных путем расширения их компонентного состава, можно считать адекватными. Встречается все же перевод, который характеризуется существенными потерями. Примеры 66, 67.

(66) *Поймите, что здесь, в Городе, он набрал бы пятидесятитысячную армию, и какую армию! Отборную, лучшую, потому что все юнкера, все студенты, гимназисты, офицеры, а их тысячи в Городе, все пошли бы с дороною душой* (Б-1, 47).

Zrozumiecie, tu, w samym tylko Mieście, zebrałby pięćdziesięcotysięczną armię, i to jaką armię! Doborową, niezrównaną, bo każdy junkier, każdy student, licealista, oficer, a są ich w Mieście tysiące, każdy by poszedł z radością (45) – ‘с радостью’.

Фразеологизм *с душой* ‘с увлечением, подъемом (делать что-либо)’ (ФСРЯ, 152) дополнен лексемой *дороною* — *с дороною душой*. На наш взгляд, такое преобразование ведет к осязаемому усилению качественной экспрессивности исходной ФЕ: с большим подъемом. Польскими переводчиками применен лексический перевод — *z radością* ‘с радостью’ (ср. с русск. *с радостью* ‘очень охотно, с полной готовностью’ (ТСРЯ, 629)). В целом эта лексема передает смысл индивидуально-авторской модификации русской ФЕ. К тому же польская лексема

обладает высокой степенью экспрессивности, а потому такая замена вполне допустима.

Или же (пример 67):

(67) *За двадцать лет своей деятельности в театрах Варенуха видал всякие виды, но тут он почувствовал, что ум его застилается как бы пеленою, и он ничего не сумел произнести, кроме житейской и притом совершенно нелепой фразы:*

– *Этого не может быть!* (Б-3, 373)

W ciągu dwudziestu lat swojej pracy w teatrach Warionucha widywał już różne rzeczy, ale tym razem poczuł, że jego umysł ulega jakiemuś zaćmieniu, i nie był w stanie wydobyć z siebie niczego poza trzeźwym, a jednocześnie całkowicie pozbawionym sensu zdaniem:

– *To jest niemożliwe!* – ‘видывал разные вещи’.

Varenuhha oli teatris töötanud juba kakskümmend aastat ning näinud seal nii mõndagi, nüüd aga undis ta, et mõistus kipub üles ütlema, ja tal ei tulnud pähe mitte midagi muud peale kõige tavalisema ja täiesti mõttetu fraasi:

„*See ei ole võimalik!*“ – ‘видел кое-что’ (134)

Компонентный состав ФЕ *видать виды* ‘многое испытать в жизни’ (ФСРЯ, 66) расширяется введением нового лексического компонента *всякие* (определяющее местоимение). За счет этого происходит усиление количественной экспрессии — *всякий* ‘каждый, какой угодно из всех, любой’ (ТСРЯ, 103). С использованием нефразеологического перевода (и в польском, и в эстонском переводах) степень экспрессивности ослабевает.

Встретились нам и случаи замены одного из компонентов ФЕ (примеры 68, 69, 70):

(68) – *И вот, во избежание каких-нибудь сюрпризов, – продолжал прокуратор, – я прошу вас немедленно и без всякого шума убрать с лица земли тела всех трех казненных и похоронить их в тайне и в тишине, так, чтобы о них больше не было ни слуху ни духу* (Б-3, 576–577).

– *Zatem, aby ustrzec się jakichś niespodzianek – ciągnął procurator – bardzo proszę, aby jak najprędzej i nie nadając sprawie rozgłosu uprzątnać ciała wszystkich trzech skazańców i pogrzebać je potajemnie, cichaczem, tak żeby nikt już o nich nigdy nie usłyszał* – ‘убрать’.

„*Ja selleks, et vältida igasuguseid üllatusi,*” jätkas prokuraator, „*palun teid otsekohe ja ilma kärata kõigi kolme hukatu kehad maa pealt ära kaotada – matta need salaja ja vaikselt maha, nii et neis jälgegi järele ei jääks*” (376) – ‘уничтожить, убрать с земли’.

(69) *Такие штуки может отколоть любой профессионал-гипнотизер средней силы, в том числе и нехитрый фокус с оторванием головы у конференсье* (Б-3, 660–661).

Niisuguste viguritega saab igal laval hakkama iga keskpärane professionaalne hüpnootiseerija, nagu ka konferansjeel pes otsast rebimise lihtlabase trikiga (476) – ‘с такими фокусами справится’.

Перевод таких модификаций лексическими средствами сопровождается существенными потерями и, в первую очередь, потерей образности. Переводчики сохраняют лишь смысловые стороны отрывков, но приносят в жертву их стилистическую выразительность.

Все же лексический перевод может привести и к очень хорошим результатам. Правда, такое высказывание в данном случае (пример 70) относится только лишь к переводу на эстонский язык, поскольку такой особенностью (благодаря возможностям словообразования эстонского языка), а именно — переводом посредством образного сложного слова, обладает лишь этот ПЯ. «Эстонские переводчики нередко строят описательный перевод с участием образных, экспрессивных, стилистически окрашенных слов, что позволяет сохранить образность и стилистическую окраску исходного текста; в определенной степени это восполняет также утрату фразеологичности», — так пишет Э. Вайгла в своей статье, объектом внимания которой является перевод русской фразеологии на эстонский язык (Вайгла 1977, 160). Опять же здесь возможным оказывается применение данного высказывания к переводу на эстонский язык индивидуально-авторских модификаций фразеологизмов. О таком переводе, кстати, шла речь выше в связи с передачей на другой язык семантически преобразованных ФЕ (с. 79).

(70) <...> *открылся знаменитый театр "Лиловый негр" и величественный, до белого утра гремящий тарелками, клуб "Праха" ((поэты – режиссеры – артисты – художники) на Николаевской улице (Б-1, 57–58).*

<...> *avati kuulus teater "Lilla Neeger" ja suursugune, kuni varavalgeni taldrikuid mürtsutav, klubi "Põrm" (poeetid, režissöörid, näitlejad, kunstnikud) Nikolai tänavas (43) – 'до раннего света'.*

Мы помним (об этой модификации относительно ее перевода на польский язык речь шла на с. 47, пример 17), что это случай изменения компонентного состава фразеологизма с сохранением его значения. В составе фразеологизма *до белого света* 'до рассвета, до самого утра' (ФСРЛЯ, II, 221) М. Булгаков заменяет один из компонентов, при этом значение фразеологизма не изменяется. Перевод такой ФЕ на польский язык не затруднил работу польского переводчика, поскольку в ПЯ имелся фразеологический эквивалент. Контекст, речевая ситуация и ресурсы эстонского языка позволяют использовать здесь перевод образным сложным словом *varavalge* 'varahommik, esimene valgus' (EKS, 882; 'раннее утро, рассвет'). Перевод такой единицей позволяет сохранить образность и стилистическую окраску переводимой модификации. Иными словами, имея в своем распоряжении образные сложные слова, переводчик решает задачу передачи индивидуально-авторской модификации фразеологизма вполне успешно. Он воссоздает в своем тексте не только смысловое содержание, но и стилистические краски оригинала.

Достижимой оказывается адекватная передача индивидуально-авторской модификации ФЕ, образованной за счет употребления фразеологизма в необычной форме. Пример 71.

(71) *Мышлаевский внезапно зевнул и кдюнул носом* (Б-1, 31).
A-a-a! – Myszłajewski ziewnął nagle, głowa mu opadła (25) – ‘голова его свесилась’.

В польском языке фразеологический эквивалент или аналог отсутствуют, переводчику остается лишь одно — использовать нефразеологический перевод. Следовательно, перевод осуществляется посредством нефразеологических средств, а именно: описательно — *głowa mu opadła* ‘голова его свесилась’. Вспомним, что глагольный фразеологизм *клевать носом* употреблен здесь в форме СВ прош. вр. (*кдюнуть носом*) и в такой форме имеет значение конкретно-фактического действия (с. 67, пример 48). Обратим внимание, что при переводе на польский язык значение конкретно-фактического действия сохранено. Так же, как и эстонский перевод, осуществленный калькированием, этот вариант весьма удачен, так как и здесь герой не сопротивляется и сразу погружается в объятия Морфея.

Труднее в случаях употребления деминутивных форм одного их компонентов фразеологизма. Пример 72.

(72) – *Сию минуточку, товарищ гроссмейстер! – крикнул одноглазый. – Присядьте, пожалуйста. Я сейчас* (ИП, 271).
Momencik, towarzyszu archymistrzu! – zawolał. – Chwileczkę. Zaraz wróćę (274) – ‘моментик, минуточку’.
„Üks silmapilk, seltsimees suurmeister!“ hüüdis ühesilmaline. „Palun võtke istet. Ma tulen kohe“ (216) – ‘один момент’.

В своем общем виде фразеологизм русского языка *сию минуту* означает ‘немедленно, сейчас же’ (ФСРЯ, 249). Значение это не меняется и при образовании на его основе индивидуально-авторской модификации. И все же у значения модификации появляется дополнительный оттенок. «Одноглазый» явно заискивает перед лжегроссмейстером, роль которого взял на себя Остап Бендер. Передать этот оттенок смогли польские переводчики: они сохранили деминутивную форму (к тому же и смогли усилить нужное впечатление за счет «расширенного перевода»: *momencik, chwileczkę* ‘моментик, минуточку’). В эстонском языке со всеми вытекающими из этого последствиями деминутив сохранить не удастся (о передаче таких форм на эстонский язык говорилось и выше, см.: с. 51–52).

Не сохраняется при переводе на эстонский язык и эллипсис ФЕ (пример 73). Об этом мы также говорили на с. 51.

(73) «Бонжур» указывало на то, что Ипполит Матвеевич проснулся в добром расположении (ИП, 8).

„Bonjour“ viitas sellele, et Ippolit Matvejevitš ärkas heas tujus (16) – ‘в хорошем настроении’.

Чаще применяется не один прием преобразования, а сочетание двух или более приемов. Эффект такой модификации является наиболее ярким. Перевод же требует осторожности:

(74) – Дело вот в чем, – начал Иван, чувствуя, что настал его час, – меня в сумасшедшие вырядили, никто не желает меня слушать!.. (Б-3, 355–356).

– Chodzi o to – zaczął Iwan czując, że wybiła jego godzina – że zrobili ze mnie wariata i nikt nie chce słuchać tego, co mówię!... – ‘сделали дурака’.

„Asi on selles,“ alustas Ivan, tundes äkki, et tema tund on tulnud, „et mulle tõmmati hullusärk selga ja keegi ei taha mind ära kulata!...“ (112) – ‘одели в смирительную рубашку’.

Скорее всего здесь модифицируется оборот *рядиться в тогу* ‘пытаться выдать себя за кого-либо, не имея на то достаточных оснований’ (ФСРЯ, 404). А Ивана Бездомного в сумасшедшие именно «вырядили». Сам герой себя умалишенным не считает, да и оснований так думать (по крайней мере, у читателя) нет. В польском переводе ситуация представлена описательно, однако при этом возникает неожиданный эффект: на наш взгляд, выражение *zrobić z kogoś wariata* может восприниматься не только как свободное словосочетание (а в данном случае должно восприниматься именно так), но и как ФЕ, обладающая значением ‘насмехаться над кем-либо; одурачить кого-либо’ (SFJP, I, 507). Но если герой и был одурачен кем-то, то точно не теми, кто считает его сумасшедшим. В эстонском переводе, как и в оригинале, Иван — герой, над которым производят действие, а *тога* заменяется *смирительной рубашкой*. Такой ФЕ нет в эстонском языке. Правда, переводчик выбирает глагол *tõmbata* ‘натягивать’ с пометой *разг.*, чтобы компенсировать это отсутствие. Но все же читатель волен воспринимать это словосочетание как свободное, из чего следует, что Иван ко всему еще и буйный сумасшедший.

Таким образом, в ходе анализа случаев лексического и описательного перевода индивидуально-авторских модификаций русских фразеологизмов, образованных в результате структурно-семантических преобразований, было установлено, что в случаях, когда в основе модификации лежит ФЕ, не обладающая яркой

образностью, красочностью, когда она стилистически неярко окрашена, перевод свободным словосочетанием вполне возможен. К сожалению, не трудно привести и примеры лишь частично адекватного перевода. Часть значения, а главное эффект, сопровождающий использование индивидуально-авторской модификации ФЕ, в переводе зачастую оказывается не сохраненным. Кроме того, возможна утрата переводом степени экспрессивности переводимой единицы. В более выгодном положении находится эстонский переводчик. Имея в своем распоряжении образные сложные слова, он решает задачу передачи индивидуально-авторской модификации фразеологизма вполне успешно, так как воссоздает в своем тексте не только смысловое содержание, но и стилистические краски оригинала.

D. Калькирование при переводе индивидуально-авторских модификаций русских ФЕ

Используется при передаче индивидуально-авторских модификаций ФЕ на другой язык и калькирование. Нам встретилось 19 случаев такого типа перевода. Интересно, что наш материал не обнаруживает случаев калькирования при переводе индивидуально-авторских модификаций русских ФЕ, образованных путем семантического переосмысления. Однако, по свидетельству Н. Л. Шадрина, калькирование, сохраняющее образность оригинала, но не передающее его идиоматичности, при переводе семантически преобразованных ФЕ приводит к одноплановому восприятию словосочетания в качестве свободного (Шадрин 1991). Возможно, поэтому переводчики стараются его избегать. Но это лишь наше предположение.

Количество единиц, указанное выше, относится лишь к переводу индивидуально-авторских модификаций ФЕ, образованных посредством структурно-семантических приемов преобразования. Здесь можно выделить единицы, образованные в результате замены одного из компонентов ФЕ, словообразовательных изменений, более сложных преобразований и т. д. Относительно перевода с помощью калькирования единиц общего фразеологического фонда наиболее распространенным является мнение о том, что это «самый «каверзный» способ, таящий в себе много опасностей» (Вайгла 1977, 157). Насколько это утверждение верно в отношении рассматриваемых нами единиц покажет анализ соответствующего материала.

Прежде всего рассмотрим случаи замены компонентов фразеологизма.
Примеры 75, 76.

(75) – *Господи Исусе, – подумал нес, – вот так фрукт!*
На голове у фрукта росли совершенно зеленые волосы, а на затылке они отливали в ржавый табачный цвет, морщины расплзались на лице у фрукта, но цвет лица был розовый, как у младенца (Б-4, 148–149).
„Taevane arm,“ mõtles peni, „on see alles imetegu!“ – ‘ну и чудо!’
Imeteol kasvasid peas täiesti rohelised juuksed, mis kukla poole kiskusid roostevärjundiga tubakapruuniks, imeteo nägu oli kortse täis, kuid jume roosa just nagu imekul (14).

Пример 75. В русском языке для выражения эмоции удивления имеется фразеологизм *Вот так раз!* Булгаков использует замену компонента, при этом новый компонент ФЕ вычленяется, начинает жить своей жизнью, появляется возможность его обыгрывания. В эстонском переводе используется несвободная (фразеологизированная) конструкция (*Küll see on ikka (alles)...* (ср., например: *See on alles tegelane!*), что делает возможным сохранение экспрессивности исходного оборота. Причем замена *фрукт* → *imetegu* ‘чудо’ не мешает обыгрыванию этого компонента, и в переводе находим *imeteol* ‘у чуда’. К тому же в слове *imetegu* ‘чудо’ уже содержится сема ‘удивление’. Перевод весьма удачен.

(76) *А святой отец? – мысленно ехидствовал он. – Дурак дураком остался. Не видать ему стульев, как своей бороды (ИП, 88–89).*
„A światobliwy ojczulek? – drwił w myślach. – Głupiec zawsze zostanie głupcem. Tak zobaczy krzesła, jak własne uszy“ (91) – ‘увидит как собственные уши’

В примере 76 речь, как мы помним, идет об отце Федоре, который, отправляясь на поиски бриллиантов мадам Петуховой, сбрил бороду, чтобы его не узнали. Иными словами, для создания комического эффекта авторы приспособливают ФЕ *не видать (не видеть) как своих ушей* ‘совсем, никогда не получить кого-либо или чего-либо, не завладеть и т. п. кем-либо или чем-либо’ (ФСРЯ, 66) к конкретным событиям. О переводе данной модификации на эстонский язык мы уже говорили (см: с. 48, пример 19), отмечая некоторые потери. Рассмотрим теперь перевод на польский язык. В польском языке нет ФЕ *zobaczyć jak własne uszy*. Переводчик использует кальку с русского фразеологизма, послужившего первоосновой рассматриваемой модификации, поскольку контекст в целом позволяет читателю воспринять эту единицу в подходящем значении. Однако, возможно, в данном случае уместно было бы использовать аналог *zobaczyć jak tył głowy* ‘увидеть как затылок’. Этот оборот не зафиксирован в таких лексикографических изданиях, как “Mały słownik języka polskiego” (MSJP, 1995) и “Słownik

frazeologiczny języka polskiego” (pod red. St. Skorupki, tt. I – II. — Warszawa, 2002), но, по словам носителя польского языка, используется в речи. При таком переводе у польского читателя точно не возникло бы трудностей с интерпретацией. Правда, ни в первом, ни во втором случае структурное обновление фразеологизма сохранить не удастся.

В то же время нередки случаи, когда калькирование приводит к буквализму в худшем значении этого слова. Рассмотрим примеры 77, 78.

Одним из наименее распространенных приемов преобразования является контаминация фразеологизмов. Это такое соединение фразеологизмов, которое приводит к образованию новой, окказиональной ФЕ (возможно, пример 77).

(77) *He bądźcie boższej krowojej* (ИП, 77);

Nie bądź pan bożą krowką – ‘не будьте божьей коровкой’ (80);

Arge olge lepatriinu! – ‘не будьте божьей коровкой’ (68).

Здесь в объяснении способа индивидуально-авторской модификации возможно, впрочем, два варианта. Первое предположение заключается в том, что мы имеем дело с контаминацией семантически близких фразеологизмов: *божья коровка* ‘тихий, безобидный, не умеющий постоять за себя человек’ и *дойная корова* ‘источник материальных благ, которым можно постоянно и беззастенчиво пользоваться в личных интересах’ (ФСРЯ, 208). Однако, что интересно: лексема *коровка* может не только входить в состав словосочетания *божья коровка*, но также может быть производной от слова *корова* – уменьш.-ласк. к сущ. *корова*: (1) *корова* + суффикс -к(а) = *коровка*. Исходя из этого, можно предположить также, что авторы применяют словообразовательное изменение оборота ИЯ *божья коровка* по обратной формуле: (2) *коровка* – суффикс -к (а) = *корова*, которое приводит к словесной игре, дающей определенный стилистический эффект (именно такого мнения придерживается, например, Э. Вайгла, см.: Вайгла 1977, 167). ФЕ обладает высокой степенью эмоциональности, выражает отрицательную оценку — неодобрительную, пренебрежительную. Слово же *коровка*, напротив, выражает ласковое отношение. Используя, таким образом, обратную формулу, авторы усиливают выражение неодобрительности. Пожалуй, нет необходимости в установлении «истины», поскольку в любом случае переводчик оказывается в условиях безэквивалентной фразеологии. Рассмотрим последовательно оба варианта перевода.

В польском варианте находим перевод устойчивым словосочетанием *boża krowka* ‘biedronka’ (SFJP, I, 360; ‘божья коровка’). Переносного значения это

выражение в языке перевода не имеет. В итоге для польского читателя высказывание утратило смысл, и он вряд ли поймет, в чем Остап убеждает Ипполита Матвеевича. Что касается эстонского перевода, то не совсем понятно, почему переводчик выбирает дословный перевод: ведь, во-первых, аналогичным русской ФЕ *божья коровка* значением обладает другой эстонский оборот — *jumala lammas* ‘божья овца’, а, во-вторых, эстонское слово *lepatriinu* вообще не имеет переносного значения. Правда, если говорить о контаминации фразеологизмов, то, хотя в эстонском языке слово *lipsilehm* ‘дойная корова’ и обладает переносным значением, использование модификации все же невозможно. Смысл такой контаминации не будет понятен эстонскому читателю. Если же мы имеем в виду словообразовательную модификацию, то понятно, что такая модификация, к сожалению, тоже оказывается неосуществимой. Причина тому — отсутствие деминутивной формы компонента *lammas* в составе фразеологического аналога *jumala lammas* ‘божья овца’. Тогда, казалось бы, действия переводчика оправданы, несмотря на утрату словесной игры подлинника. Но мы помним, что переносного значения слово *lepatriinu* нет, а потому буквальный перевод оказывается бессмысленным. Все высказывание утрачивает для читателя смысл. На наш взгляд, меньшие потери произошли бы в случае передачи исходной модификации фразеологическим аналогом *jumala lammas* ‘божья овца’ (‘inimene, kes oma tagasihoidlikkuse pärast ei oska enese eest väljas olla’ (VVFEV, 30–31); ‘человек, который из-за своей скромности не умеет за себя постоять’) при условии компенсации утраты словесной игры в других отрезках текста, где это представляется возможным (на возможность такой компенсации указывает в своей статье Э. Вайгла (Вайгла 1977, 168)).

Авторы могут использовать и прием нарочитого фонетического искажения фразеологизмов. Передача таких модификаций ФЕ — весьма трудный случай. Пример 78.

(78) – *Ближе к телу, как говорит Мопассан»* (ИП, 81);
– *Ihule lähemale, nagu ütles Maupassant* – ‘ближе к телу’ (71).

Здесь узнаваем фразеологизм *ближе к делу* ‘не отвлекайтесь, говорите по существу, без излишних подробностей, короче’ (ФСРЯ, 135). Модификация подчеркивает остроумие Остапа Бендера: такая манера речи ему свойственна. Эстонский переводчик использовал дословный перевод. Словесная (фонетическая) игра оказывается утраченной. Компенсироваться такая утрата

может только в каких-то других отрезках текста. Своеобразие исходного текста, манера речи Остапа не отражаются в переводе. Более того (и прежде всего) — сама калька оказывается непонятной эстонскому читателю.

Калькирование может дать и весьма приемлемые переводы. Примеры 79, 80. Индивидуально-авторская модификация может быть образована на базе ФЕ с использованием их образной основы (с частичным сохранением или без сохранения узуальных компонентов). Сохранившийся образ воскрешает в сознании читателя значение исходной фразеологической формулы.

(79) *Его толкало вверх сердце, поднимавшееся к самому горлу, и особенный, известный только одним трусам зуд в пятках* (ИП, 310).
Teda tõukasid tagant kurku tõusnud süda ja eriline, ainult argpükstele tuntud judin päkkades (245) – ‘только трусам известная дрожь в пятках’.

(80) *В эту же минуту дверь спела визгливо, и Кальсонер вернулся в своей бороде. – Кальсонер уже удрал? – тоненько и ласково спросил он у Короткова. Свет кругом потух. – А-а-а-а... – взвыл, не вытерпев пытки, Коротков и, не помня себя, подскочил к Кальсонеру, оскалив зубы* (Б-2, 29).
W tej chwili drzwi zaśpiewały piskliwie i Kalesoner wrócił w swojej brodatej postaci. – Kalesoner już uciekł? – cieniutko i serdecznie spytał Korotkowa. Światło dnia zgasło. – А-а-а-а... – zawył Korotkow nie wytrzymałszy tortury i nie panując nad sobą skoczył na Kalesonera z wyszczerzonymi zębami (84) – ‘свет дня потух’.

Чаще применяется не один прием преобразования, а сочетание двух или более приемов. Особенность данного стилистического средства состоит в том, что оно допускает одновременно употребление двух, трех и даже большего числа простых приемов в самых разных комбинациях и сочетаниях. Приведем несколько примеров, которые иллюстрируют возможные результаты перевода такого рода модификаций. Примеры 81, 82, 83.

(81) – *Но, – продолжал иноземец, не смущаясь изумлением Берлиоза и обращаясь к поэту, – отправить его в Соловки невозможно по той причине, что он уже с лишком сто лет пребывает в местах значительно более отдаленных, чем Соловки, и извлечь его оттуда никоим образом нельзя, уверяю вас!* (Б-3, 279)
– Ale – mówił dalej cudzoziemiec do poety, nie speszony zdumieniem Berlioza – zesłanie go na Solowki jest niemożliwe z tej przyczyny, że Kant już od stu z górą lat przebywa w miejscowościach znacznie bardziej odległych niż Solowki i wydobyć go stamtąd jest zupełnie niemożliwe, zapewniam pana. (M. Bułhakow. Mistrz i Małgorzata.) – ‘в местах значительно более отдаленных, чем Соловки’.

Сознание русского читателя быстро восстановит основу модификации, ФЕ *места не столь отдаленные*. В польском языке нет подобной ФЕ. Переводчики используют калькирование. Благодаря тому, что состав ФЕ общего фонда русского языка расширен компонентом Соловки (а эта реалья, без всякого

сомнения, известна польскому читателю), калькирование дает хорошие результаты. Смысл фразы остается понятен читателю.

(82) – *Вот, Александр Николаевич, – негромко сказал кто-то в опрятной бородке и подал главному кругом исписанный Иванов лист.*
«Целое дело сшили!» – подумал Иван (Б-3, 355);
– *Proszę, Aleksandrze Nikolajewiczu – cicho powiedział jakiś człowiek ze schludną bródką i podał Strawińskiemu zapisany po brzegi arkusz Iwana.*
“Wysmażyli całą rozprawę” – pomyślał Iwan – ‘состряпали целое дело’;
„Palun, Aleksander Nikolajevitš,“ ütles poolihääli keegihoolitsetud habemega mees ja ulatas kõige tähtsamale Ivani üleni täiskirjutatud lehe.
„Juba on toimik valmis,“ mõtles Ivan – ‘уже и дело готово’ (111).

Пример 82. Здесь узнаваем фразеологизм *пришить дело*, т. е. ‘ложно обвинять кого-либо в каком-либо преступлении’ (ФСРЯ, 360). Наблюдается замена компонента ФЕ словом одной лексико-семантической группы *пришить* — *сшить* и расширение компонентного состава за счет введения нового элемента *целое*. При этом создается некоторый комический эффект (у профессора Стравинского в руках всего лишь один исписанный листок), а также происходит интенсификация значения исходного фразеологизма, усиление семы несостоятельности признания Ивана сумасшедшим. Переводчики, применив лексический перевод, попытались компенсировать отсутствие фразеологического соответствия, но пошли разными путями. В польском варианте переводчик использует глагол разговорной речи *wysmażyć*, чтобы сохранить функционально-стилистическую окраску текста. Комический эффект также сохранен за счет использования словосочетания *całą rozprawę* ‘целое дело’. Сохраняется и структура переводимой модификации. И, тем не менее, такой перевод не вполне адекватен. Здесь наблюдается некоторый семантический сдвиг, передается только «общее» значение оборота, акцент на ложности обвинения не поставлен. В эстонском переводе сохранение комического эффекта происходит за счет использования юридического термина *toimik*, который указывает на всю серьезность этого дела и в совокупности с единственным исписанным листком дает нужный переводческий результат. Но в передаче значения модифицированного автором фразеологического оборота наблюдается похожая ситуация. Перевод только констатирует тот факт, что Ивана считают сумасшедшим. Правда, остается сема обвинения, но нет указания на его ложность.

(83) *И плавится лед в вазочке, и видны за соседним столиком налитые кровью чьи-то бычьи глаза, и страшно, страшно... О боги, боги мои, яду мне, яду!.. (Б-3, 327)*

Lód pływa w kompotierce, przy sąsiednim stoliku widać czyjeś przekrwione bycze oczy i jest strasznie, jest strasznie... O, bogowie, o, moi bogowie, trucizny, trucizny!.. (M. Bułhakow. Mistrz i Małgorzata.)

Jää sulab pokaalis, naaberlauast paistavad kellegi verd täisvalgunud sõnnisilmad ja õudus pistsitab südant... Oh jumalad, oh suured jumalad, mürki, andke mulle mürki!...
(77)

Пример 83. Казалось бы, все характеристики исходной ФЕ получают отражение в переводе: сохраняется модификация, экспрессивная и стилистическая характеристики. Но если вспомнить, какие русские обороты модифицированы в рассматриваемом примере и какими значениями они обладают — *наливать глаза* ‘напиваться допьяна’ и *наливаться кровью* ‘краснеть от прилива крови’ (ФСРЯ, 265)), то становится понятно, что, например, эстонский читатель может воспринять полученный фразеологизм иначе, — ведь в этом языке нет аналогичных русским ФЕ, а имеется фразеологизм *silmad lähevad verd täis*, обладающий следующим значением ‘глаза стали красными от ненависти’ (Õim 2000, 437).

Итак, результаты калькирования при переводе индивидуально-авторских модификаций ФЕ, образованных в результате структурно-синтаксического преобразования, варьируются от удачного перевода до ошибочного, что подтверждает «каверзность» использования калек. В некоторых случаях калькирование позволяет сохранить в переводе не только смысловую сторону модификации фразеологизма, но и сопутствующего стилистического эффекта, остроумной игры слов, обыгрывания компонентов. Неплохие результаты дает калькирование при переводе таких модификаций, когда в контексте сохраняется только образ ФЕ. Крайне же неудачным следует признать калькирование там, где образ индивидуально-авторской модификации ФЕ остается для читателя совершенно непонятным, вызывающим недоумение (неслучайно основная часть переводческих ошибок (5 примеров) приходится именно на случаи использования переводчиком калькирования индивидуально-авторских модификаций ФЕ).

Е. Перевод индивидуально-авторских модификаций русских ФЕ при помощи контекстуальной замены и фразеологической компенсации

Контекстуальные замены представляют особый интерес (значение термина см. на с. 70). Такого типа перевод был применен в 12 случаях, включая один случай фразеологической компенсации (в нашем материале это единственный случай). Как указывается в литературе по вопросу перевода фразеологии, чаще

контекстуальные замены используются в случае безэквивалентной фразеологии. Как выяснилось, это утверждение верно и по отношению к переводу индивидуально-авторских модификаций ФЕ. Рассмотрим качество такого типа перевода.

а. Перевод индивидуально-авторских модификаций русских ФЕ, образованных путем семантического переосмысления

Наш материал обнаруживает лишь 4 случая, когда перевод индивидуально-авторских модификаций русских ФЕ, образованных путем семантического переосмысления, был осуществлен при помощи контекстуальной замены (включая один случай фразеологической компенсации, пример 88). Обратимся к результатам такого перевода. Примеры 84, 85, 86, 87.

- (84) – *Царский под ноготь, а студенческий показать* (Б-1, 204).
– *Carski do pieca, pokażesz indeks* – ‘в печь’ (236).
Tsaaripass jalust ära, tudengipilet ette näidata – ‘из-под ног [убрать]’ (117).

Значение ФЕ *под ноготь* в словаре представлено как ‘в подчиненное, зависимое положение (брать, прибирать, забирать и т. п. кого-либо)’ (ФСРЯ, 283). В контексте же оборот употреблен в отношении к предмету (речь идет о паспорте), а потому приобретает новый оттенок значения — ‘спрятать, убрать что-либо’. В польском переводе оборот передается посредством уже имеющегося в ПЯ фразеологического оборота *do pieca* ‘в печь’ (SFJP, I, 666), который обладает значением ‘сжечь, уничтожить’. Но Мышлаевский не просит Лариосика (а это был именно его царский паспорт) уничтожить документ. Однако, возможно, в данном случае ФЕ польского языка и не воспринимается читателем в таком значении. Дело в том, что выражение *do pieca* может быть аналогично другому русскому обороту *к черту* ‘прочь, долой, вон’ (ФСРЯ, 524). Таким образом, с заменой образности, в польском переводе смысловая сторона существенно не меняется, поэтому такая замена вполне возможна. Кроме того, ФЕ ПЯ обладает достаточной степенью экспрессивности, она естественно воспринимается в данном контексте (обитатели квартиры Турбиных не исключают, что к ним пришли с обыском). Кроме того, сохраняется разговорный характер исходной единицы. Творчески подошел к вопросу эстонский переводчик. Им был модифицирован оборот *kellegi jalus olema* ‘вертеться [путаться] под ногами у кого-л.’. Полученный вариант со значением ‘убрать’ можно признать удачным, поскольку характеристики исходной единицы сохраняются.

(85) *Турбин, замедлив бег, скаля зубы, три раза выстрелил в них, не целясь* (Б-1, 188).
Turbin zwolnił, pokazał zęby i trzykrotnie wystrzelił do nich nie celując (217) – ‘показал зубы’.

Пример 85. Русский фразеологизм *скалить зубы* имеет значение ‘смеяться, хохотать, насмехаться’ (ФСРЯ, 427). Речь об этой модификации и ее переводе на эстонский язык шла на с. 37–39 (пример 3). Можно предположить, что фразеологизм использован Булгаковым в двух значениях — в прямом (как свободное сочетание) и как модифицированный фразеологизм. На наш взгляд, первостепенным в данном случае является прямое значение словосочетания. Фразеологический оборот (со словарным значением) имеет в польском языке полный эквивалент, однако переводчики использовали другой оборот *pokazał zęby* ‘показал зубы’ (FSJP, I, 709) со значением ‘показывать свою силу, мощь, грозить кому-либо’. При этом сохраняется возможность воспринимать его как свободное словосочетание. На наш взгляд, такой перевод весьма удачен, так как возможна реализация его буквального значения, что очень важно, так как в данном случае именно оно является первостепенным. Кроме того, сохраняется выразительность и стилистическая окраска подлинника и, что очень важно, но не всегда возможно, — фразеологичность выражения. Неслучайно высказывание Н. Л. Шадрин о том, что «если язык перевода не располагает фразеологическим эквивалентом, то даже наличие в нем фразеологизмов, аналогичных или сходных по значению, но построенных на иной по сравнению с оригиналом образной основе, не всегда облегчает задачу переводчика, потому что воссоздание на другом языке семантической двуплановости словосочетания, обыгранной в подлиннике, может быть достигнуто только на базе общей образности» (Шадрин 1991, 190). В нашем случае переводчик достигает нужного результата. Следовательно, такой перевод можно считать адекватным.

Используется переводчиками контекстуальная замена и в случае обыгрывания компонентов фразеологизма в результате их использования в качестве самостоятельных единиц речи. В примере 86 находим осуществление приема сталкивания семантически далеких фразеологизмов, в состав которых входит одно и то же слово, чему сопутствует комический эффект. Рассмотрим эстонский перевод (перевод данной модификации на польский язык рассматривалась нами на с. 41, пример 9).

(86) – *Никогда, – принялся вдруг чрево вещать Ипполит Матвеевич, – никогда Воробьянинов не протягивал руки.*
– *Так протянете ноги, старый дуралей!* – *закричал Остап* (ИП, 292).

„Iialgi,“ ütles Ippolit Matvejevitsš äkki kõhurääkija häälega, „mitte iialgi ei ole Vorobjaninov veel kätt armuanni järele välja sirutanud.“
„Siis sirutate välja jalad, vana tobu!“ karjus Ostap (231) – ‘не протягивал руки за милостыней; протянете ноги’.

В эстонском языке переводчику пришлось прибегнуть к структурному преобразованию ФЕ. Дело в том, что эквиваленты русских фразеологизмов *ходить с протянутой рукой* и *протянуть ноги* в эстонском языке не имеют общего компонента: *kätt väristama* и *jalad välja sirutama*. Без общего компонента произошло бы разрушение модификации. Но переводчик модифицирует имеющийся в языке оборот *kätt järele välja sirutama* ‘keelatud endale ihaldama, oma valdusse haarata püüdma, midagi omastada tahtma’ (Õim 2000, 186; ‘жаждать чего-либо запретного, пытаться что-то захватить, хотеть чем-то овладеть’), вводя в его состав дополнительный компонент *armuand* ‘милостыня, подаяние’ (Tamm 1988, 33). Благодаря такому преобразованию изменяется семантика эстонского фразеологизма *kätt järele välja sirutama*. Это делает возможным сохранение индивидуально-авторской модификации ФЕ оригинала.

Наш материал обнаруживает и пример фразеологической компенсации. К собственно компенсации мы отнесли случай введения в контекст фразеологизма иного значения. Цель такой компенсации — сохранение стилистической окраски, образности и выразительности подлинника. Пример 88.

(87) Иван затуманился, поглядел исподлобья и сказал:
– Интуристы... До чего же вы все интуристов обожаете! А среди них, между прочим, разные попадаются. Я, например, вчера с таким познакомился, что любо-дорого! (Б-3, 352).
Zachmurzył się, spojrzął spode łba i powiedział:
– *Turyści... Ależ wy wszyscy uwielbiacie tych cudzoziemców! Tymczasem, nawiasem mówiąc, różni się wśród nich zdarzają. Wczoraj na przykład spotkałem takiego, że niech ręka boska broni!* (M. Bułhakow. Mistrz i Małgorzata.) – ‘да защитит рука господ’.
Ivani nägu tõmbus pilve, ta kortsutas kulmu ja ütles:
„*Välisturistid... Küll te olete kõik neist vaimustatud! Ometi tuleb nende hulgas igasuguseid ette. Mina saan eile näiteks sihukesega tuttavaks, et taevas hoidku!*“ (109) – ‘да сохранят небеса’.

Словарное значение русского фразеологизма *любо-дорого* ‘очень хорошо, очень приятно’ (ФСРЯ, 234). В данном контексте (Бездомный вспоминает свою встречу с Воландом) его употребление сопровождается стилистическим приемом контраста видимого и скрытого смысла высказывания, создающим эффект иронии. В языках перевода нет ее фразеологического соответствия. Переводчики используют при переводе иную ФЕ ПЯ: польск. *niech ręka boska broni* ‘да защитит рука господ’ и эст. *et taevas hoidku* ‘да сохранят небеса’, значение которых совпадает со значением русского фразеологизма *боже упаси* ‘выражение предупреждения,

предостережения о нежелательности, недопустимости чего-либо' (ФСРЯ, 496). В данном контексте, на наш взгляд, такая замена допустима, так как преследует цель сохранения экспрессивности, эмоциональности, выразительности подлинника. Но тот стилистический эффект, который сопровождает использование модификации в тексте оригинала, оказывается безвозвратно потерян.

Итак, перевод семантически переосмысленных ФЕ при помощи контекстуальных замен помогает сохранить не только смысловую сторону переводимой единицы, но и основные ее характеристики: образность, экспрессивность, эмоциональность. Помимо этого, контекстуальные замены позволяют решить важную для переводчиков проблему сохранения речевой семантической двуплановости словосочетания. Что касается перевода посредством фразеологической компенсации, то здесь наблюдаются определенные переводческие потери, а именно — потеря стилистического эффекта оригинала. Правда, можно отметить, что такого рода перевод все же имеет положительные стороны, так как позволяет сохранить экспрессивность, эмоциональность и выразительность подлинника.

в. Перевод индивидуально-авторских модификаций ФЕ, образованных посредством структурно-семантических приемов преобразования

6 индивидуально-авторских модификаций фразеологизмов, образованных на основе структурно-семантического преобразования, были переведены с помощью контекстуальных замен. Насколько удачны результаты их использования, покажет анализ перевода встретившихся нам примеров.

Прежде всего оценим перевод модификации, образованной путем расширения ее компонентного состава (пример 88).

(88) *Однако выскочить удалось, и, отдуваясь и фыркая, с круглыми от ужаса глазами, Иван Николаевич начал плавать в пахнувшей нефтью черной воде меж изломанных зигзагов береговых фонарей* (Б-3, 319).

See siiski õnnestus, ning puhkides ja puristades, endal silmad hirmust nagu tõllarattad, ujus Ivan Nikolajevitš mõnda aega naftast lõhnavas tumedas vees kaldatulede siksakkide vahel (67) – 'глаза от страха как колеса кареты'.

В основе модификации *с круглыми от ужаса глазами* лежит фразеологизм *делать большие [круглые] глаза*, т. е. 'выражать крайнее удивление, недоумение' (ФСРЯ, 130). В переводе на эстонский язык использована модификация фразеологизма *silmad nagu tõllarattad* со значением 'suured ümmargused silmad'

(Õim 2000, 437; ‘большие круглые глаза’). Такая замена возможна единственно благодаря тому, что в русский фразеологизм вводится слово *от ужаса*, которое конкретизирует значение модификации. Соответственно в переводе на эстонский язык такое уточнение также находит отражение. Замена весьма удачна, так как она позволяет сохранить образность выражения.

Теперь рассмотрим перевод контаминации двух фразеологизмов (пример 90).

(89) *Смех полетел из него каскадами, причем рот сверкал белыми зубами, – сдохну со смеху, как собака* (Б-1, 237).

Naer purskus temast jugadena, valged hambad välkusid suus. „Ma suren naeru kätte nagu koer“ – ‘умру со смеху как собака’ (207).

Пример 89 (о переводе данной модификации на польский язык говорилось на с. 49–50, пример 21). Здесь в переводе на эстонский язык скорее всего соединяются фразеологизмы *nagu koer naerma* со значением ‘kedagi pilkama, häbitult irvitama kellegi üle’ (Õim 2000, 265; ‘кого-то высмеивать, цинично над кем-либо насмехаться’) и *surnuks naerma* ‘südamest, hirmsasti naerma, hirmsasti nalja saama’ (Õim 2000, 456; ‘от души, неудержимо смеяться’). Первый — принадлежность эстонского фразеологического фонда, второй же является полным фразеологическим эквивалентом русского фразеологизма *умирать со смеху*. Значение полученной контаминации восходит к значению фразеологизма *surnuks naerma*, как впрочем, и в оригинале. Интересно, что обе ФЕ эстонского языка имеют общий компонент *naerma* ‘смеяться’, что в некотором смысле облегчило переводчику задачу поиска подходящей единицы для создания модификации. Переводчик использовал контекстуальную замену, благодаря которой ему удалось адекватный перевод: при полной передаче характеристик исходного, модифицированного автором оборота, сохраняется и структурное его обновление.

Переводятся при помощи контекстуальных замен и модификации, созданные на образной основе фразеологизмов (пример 90).

(90) *Завертела его нелегкая* (ИП, 158).

Kurivaim ajas tal pea segi (130) – ‘злой дух запутал его голову’.

Образной основой рассматриваемой модификации (ее перевод на польский язык рассматривался нами на с. 65, пример 44) являются фразеологизмы *черт [нелегкая] носит* ‘кто-либо пропадает, шляется, болтается где-то’ (ФСРЯ, 521) и *черт [бес, нечистый, нечистый дух, нелегкая, грех] попутал* ‘кто-либо поддался соблазну (сделать что-либо, обычно предосудительное)’ (ФСРЯ, 521–522). В эстонском же языке используется замена, в основе которой лежит фразеологизм

pea läheb segi со значением ‘keegi jääb segavatest, eksitavatest, erutavatest mõtetest nõutuks, satub segadusse’ (Õim 2000, 347; ‘кто-то от странных, вводящих в заблуждение мыслей становится озадаченным, впадает в замешательство’). Смысловая сторона русской модификации не находит отражения в переводе, однако с учетом контекста такой перевод вполне возможен.

При помощи контекстуальных замен передаются и модификации с формально-грамматическими изменениями компонентов (пример 91).

(91) *По голове больше не бейте. Это самое слабое его место* (ИП, 176)
Ale po głowie lepiej go więcej nie bić, bo to jego najsłabszy punkt (178) – ‘самая слабая сторона’.

Как видим, здесь модифицируется русский фразеологизм *слабое место* ‘существенный недостаток’ (ФСРЯ, 246). Речь о передаче этой модификации на эстонский язык шла на с. 52 (пример 27). И. Ильф и Е. Петров употребляют такую его модификацию, в которой используют первый компонента фразеологизма в превосходной степени. Такой модификации сопутствует эффект усиления качественной экспрессивности ФЕ. В переводе на польский язык использован фразеологизм *slaby punkt* ‘слабая сторона’, т. е. ‘miejsce czułe, nieodporne, niebronione’ (MSJP, 855; ‘чувствительное, неустойчивое, незащищенное место’). Использование превосходной степени его первого компонента вполне возможно. В сущности же значение данной модификации польского языка не передает смысла исходной русской единицы. На наш взгляд, такую замену нельзя считать полноценной, так как она не передает смысловую сторону русской индивидуально-авторской модификации фразеологизма.

Контекстуальные замены используются и в случаях употребления фразеологизмов русского языка в не совсем обычной форме. Пример 92.

(92) *Ум финдиректора заходил за разум* (Б-3, 418).
Dyrektor finansowy miał już zupełną sieczkę w głowie – где *sieczka* – ‘сечка (мелко нарубленная солома)’.

Нормативной является форма *ум за разум заходит*, т. е. такая, где глагольный компонент употребляется в форме наст. вр. Значение оборота — ‘теряется способность трезво, разумно рассуждать, действовать и т. п.’ (ФСРЯ, 493). В польском варианте перевода используется фразеологизм *mieć sieczkę w głowie*, где *sieczka* – ‘сечка (мелко нарубленная солома)’ (WSP-R, 962) со значением ‘być niedouczonym, mieć zamęt w głowie’ (SFJP, II, 110; ‘быть малограмотным, иметь путаницу в голове (сумбур)’). Заметим, что использование глагольного компонента польского фразеологизма не противоречит норме его употребления.

Но, как видим, значение переводимой единицы и ФЕ польского языка не вполне совпадают. Правда, в данном случае, на наш взгляд, контекстуальная замена возможна, так как основной смысл фразы оригинала все же отражается в переводе. При этом с усилением образности выражения сохраняется выразительность подлинника.

Возможен перевод такого типа и в случае передачи модификации, образованной за счет использования фразеологизма в несколько измененной форме (пример 93).

(93) *Никто не вышел в расход, и нашлись в следующий же вечер* (Б-1, 197).
Żaden z nich nie przeniósł się na łono Abrahama, i znaleźli się zaraz następnego wieczora (228) – ‘не отправился на лоно Авраама’.

Значение русского фразеологизма *выводить в расход* — ‘расстреливать’ (ФСРЯ, 91). Значит, смысл рассматриваемой нами модификации — ‘никого не расстреляли’. В польском переводе использована контекстуальная замена — фразеологизм *przenieść się na łono Abrahama* ‘отправиться на лоно Авраама’, имеющий значение ‘умереть’ (SFJP, I, 81). Это выражение библейского происхождения. Древний человек был убежден, что после смерти он оказывается в кругу своих предков. Патриархом же рода человеческого является Авраам, поэтому оказаться в обществе Авраама — значит ‘умереть’. В самом тексте Библии (Евангелие от Луки: 16, 24) в «Притче о богаче и Лазаре» читаем: «Умер нищий и отнесен был Ангелами на лоно Авраамово» (Krzyżanowski 1994). Однако, как видим, значения переводимой и переводящей единиц не идентичны. Тем не менее, мы считаем, что в данном контексте (тревожная военная ситуация) такая замена вполне возможна, тем более что она позволяет сохранить фразеологичность высказывания.

Таким образом, контекстуальные замены используются довольно редко. Еще реже встречаются случаи фразеологической компенсации (всего 1 случай такого перевода), что, вероятно, неслучайно, так как «существуют объективные границы применения этого метода» (Вайгла 1977, 157). Тем не менее перевод с помощью контекстуальных замен может быть весьма удачным, так как позволяет сохранить при переводе образность и выразительность оригинала. Однако наблюдаются здесь и случаи неполноценной замены, так как смысловая сторона русской индивидуально-авторской модификации фразеологизма может не получить полного отражения в переводе..

В целом же анализ фактического материала показал, что использование нефразеологического перевода требует от переводчика предельного внимания, так как не всегда ведет к достижению адекватности в переводе. Так, например, применение лексического и описательного переводов для передачи на другой язык семантически преобразованных ФЕ оправдывает себя лишь в случаях, когда есть условия для полного выражения смысловой емкости и многогранности переводимой единицы. Калькирование же нередко приводит к тому, что образ индивидуально-авторской модификации фразеологизма оказывается для читателя перевода совершенно непонятным. Перевод посредством фразеологической компенсации также может сопровождаться определенными переводческими потерями, например потерей стилистического эффекта подлинника.

Но есть и удачные примеры нефразеологического перевода. Так, оправдан он при переводе индивидуально-авторских модификаций, в основе которых лежат фразеологизмы, не обладающие яркой образностью, красочностью, стилистически неярко окрашенные. В некоторых случаях калькирование позволяет сохранить в переводе не только смысловую сторону модификации фразеологизма, но и сопутствующий стилистический эффект, остроумную игру слов, обыгрывание компонентов фразеологизма. Неплохие результаты дает калькирование при переводе таких модификаций, когда модификация создается на основе образа ФЕ. Зачастую и перевод при помощи контекстуальных замен помогает сохранить не только смысловую сторону переводимой единицы, но и основные ее характеристики: образность, экспрессивность, эмоциональность. Помимо этого, контекстуальные замены позволяют решить важную для переводчиков проблему сохранения речевой семантической двуплановости словосочетания.

Заключение

Как показывает анализ фактического материала, проблемы перевода индивидуально-авторских модификаций ФЕ отчасти совпадают с трудностями, которые возникают при переводе фразеологии в целом. Как правило, в случае перевода единиц общего фразеологического фонда они связаны с сохранением исходной стилистической и эмоциональной окраски высказывания, его экспрессивности, образности. Чаще такого рода проблемы возникают в связи с безэквивалентной фразеологией, когда переводчик не имеет возможности осуществить перевод посредством фразеологического эквивалента или аналога.

Эти положения справедливы и в отношении перевода индивидуально-авторских модификаций ФЕ. При их передаче на другой язык важным также оказывается наличие или отсутствие в ПЯ фразеологических соответствий переводимого оборота. При наличии таких соответствий и возможности аналогичного оригиналу их преобразования перевод осуществляется без особых затруднений. Так, при переводе индивидуально-авторских модификаций ФЕ, образованных путем семантического переосмысления, возможным оказывается сохранение двух значений словосочетания — прямого (буквального) и фразеологического, с преобладанием одного из них в соответствии с замыслом автора. Сохраняется при таком переводе и своеобразная игра значений фразеологизмов, передаются приемы обыгрывания отдельных компонентов фразеологизма и т. д. При определенных условиях (в частности, при наличии в языке перевода фразеологических соответствий с общим лексическим компонентом) неплохие результаты дает перевод фразеологическим аналогом и т. д.

Однако возникают и дополнительные трудности. Связано это прежде всего с тем, что «преобразования фразеологизмов осуществляются целенаправленно, они помогают автору произведения решать поставленные им идейно-эстетические задачи», поэтому «на преобразованные ФЕ возлагаются дополнительные по сравнению с языковым стандартом стилистические и семантические функции» (Шадрин 1991, 177). Иными словами, преобразование фразеологизма придает ему новые семантические и стилистические оттенки, сохранение которых безусловно важно в переводе. Эти оттенки могут проявляться по-разному: например, распространение компонента с помощью определения может либо усилить и подчеркнуть значение этого компонента, либо уточнить, конкретизировать или

несколько изменить его. Вследствие этого, на наш взгляд, непосредственному переводу такого рода единиц должно предшествовать рассмотрение как лингвистического, так и литературоведческого контекстов. Такой подход, во-первых, объясняет, для чего автору понадобилось осуществить то или иное преобразование ФЕ и каким художественным целям оно служит, во-вторых, помогает переводчику определиться с выбором лексико-фразеологических средств, необходимых для создания полноценного перевода, что позволяет избежать при переводе ряда существенных потерь и даже ошибок, о чем речь пойдет немного ниже.

О том, что перевод индивидуально-авторских модификаций ФЕ представляет для переводчика определенные трудности, свидетельствует достаточно высокий процент случаев, которые характеризуются существенными потерями: в нашем материале он составил почти 30% от общего числа анализируемых примеров. Об этом же говорит и наличие примеров ошибочного перевода: он наблюдается в 3,8% случаев.

Непросто оказывается передать при переводе семантически преобразованных фразеологизмов речевую семантическую двуплановость. Фразеологический перевод (даже если он теоретически возможен, т. е. в языке перевода имеется фразеологическое соответствие положенной в основу модификации ФЕ) не всегда дает здесь нужные результаты, потому что воссоздание на другом языке семантической двуплановости словосочетания, обыгранной в подлиннике, может быть достигнуто только на базе общей образности. К тому же очень часто переводчику приходится иметь дело с единицами, не находящими никаких готовых соответствий в его языке. В этом случае он вынужден прибегнуть к одному из нефразеологических способов перевода (чаще всего это описательный перевод или калькирование), что неизбежно приводит к одноплановому восприятию словосочетания в качестве свободного.

Трудности возникают и при воспроизведении в переводе обыгрывания в контексте отдельных слов, компонентов фразеологизма, т. е. каламбурных построений, основанных на прямом, буквальном понимании переносного значения отдельных слов, входящих в состав фразеологического сочетания. Например, не всегда приводит к адекватному переводу использование фразеологических аналогов ПЯ, так как фразеологический аналог может быть построен на иной по сравнению с оригиналом образной основе, что препятствует достижению необходимого стилистического эффекта подлинника.

Довольно сложной оказывается передача словообразовательных модификаций (чаще это деминутивы) и эллиптических форм фразеологизмов. Сохранить эллиптическую форму иногда не удается (в обоих ПЯ). Например, эстонскому языку по самой его природе эллиптичность менее свойственна, чем русскому. Правда, иногда благодаря тому, что один из компонентов эстонского фразеологизма имеет форму сложного слова, эллипсис оказывается допустимым. В польских вариантах перевода также не всегда находим эллиптические формы. Основной задачей перевода становится воссоздание семантики оборота: впрочем, воспроизведение самого приема преобразования для достижения этой цели необязательно, и оно не всегда имеет место даже при наличии фразеологического соответствия в языке перевода.

Весьма трудный случай — перевод словообразовательных модификаций русских фразеологизмов, образованных с использованием деминутивных форм. Дело в том, что деминутивные формы не характерны, например, для эстонского языка, употребление их ограничено. И в наших примерах в переводе на эстонский язык модификаций мы не находим. Последствия такого перевода налицо: оказываются искаженными речевые портреты героев (народная речь), зачастую исчезает стилистический эффект, в частности, ироничность высказывания, к которой стремились авторы, используя подобную модификацию ФЕ. Компенсироваться такая утрата может только в каких-то других отрезках текста. В польском языке использование деминутивов может сопровождаться появлением иронического оттенка высказывания или усилением комического эффекта, что, впрочем, не всегда уместно, а потому не всегда применимо.

Переводчик должен понимать, что в некоторых случаях правомерно применение нефразеологического перевода, который позволяет сохранить необходимый эффект за счет имеющейся возможности передачи в переводе словообразовательного изменения или аналогичного обыгрывания определенного слова. В основном для этого используется калькирование. Случаи использования калек в условиях, когда в ПЯ есть фразеологическое соответствие первоосновы модификации ИЯ, демонстрируют все преимущества использования такого типа перевода. Оно позволяет сохранить, например, элемент умалчивания, который содержит намек на условия самого общения, момент словообразовательного изменения, дополнительные оттенки смысла и т. п. Но есть и обратная сторона такого перевода. Большая часть ошибок в нашем материале приходится именно на перевод калькированием. Оно нередко приводит к тому, что образ

индивидуально-авторской модификации фразеологизма оказывается для читателя перевода совершенно непонятным, вызывающим недоумение.

В ряде случаев потерь и ошибок при переводе можно было бы избежать, поскольку чаще всего при наличии фразеологических эквивалентов возможность их модификации, а, следовательно, и передачи стилистического эффекта подлинника все же сохраняется. Так, переводчику необходимо учитывать значения положенных в основу модификации фразеологизмов ИЯ. Использовать в переводе можно лишь те из них, которые обладают подходящим значением. Зачастую переводчик недооценивает авторскую модификацию и не использует аналогичное преобразование даже при наличии такой возможности в языке перевода.

Однако некоторые потери все же неизбежны. Довольно часто не удается адекватно передать значение оборотов, преобразованных при помощи приема сокращения их компонентного состава, различных контаминаций и словообразовательных модификаций. Решение переводчика может быть различным: от использования фразеологического эквивалента или аналога (перевод посредством фразеологических аналогов, как и фразеологических эквивалентов, дает неплохие результаты: он позволяет сохранить образность, выразительность, эмоциональность и т. п. оригинального текста), чаще модифицированного, до нефразеологического перевода, в частности, калькирования. Зачастую вполне уместен и перевод при помощи контекстуальных замен. Он помогает сохранить не только смысловую сторону переводимой единицы, но и основные ее характеристики: образность, экспрессивность, эмоциональность. Помимо этого, контекстуальные замены позволяют решить важную для переводчиков проблему сохранения речевой семантической двуплановости словосочетания, о трудности передачи которой, речь шла немного выше.

Общий же наш вывод совпадает с тем, который был сделан Э. Вайгла в статье «Из наблюдений над переводом русской фразеологии на эстонский язык», а именно — «всегда необходимо учитывать особенности контекста, ситуации: контекстуальные условия могут требовать отказа от непосредственного фразеологического соответствия ПЯ и использования нефразеологических средств перевода», тогда «переводческие потери могут быть сведены к минимуму» (Вайгла 1977, 169).

Полученные результаты могут иметь теоретическое значение при сопоставлении переводов на разносистемные языки, а также практическое значение для практикуемой переводческой практики. Заметим, что в настоящее время в связи с непосредственными связями Эстонии со славянскими странами возрастает роль переводческой работы, в том числе и переводов художественной литературы.

ЛИТЕРАТУРА

Теоретические исследования

- Абрамец 1969 — И. В. Аврамец. Семантические основы некоторых приемов преобразования фразеологических единиц. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Самарканд, 1969.
- Абрамович 1964 — И. М. Абрамович. Об индивидуально-авторских преобразованиях фразеологизмов и отношении к ним фразеологического словаря. — Проблемы фразеологии. Исследования и материалы. Под ред. А. М. Бабкина. Москва-Ленинград, 1964, 213–218.
- Аврасин, Бендаржевская 1969 — В. М. Аврасин, Л. С. Бендаржевская. К характеристике адекватности перевода фразеологизмов. — Некоторые вопросы романо-германской филологии. Челябинск, 1969, вып. 4, 88–96.
- Амосова 1963 — Н. Н. Амосова. Основы английской фразеологии. — Ленинград, 1963.
- Архангельский 1964 — В. Л. Архангельский. Устойчивые фразы в современном русском языке. Опыт теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. — Ростов-на-Дону, 1964.
- Ахманова 1957 — О. С. Ахманова. Очерки по общей и русской лексикологии. — Москва, 1957.
- Бабкин 1970 — А. М. Бабкин. Русская фразеология, ее развитие и источники. — Ленинград, 1970.
- Бархударов 1975 — Л. С. Бархударов. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории. — Москва, 1975.
- Борисова, Захарова 1994 — Е. Г. Борисова, О. В. Захарова. Фразеологическое значение в устойчивых словосочетаниях. — Научные доклады высшей школы. Филологические науки, Москва, 1994, 4, 77–84.
- Вайгла 1977 — Э. А. Вайгла. Из наблюдений над переводом русской фразеологии на эстонский язык. — Ученые записки Тартуского университета, Тарту, 1977, вып. 425, 143–171.
- Вайгла 1978 — Э. А. Вайгла. Эмоциональная лексика современного русского языка и проблемы ее перевода (на русско-эстонском материале). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Москва, 1978.

- Вакуров 1994 — В. Н. Вакуров. Фразеологический каламбур в современной публицистике. — Русская речь, Москва, 1994, 6, 40–47.
- Васильев 1989 — Л. Г. Васильев. Человеческий фактор и адекватность перевода. — Перевод как процесс и как результат: язык, культура, психология. Калинин, 1989, 63–67.
- Виноградов <1947> — В. В. Виноградов. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке. — В. В. Виноградов. Избранные труды. Лексикология и лексикография. Москва, 1977, 140–162.
- Виноградов <1946> — В. В. Виноградов. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины. — В. В. Виноградов. Избранные труды. Лексикология и лексикография. Москва, 1977, 118–140.
- Виноградов <1953> — В. В. Виноградов. Основные типы лексических значений слова. — В. В. Виноградов. Избранные труды. Лексикология и лексикография. Москва, 1977, 162–189.
- Влахов, Флорин 1986 — С. Влахов, С. Флорин. Непереводимое в переводе. — Москва, 1986.
- Галеева 1989 — Н. Л. Галеева. Переводимость и некоторые принципы достижения адекватности перевода. — Перевод как процесс и как результат: язык, культура, психология. Калинин, 1989, 81–88.
- Гвоздарев 1977 — Ю. А. Гвоздарев. Основы русского фразообразования. — Ростов-на-Дону, 1977.
- Гвоздарев 1982 — Ю. А. Гвоздарев. Пусть связь речений далека...: Очерки по русской фразеологии. — Ростов-на-Дону, 1982.
- Гольцекер 1975 — Ю. П. Гольцекер. Вопросы фразеологии и теория перевода (на материале польско-русских и русско-польских переводов художественной прозы). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Самарканд, 1969.
- Гольцова 1985 — Н. Г. Гольцова. Семантические свойства фразеологических новообразований в современном русском языке. — Семантико-грамматические свойства фразеологизмов русского языка. Челябинск, 1985, 31–37.
- Жуков 1972 — В. П. Жуков. Об устойчивости и вариантности фразеологизмов на семантическом уровне. — Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. Материалы межвузовского симпозиума (1968). Тула, 1972, 20–29.

- Жуков 1986 — В. П. Жуков. Русская фразеология. — Москва, 1986.
- Жуков 1978 — В. П. Жуков. Семантика фразеологических оборотов. — Москва, 1978.
- Зеленова 1985 — Т. В. Зеленова. Структурно-семантические свойства фразеологических новообразований (на материале писем А. П. Чехова). — Семантико-грамматические свойства фразеологизмов русского языка. Челябинск, 1985, 58–63.
- Зимин 1972 — В. И. Зимин. К вопросу о вариантности фразеологических единиц. — Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. Материалы межвузовского симпозиума (1968). Тула, 1972, 70–82.
- Комиссаров 1999 — В. Н. Комиссаров. Общая теория перевода: проблемы переводоведения в освещении зарубежных ученых. — Москва, 1999.
- Комиссаров, Рецкер, Тархов 1960 — В. Н. Комиссаров, Я. И. Рецкер, В. И. Тархов. Пособие по переводу с английского языка на русский. Ч. I. — Москва, 1960.
- Колесникова 1966 — Э. Г. Колесникова. Приемы обновления фразеологизмов в произведениях И. Ильфа и Е. Петрова. — Ученые записки Иркутского ГПИ. Вопросы истории и стилистики русского языка. Иркутск, 1966, вып. 25, 14–31.
- Крупнов 1976 — В. Н. Крупнов. В творческой лаборатории переводчика. — Москва, 1976.
- Кузьмин 1967 — С. Кузьмин. Заметки по вопросу об адекватности. — Тетради переводчика. Москва, 1967, 4, 86–91.
- Кунин 1970 — А. В. Кунин. Английская фразеология (теоретический курс). — Москва, 1970.
- Лепешев 1972 — И. Я. Лепешев. Обнажение внутренней формы как индивидуально-авторский прием применения фразеологизмов. — Вопросы семантики фразеологических единиц славянских, германских и романских языков. Ч. II. Тезисы докладов на научно-теоретической конференции в г. Новгороде 6 июня 1972 г. Новгород, 1972, 86–89.
- Лилова 1985 — А. Лилова. Введение в общую теорию перевода. — Москва, 1985.
- Мацюсович 1954 — Я. В. Мацюсович. Родство русского и польского языков. — Славяне, Москва, 1954, 10, 29–31.

- Межжерина 1971 — С. А. Межжерина. Взаимодействие фразеологического оборота и контекста в художественной речи. — Русский язык в школе, Москва, 1971, 3, 75–78.
- Мелерович 1979 — А. М. Мелерович. Проблемы семантического анализа фразеологических единиц современного русского языка. — Ярославль, 1979.
- Мелерович, Мокиенко 1997 — А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. Фразеологизмы в русской речи. — Москва, 1997.
- Миллер 1990 — Е. Н. Миллер. Природа лексической и фразеологической антонимии. — Саратов, 1990.
- Мокиенко 1990 — В. М. Мокиенко. Загадки русской фразеологии. — Москва, 1990.
- Мокиенко 1989 — В. М. Мокиенко. Славянская фразеология. — Москва, 1989.
- Молотков 1972 — А. И. Молотков. Словосочетание и фразеологизм. — Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. Материалы межвузовского симпозиума (1968). Тула, 1972, 83–98.
- Молотков 1977 — А. И. Молотков. Основы фразеологии русского языка. — Ленинград, 1977.
- Молотков 1986 — А. И. Молотков. Фразеологизм русского языка и принципы их лексикографического описания. — Фразеологический словарь русского языка. Под ред. А. И. Молоткова. Изд. 4-е, стер. Москва, 1986, 7–23.
- Мошкарров 1971 — И. А. Мошкарров. О переносных значениях в сфере фразеологии. — Русский язык в школе, Москва, 1971, 3, 67–71.
- Мусаев 1988 — К. Мусаев. Перевод лексических и фразеологических единиц как проблема частной теории перевода (на материале переводов с русского языка на узбекский). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Тбилиси, 1988.
- Наумов 1971 — Э. Б. Наумов. Способы трансформации фразеологизмов (на материале произведений И. Ильфа и Е. Петрова). — Русский язык в школе, Москва, 1971, 3, 71–74.
- Николаева 1996 — Е. К. Николаева. К типологии фразообразования устойчивых сравнений (на материале польского языка). — Вопросы языкознания, Москва, 1996, 3, 95–99.

- Новикова 1983 — И. А. Новикова. Образование речевых фразеологизмов с помощью аллюзии. — Вопросы фразеологии и фразеоматики. Межвузовский сборник научных трудов. Москва, 1983, 39–46.
- Новикова 1983 — И. А. Новикова. Некоторые окказиональные изменения фразеологических единиц со структурой предложения. — Вопросы фразеологии и фразеоматики. Межвузовский сборник научных трудов. Москва, 1983, 33–39.
- Ожегов 1957 — С. И. Ожегов. О структуре фразеологии. — Лексикографический сборник. Москва, вып. 2, 1957.
- Пермяков 1970 — Г. Л. Пермяков. От поговорки до сказки. Заметки по общей теории клише. — Москва, 1970.
- Подгурска 1990 — Б. Подгурска. Приемы индивидуально-авторских трансформаций фразеологических единиц в романах И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» и способы их перевода на польский язык. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Москва, 1990.
- Поливанов 1991 — Е. Д. Поливанов. Труды по восточному и общему языкознанию. — Москва, 1991.
- Попов 1967 — Р. Н. Попов. Фразеологические единицы современного русского литературного языка с историзмами и лексическими архаизмами. — Москва, 1967.
- Попович 1980 — А. Попович. Проблемы художественного перевода. — Москва, 1980.
- Проблемы 1964 — Проблемы фразеологии. — Москва–Ленинград, 1964.
- Проблемы 1996 — Проблемы фразеологической семантики. — С-Петербург, 1996.
- Пшенкина 1983 — Т. Г. Пшенкина. К вопросу об окказиональном преобразовании фразеологических единиц, детерминированном жанром (на материале английской авторской сказки). — Вопросы фразеологии и фразеоматики. Межвузовский сборник научных трудов. Москва, 1983, 54–60.
- Рецкер 1974 — Я. И. Рецкер. Теория перевода и переводческая практика. — Москва, 1974.
- Ройзензон 1965 — Л. И. Ройзензон. Внутренняя форма слова и внутренняя форма фразеологизма. — Вопросы фразеологии. Ташкент, 1965, 63–70.

- Ройзензон 1973 — Л. И. Ройзензон. Лекции по общей и русской фразеологии. — Самарканд, 1973.
- Ройзензон 1977 — Л. И. Ройзензон. Русская фразеология. — Самарканд, 1977.
- Салим, Ивашко 1992 — А. Салим, А. А. Ивашко. Фразеологические единицы с соматическим компонентом, характеризующим человека, в индонезийском и русском языках. — Научные доклады высшей школы. Филологические науки. Москва, 1992, 1, 94–99.
- Телия 1972 — В. Н. Телия. Вариантность идиом и принципы идентификации вариантов. — Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. Материалы межвузовского симпозиума (1968). Тула, 1972, 30–69.
- Телия 1996 — В. Н. Телия. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. — Москва, 1996.
- Флорин 1983 — С. Флорин. Муки переводческие. — Москва, 1983.
- Федоров 1953 — А. В. Федоров. Введение в теорию перевода: учебное пособие для института иностранных языков. — Москва, 1953.
- Федоров 1983 — А. В. Федоров. Основы общей теории перевода. — Москва, 1983.
- Федоров 1983а — А. В. Федоров. Искусство перевода и жизнь литературы. — Ленинград, 1983.
- Флорин 1983 — С. Флорин. Муки переводческие. — Москва, 1983.
- Фомина, Бакина 1985 — Н. Д. Фомина, М. А. Бакина. Фразеология современного русского языка. — Москва, 1985.
- Чепасова 1983 — А. М. Чепасова. Семантические и грамматические свойства фразеологизмов. — Челябинск, 1983.
- Шадрин 1969 — Н. Л. Шадрин. Перевод контекстуально-преобразованных фразеологических единиц как семантико-стилистическая проблема: Автореф. дис... канд. филол. наук. — Ленинград, 1969.
- Шадрин 1991 — Н. Л. Шадрин. Перевод фразеологических единиц и сопоставительная стилистика. — Саратов, 1991.
- Шанский 1963 — Н. М. Шанский. Фразеология современного русского языка. — Москва, 1963.
- Швейцер 1988 — А. Д. Швейцер. Теория перевода. — Москва, 1988.
- Шмелев 1977 — Д. Н. Шмелев. Современный русский язык. Лексика. — Москва, 1977.

- Baran 1999 — A. Baran. Eesti fraseoloogia põhijoontest ja struktuurist. Magistritöö. Käsikiri Tartu Ülikooli eesti ja võrdleva rahvaluule õppetoolis. — Tartu, 1999.
- Baran 2002 — A. Baran. Valetab kui vana valge hobune: loomkujundist kõnekäändudes valge hobuse näitel. — *Oma keel*, Tallinn, 2002, 2, 36–41.
- Bąba 1992 — St. Bąba. Dwa rodzaje błędów frazeologicznych. — *Opisać słowa*, Warszawa, 1992, 7–12.
- Bąba 1995 — St. Bąba. Innowacje frazeologiczne: analiza, kryteria oceny. — *Poradnik językowy*, Warszawa, 1995, 4, 21–29.
- Bąba 1994 — St. Bąba. Łabędzi śpiew. — *Język polski*, rocz. 74, Kraków, 1994, z. 4/5, 389–390.
- Bąba 1986 — St. Bąba. Twardy orzech do zgryzienia czyli o poprawności frazeologicznej. — Poznań, 1986.
- Bąba 1996 — St. Bąba. Z fleksji polskich frazeologizmów. Cz. 1: Uwagi o odmianie wyrażen. — *Synchroniczne i diachroniczne aspekty badań polszczyzny*. T. 3. Szczecin, 1996, 141–154.
- Bąba, Liberek 1995 — St. Bąba, J. Liberek. Kilka uwag o współczesnym uzusie frazeologicznym. — *Norma językowa w polszczyźnie*. Zielona Góra, 1995, 67–79.
- Bąba, Liberek 1994 — St. Bąba, J. Liberek. Zmiany znaczeń frazeologizmów. — *Prace Komisji językoznawczej/Poznańskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk*, Wydział Filologiczno-Filozoficzny, Poznań, 1994, 21, 9–18.
- Bogusławski 1994 — A. Bogusławski. Uwagi o pracy nad frazeologią. — *Sprawy słowa*. Warszawa, 1994, 125–136.
- Campbell 1998 — S. Campbell. Translation into the second language. — London – New York, 1998.
- Casagrande 1954 — J. B. Casagrande. The Ends of Translation. — *International Journal of American Linguistics*, New York, 1954, vol. 20, 3, 335–340.
- Catford 1967 — J. C. Catford. A Linguistic Theory of Translation: An Essay in Applied Linguistics. — London, 1967.
- Chaudhuri 1999 — S. Chaudhuri. Translation and understanding. — Oxford, 1999.
- Chlebda 1991 — W. Chlebda. Elementy frazematyki: wprowadzenie do frazeologii nadawcy. — Opole, 1991.
- Chlebda 1993 — W. Chlebda. Frazematyka. — *Współczesny język polski*, Wrocław, 1993, 327–334.

- Dąbrowska 1955 — M. Dąbrowska. Parę myśli o pracy przekładowej. — O sztuce tłumaczenia. Tom zbiór. Wrocław, 1955, 193–207.
- Dziamaska 1995 — G. Dziamaska. Antonimiczne modyfikacje stałych związków wyrazowych. — Synchroniczne i diachroniczne aspekty badań polszczyzny. T. 2. Szczecin, 1995, 199–207.
- Eco 2001 — U. Eco. *Experiences in Translation*. — Toronto – Buffalo – London, 2001.
- Jakubowski 1949 — W. Jakubowski. Uwagi o językowej stronie przekładów z języka rosyjskiego na polski. — *Język polski*, Kraków, 1949, 4, 155–164.
- Firth 1968 — J. R. Firth. *Papers in linguistics. 1934–1951*. — London, 1968.
- Galperin 1981 — I. Galperin. *Stylistics. 3-d edition*. — Moscow, 1981.
- Gierowski, Witowska 1967 — B. Gierowski, J. Witowska. *Język przekładów rosyjskiej prozy literackiej*. — *Język polski*, Kraków, 1967, 2, 145–154.
- Holmes 1988 — J. S. Holmes. *Papers on Literary Translation and Translation Studies*. — Amsterdam, 1988.
- Hrdlička 1995 — M. Hrdlička. *Překladatelské miniatury*. — Praha, 1995.
- Kaalep, Muischnek 2002 — H–J. Kaalep, K. Muischnek. Püsiühendite leidmine teksti abil. — *Tähendusepüüdja/Catcher of the Meaning, TÜ üldkeeleteaduse õppetooli toimetised* 3, Tartu, 2002, 172–184.
- Karolak 1998 — St. Karolak. Pojęcie wyrażenia frazeologicznego. — *Słownik frazeologiczny rosyjsko-polski*. Warszawa, 1998, VII–VIII.
- Krzyżanowski 1994 — J. Krzyżanowski. *Mądrzej głowie dość dwie słowie*. — Warszawa, 1994.
- Krikmann 1992 — A. Krikmann. Fraseoloogilisi elemente Georg Mülleri jutlustes. — *Keel ja kirjandus*, Tallinn, 1992, 3, 144–150.
- Krygier–Łączkowska 1996 — A. Krygier–Łączkowska. Frazeologiczne innowacje rozwijające w twórczości poetyckiej Stanisława Barańczaka. — *Synchroniczne i diachroniczne aspekty badań polszczyzny*. T. 3. Szczecin, 1996, 155–164.
- Kuzmin 1977 — S. S. Kuzmin. *Translating Russian Idioms*. — Moscow, 1977.
- Kährlik 2001 — K. Kährlik. On the ups and downs in English idioms: learner's perception of orientational metaphors in idiomatic phrasal verbs. — *British studies in the new millennium& the challenge of the grassroots. Cultural studies series*. Tartu, 2001, 2, 65–73.

- Lewicki, Pajdzińska 1993 — A. M. Lewicki, A. Pajdzińska. *Frazeologia. — Współczesny język polski*, Wrocław, 1993, 307–326.
- Liberek 1995 — J. Liberek. Mechanizmy zmian we współczesnej normie frazeologicznej. — *Materiały XVII Konferencji młodych językoznawców-dydaktyków*. Bydgoszcz, 1995, 109–116.
- Liberek 1992 — J. Liberek. Żartobliwe innowacje frazeologiczne we fraszkach Tadeusza Fangrata. — *Poradnik językowy*, Warszawa, 1992, 7–8, 276–282.
- Mossór 2001 — M. Mossór. Czy Rosjanin może *pisać na Berdyczów*? Transponowanie stałych związków frazeologicznych w polskich przekładach *Mistrza i Małgorzaty*. — *Slavia Orientalis*, rocz. L, Kraków, 2001, 2, 249–265.
- Nida 1971 — E. A. Nida. *Semantic Components in Translation Theory. — Applications of linguistics : selected papers of the Second International Congress of Applied Linguistics*. Cambridge, 1971, 341–348.
- Pajdzińska 1992 — A. Pajdzińska. Frazeologizm jako podstawa obrazu poetyckiego. — *Poradnik językowy*, Warszawa, 1991, 7, 267–275.
- Pajdzińska 1993 — A. Pajdzińska. Frazeologizm jako tworzywo współczesnej poezji. — Lublin, 1993.
- Pajdzińska 1992a — A. Pajdzińska. Frazeologizm w kontekście poetyckim. — *Prace filologiczne*, Warszawa, 1992, 37, 331–340.
- Pajdzińska 1996 — A. Pajdzińska. Znaczenie związku frazeologicznego. — *Poznańskie spotkania językoznawcze*, Poznań, t. I., 1996, 168–173.
- Ptak 1955 — Cz. Ptak. Język przekładów rosyjskich powieści marynistycznych. — *Prace i materiały z zakresu polskiego słownictwa morskiego*, Gdańsk, 1955, 2, 9–22.
- Quine 1960 — W. Quine. *Word and Object*. — Cambridge, 1960.
- Rejakowa 1986 — B. Rejakowa. Związki frazeologiczne o identycznej lub podobnej budowie morfologicznej w języku słowackim i polskim. — Wrocław, 1986.
- Ross 2000 — K. Ross. Tõlketehnili küsimusi eesti kirjakeele algusaegadest: teine käsk. Keel ja kirjandus, Tallinn, 2000, 11, 781–795.
- Samma 1954 — O. Samma. Tüüpilistest puudustest ja vigadest proosa tõlkimisel vene keelest eesti keelde. — *Looming*, Tallinn, 1954, 3, 348–358.
- Sarv 1999 — I. Sarv. Juudas eesti fraseoloogias. — *Akadeemia*, Tartu, 1999, 5, 998–1018.

- Satkiewicz 1996 — H. Satkiewicz. Jeszcze o kontaminacjach frazeologicznych. — Poradnik językowy, Warszawa, 1996, 10, 82–83.
- Satkiewicz 1996 — H. Satkiewicz. Kontaminacja a synonimia we frazeologii. — Poradnik językowy, Warszawa, 1996, 9, 75–76.
- Skorupka 1958 — St. Skorupka. Idiomatyzmy frazeologiczne w języku polskim i ich geneza. — Славянская филология. Москва, 1958, 121–156.
- Skorupka 2002 — St. Skorupka. Wstęp. — Słownik frazeologiczny języka polskiego. Warszawa, t. I. , 2002, 5–11.
- Tomczak 1994 — K. Tomczak. Frazeologizmy, nazywające strach w języku polskim. — Poradnik językowy, Warszawa, 1994, 4, 26–33.
- Torop 2002 — P. Torop. Tõlge kui kultuurimehhanism. — Keel ja kirjandus, Tallinn, 2003, 12, 848–854.
- Torop 2001 — P. Torop. The possible fate of the semiotics of translation. — Interlitteraria, Tartu, 2001, 6, 46–62.
- Vakk 1984 — F. Vakk. Miks just nõnda?: peotäis tekkelugusid ja uudistavaid lühimatku eesti fraseoloogia radadelt. — Tallinn, 1984.
- Vakk 1983 — F. Vakk. „Poissmeeste päike“. Ühest fraseologismitüübist. — Keel ja kirjandus, Tallinn, 1983, 3, 126–132.
- Vakk 1970 — F. Vakk. Suured ninad murdsid päid.....: (pea ja selle osad rahvalike ütluste peeglis). — Tallinn, 1970.
- Venuti 1999 — L. Venuti. The scandals of translation: towards an ethics of difference. — London – New York, 1999.
- Venuti 2003 — L. Venuti. The translator's invisibility: a history of translation. — London – New York, 2003.
- Õim 1993 — A. Õim. Eessõna. — Fraseoloogiasõnaraamat. — Tallinn, 1993, 5–7.
- Õim 2001 — A. Õim. Isikunimetustest eesti fraseoloogias. — Keel ja kirjandus, Tallinn, 2001, 8, 554–562.
- Õim 2001— A. Õim. Mõõda eesti fraseoloogiamastikku liikudes. — Oma keel, Tallinn, 2001, 2, 19–25.
- Õim 2002 — A. Õim. Metafoor ja juurikad. — Oma keel, Tallinn, 2002, 2, 27–35.

Лексикографические издания

- СРФ:ИЭС — А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. Словарь русской фразеологии: историко-фразеологический справочник. — Санкт-Петербург, 1998.
- СФСРЯ — В. П. Жуков, М. И. Сидоренко, В. Т. Шкляров. Словарь фразеологических синонимов русского языка. Под ред. В. П. Жукова. — Москва, 1987.
- БРПС — Большой русско-польский словарь. В 2-х тт. — Москва, Варшава, 1986.
- ССПРФ — Р. И. Яранцев. Словарь-справочник по русской фразеологии. Изд. 2-е, стер. — Москва, 1985.
- ТСРЯ — С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка. 2-е изд. — Москва, 1994.
- ФСРЛЯ — Фразеологический словарь русского литературного языка. Под ред. А. И. Федорова. В 2-х тт. — Новосибирск, 1995.
- ФСРЯ — Фразеологический словарь русского языка. Под ред. А. И. Молоткова. Изд. 4-е, стер. — Москва, 1986.
- ЕКК — M. Ereht, T. Ereht, K. Ross. Eesti keele käsiraamat. — Tallinn, 1997.
- EKS — Eesti keele sõnaraamat. Kolmas trükk. Toimetanud T. Ereht. — Tallinn, 2003.
- E-VFK — Eesti-vene fraseoloogiakäsiraamat. Emotsioonid. Tunded. — Tallinn, 2000.
- E-VS (I) — Eesti-vene sõnaraamat. Toimetanud A. Romet, M. Liiv, E. Riikoja, I. Martoja, S. Smirnov, E. Veskimägi. I (A–J). — Tallinn, 1997.
- E-VS (II) — Eesti-vene sõnaraamat. Toimetanud A. Romet, M. Tiits, M. Tetsov. II (K–L). — Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus, 2001.
- E-VS (III) — Eesti-vene sõnaraamat. Toimetanud A. Romet, N. Melts, T. Valdre. III (M–P). — Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus, 2003.
- MSJP — Mały słownik języka polskiego pod red. E. Sobol.— Warszawa, 1995.
- MSF — T. Iglíkowska, H. Kurkowska. Mały słownik frazeologiczny. — Warszawa, 1966.
- SFRP — St. Karolak. Słownik frazeologiczny rosyjsko–polski. — Warszawa, 1998.
- SFJP — Słownik frazeologiczny języka polskiego pod red. St. Skorupki, tt. I – II. — Warszawa, 2002.

- SPR — R. Stypuła, G. Kowalowa. Słownik polsko–rosyjski. — Warszawa – Moskwa, 1975.
- Tamm 1988 — J. Tamm. Eesti-vene sõnaraamat. — Tallinn, 1988.
- V–ES — Eesti-vene sõnaraamat. Toimetanud R. Laane, S. Ootsing (II), U. Liivaku, S. Smirnov (P–Я). I–II. — Eesti Keele Sihtasutus, 2000.
- VVFEV — A. Reitsak. Valimik vene fraseologisme eesti vastetega. — Tallinn, 1975.
- WSPR — D. Hesseh, R. Stypuła. Wielki słownik polsko–rosyjski, tt. I –II. — Warszawa–Moskwa, 1988.
- Õim 2000 — A. Õim. Fraseoloogiasõnaraamat. — Tallinn, 2000.
- Õim 1998 — Väljandiraamat. — Tallinn, 1998.

Источники

- Булгаков 1988 — М. А. Булгаков. Белая гвардия. Мастер и Маргарита. — Минск, 1988.
- Булгаков 1996 — М. А. Булгаков. Дьяволиада. — Дьяволиада. Роковые яйца. Собачье сердце. — Москва, 1996, 7–48.
- Булгаков 1996 — М. А. Булгаков. Собачье сердце. — Дьяволиада. Роковые яйца. Собачье сердце. — Москва, 1996, 135–238.
- Ильф, Петров 2002 — И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев. — Двенадцать стульев. Золотой теленок. — Москва, 2002, 7–334.
- Bułhakow 1974 — M. Bułhakow. Biała gwardia. (Przekład – I. Lewandowska i W. Dąbrowski). — Warszawa, 1974.
- Bułhakow 1992 — M. Bułhakow. Diaboliada. (Przekład – K. Tur). — Czarny mag. Białystok, 1992, 61–104
- Bulgakov 1988 — M. Bulgakov. Koera süda. (Tõlkinud M. Varik). — Tallinn, 1988.
- Bulgakov 1995 — M. Bulgakov. Meister ja Margarita. (Tõlkinud M. Varik ja J. Ojamaa). — Tallinn, 1995.
- Bulgakov 1987 — M. Bulgakov. Valge kaardivägi. (Tõlkinud M. Varik). — Tallinn, 1987.
- Ilf, Pietrow 1987 — I. Ilf, E. Pietrow. Dwanaście krzeseł. (Przekład – J. Brzechwa i T. Żeromski). — Warszawa, 1987.
- Ilf, Petrov 1995 — I. Ilf, J. Petrov. Kaksteist tooli. — Kaksteist tooli. Kuldvasikas. (Tõlkinud H. Haug ja V. Pirson). — Tallinn, 1995, 15–262.

<http://mistrzimalgorzata.prv.pl/> (Przekład – I. Lewandowska i W. Dąbrowski).

Принятые сокращения

Б-1 — М. Булгаков «Белая гвардия»

Б-2 — М. Булгаков «Дьяволиада»

Б-3 — М. Булгаков «Мастер и Маргарита»

Б-4 — М. Булгаков «Собачье сердце»

ИП — И. Ильф, Е. Петров «Двенадцать стульев»

ИЯ — исходный язык

наст. вр. — настоящее время

НСВ — несовершенный вид

польск. — польский

прош. вр. — прошедшее время

ПЯ — переводящий язык

русск. — русский

СВ — совершенный вид

ФЕ — фразеологическая единица

эст. — эстонский

ПРИЛОЖЕНИЕ

В качестве приложения представлена таблица, в которой содержится весь фразеологический материал, анализируемый нами в магистерской диссертации (Табл.1. УКАЗАТЕЛЬ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИХ МОДИФИКАЦИЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ). В таблице приводятся индивидуально-авторские модификации фразеологизмов, в число которых включается 100 единиц.

ПРИНЦИП ПОСТРОЕНИЯ ТАБЛИЦЫ

Инд.-авт. модификация ФЕ

В первой графе размещены индивидуально-авторские модификации русских фразеологизмов. Они располагаются по мере того, как встречаются в оригинальном тексте, и в той форме, в которой они представлены в оригинале. В случаях, где важным оказывается окружающий контекст (например, в случаях каламбурных построений, основанных на прямом понимании значения отдельных слов, входящих в состав фразеологического сочетания), он приводится более мелким шрифтом.

ФЕ, на базе которой/ых образована инд.-авт. модификация

Во второй графе помещаются ФЕ, на базе которых была образована индивидуально-авторская модификация. Используются следующие обозначения:

() — формальные варианты компонентов фразеологизма

< > — факультативные компоненты фразеологизма

[] — лексические варианты компонентов фразеологизма

^{1, 2} — первооснова рассматриваемой индивидуально-авторской модификации ФЕ имеет несколько возможных вариантов

Наш материал охватывает лишь модификации, в основе которых лежат фразеологические сращения и фразеологические единства, поэтому здесь нет сочетаний пословично-поговорочного типа. Исключение составляет лишь один случай, в котором автор сталкивает семантически далекие фразеологизмы с общим компонентом. В словесной игре наряду с рассматриваемыми нами единицами используется поговорка. Она отмечена в таблице «звездочкой».

Способ модификации

Наиболее распространенной является типология способов преобразования ФЕ, в которой все приемы делятся на две группы в зависимости от того, подвергается или нет изменению внешняя форма ФЕ: а — семантическое переосмысление; б — структурно-семантическое преобразование.

Тип перевода

Используемые сокращения:

1 — перевод индивидуально-авторских модификаций фразеологизмов при наличии в польском и/или эстонском языке фразеологических соответствий

2 — перевод индивидуально-авторских модификаций фразеологизмов в условиях безэквивалентной фразеологии в польском и/или эстонском языке

A — фразеологические эквиваленты (полные или частичные)

B — фразеологический аналог

C — описательный перевод

D — калькирование

E — контекстуальные замены

F — лексический перевод

Случаи неадекватного перевода выделены цветовой заливкой:

 — ошибочный перевод

 — существенные потери при переводе (оттенки смысла, словесная игра, экспрессивность и т. д.)

Источник

Здесь содержится указание на источник. Указан автор, произведение, страницы оригинала (через запятую), далее страницы переводов (польского, в следующей графе — эстонского).

Используются следующие сокращения:

Б-1 — М. Булгаков «Белая гвардия»

Б-2 — М. Булгаков «Дьяволиада»

Б-3 — М. Булгаков «Мастер и Маргарита»

Б-4 — М. Булгаков «Собачье сердце»

ИП — И. Ильф, Е. Петров «Двенадцать стульев»

Примеры приводятся по следующим изданиям:

Булгаков М. А. Белая гвардия. Мастер и Маргарита. Минск, 1988.

Булгаков М. А. Дьяволиада. Роковые яйца. Собачье сердце. Санкт-Петербург, 1996.

Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. Золотой теленок. Москва, 2002.

Bułhakow M. Biała gwardia. (Przekład — I. Lewandowska i W. Dąbrowski). Warszawa, 1974.

Bułhakow M. Diaboliada.— M. Bułhakow. Czarny mag. (Przekład — Krzysztof Tur). Białystok, 1992.

Ilf I., Pietrow E. Dwanaście krzeseł.(Przekład — J. Brzechwa i T. Żeromski). Warszawa, 1987.

Ilf I., Petrov J. Kakstest tooli. Kuldvasikas. (Tõlkinud H. Haug ja V. Pirson). Tallinn, 1995.

Bulgakov M. Koera süda. (Tõlkinud M. Varik). Tallinn, 1988.

Bulgakov M. Meister ja Margarita. (Tõlkinud M. Varik ja J. Ojamaa). Tallinn, 1995.

Bulgakov M. Valge kaardivägi. (Tõlkinud M. Varik). Tallinn, 1987.

<http://mistrzimalgorzata.prv.pl/> (Przekład — I. Lewandowska i W. Dąbrowski).

Переводы повестей М. Булгакова «Дьяволиада» на эстонский язык и «Собачье сердце» на польский язык оказались, к сожалению, для нас недоступны.

Стр. маг. диссертации

В последней графе приводятся страницы магистерской диссертации, где речь идет о данной модификации. Пустая клетка означает, что данная индивидуально-авторская модификация ФЕ в магистерской диссертации не комментируется.

ОБРАЗЕЦ ПРОЧТЕНИЯ

Инд.-авт. модификация ФЕ	ФЕ, на базе которой/ых образована инд.-авт. модификация	Способ модификации	Тип перевода		Источник			Стр. маг. диссертации
			польск.	эст.	оригинал	переводы		
						польск.	эст.	
<i>ни на одну минуту</i>	ни на минуту	b	1 A	2 C	ИП, 326	327	257	46, 80

Индивидуально-авторская модификация *ни на одну минуту* образована на основе ФЕ *ни на минуту* путем структурно-семантического преобразования. В польском языке имеется фразеологический эквивалент первоосновы рассматриваемой индивидуально-авторской модификации, при помощи которого она и переводится на польский язык. В эстонском языке возможности фразеологического перевода нет, модификация передается посредством лексического перевода. Это пример из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев», который встречается на с. 326 (польский вариант перевода – с. 327, эстонский – с. 257). В магистерской диссертации пример комментируется на с. 46 и 80.

**УКАЗАТЕЛЬ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИХ МОДИФИКАЦИЙ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ**

Табл. 1.

Инд.-авт. модификация ФЕ	ФЕ, на базе которой/ых образована инд.-авт. модификация	Способ модификации	Тип перевода		Источник			Стр. маг. диссертации
			польск.	эст.	оригинал	переводы		
						польск.	эст.	
<i>сбегаешь в царство небесное</i>	царствие (царство) небесное	b	1 A		Б-1, 30	24–25	18	43–44
<i>клянул носом</i>	клевать носом	b	2 C	1 D	Б-1, 31	25	19	22, 67, 82–83
<i>с дорожкой душой</i>	с душой	b	2 F	1 B	Б-1, 47	45	33	80
<i>духу бы не было</i>	чтобы <и> духу не было	b	1 A		Б-1, 47	45–46	33	
<i>до белого утра</i>	до <белого> света (свету)	b	1 A	2 F	Б-1, 57–58	59	43	47, 82
<i>ни один черт не знал</i>	Бог [господь, аллах, черт, бес, леший, пес] знает	b	1 A		Б-1, 58–59	60	44	42–43
<i>в упор</i>	в упор	a	1 B	2 F	Б-1, 59	61	44	56, 76–77
<i>было погружено в глубочайший мрак</i>	покрыто мраком неизвестности	b	1 B	1 D	Б-1, 66	69	50	60–61
<i>по самое горло</i>	по горло	b	1 B	1 A	Б-1, 104	113	83	
<i>как ножом, резнул сердце</i>	как (что) нож в сердце	b	1 A		Б-1, 125	140	104	
<i>как сквозь землю</i>	как [будто, словно, точно] сквозь землю провалился	b	1 B	1 A	Б-1, 152	173	128	21, 51, 64–65
<i>хаос и трудности были вызваны важным падением с неба</i>	как [будто, словно, точно] с неба свалился [упал]	b	1 A		Б-1, 174	200	149	
<i>под ложечкой томило и сосало предчувствие</i>	под ложечкой ноет, сосет и т. п.	b	1 A	1 B	Б-1, 186	214	160	
<i>скала зубы</i>	скалить зубы	a	2 E	1 A	Б-1, 188	217	162	37–39, 92–93

<i>в сердцах</i>	в сердцах	a	2 F		Б-1, 193	223	167	76
<i>не вышел в расход</i>	выводить [пускать, списывать] в расход	b	2 E	1 B	Б-1, 197	228	171	98
<i>под ноготь</i>	под ноготь	a	2 E		Б-1, 204	236	117	19, 92
<i>трясся как лист</i>	как осиновый лист дрожит [трясется]	b	1 A		Б-1, 216	250	188	51–52
<i>обобратить как липочку</i>	ободрать [обобратить, обчистить, облупить] как липку	b	1 B	1 F	Б-1, 219	253– 254	190	63–64, 71
<i>в очень хорошее расположение духа</i>	расположен ие духа	b	1 B	2 C	Б-1, 221	255	192	60–61, 79–80
<i>Дай Бог здоровечка!</i>	Дай Бог здоровья!	b	1 A		Б-1, 228	264	198	53–54
<i>сдохну со смеху как собака</i>	сдохнуть как собака, умирать [помирать] со смеху	b	1 A	2 E	Б-1, 237	275	207	21, 49–50, 96
<i>ни одного звука</i>	ни звука	b	1 B	2 C	Б-1, 260	303	228	79–80
<i>открыл рот</i>	разинуть [раскрыть] рот	a	1 A	—	Б-2, 9	63	—	38–39
<i>терял из глаз</i>	терять из вида	b	1 A	—	Б-2, 19	73	—	
<i>под носом автомобиля</i>	под <самым> носом у кого	a	2 F	—	Б-2, 19	73	—	77
<i>сердце упало от радости</i>	сердце упало [оторвалось, оборвалось]	b	1 A	—	Б-2, 20	74	—	46–47
<i>сердце ушло в ноги</i>	душа ушла в пятки	b	1 A	—	Б-2, 20	74	—	
<i>стукнуло в черепе</i>	взбрести [ударить, стукнуть] в голову [в башку]	b	2 D	—	Б-2, 21	75	—	
<i>свет немедленно померк в глазах</i>	свет померк в глазах	b	1 A	—	Б-2, 27	81	—	

<i>свет кругом потух</i>	в глазах темнеет [мутится, зеленеет]	b	2 D	—	Б-2, 29	84	—	89
<i>судорожно переводя дух</i>	переводить дух [дыхание]	b	1 A	—	Б-2, 33	88	—	
<i>застрели на месте</i>	уложить [убить] на месте	b	1 A	—	Б-2, 40	96	—	
<i>в местах значительно более отдаленных, чем Соловки</i>	места не столь отдаленные	b	2 D	1 D	Б-3, 279	—	19	89
<i>висит на волоске – подвесил – могу перерезать волосок – перерезать волосок может лишь тот, кто подвесил – кто подвесил твой язык – подвешен он хорошо</i>	висеть на волоске, язык хорошо [неплохо] подвешен [привешен]	a	1 B		Б-3, 292	—	35–36	57–60
<i>почувствовал холод под ложечкой</i>	под ложечкой ноет, сосет и т. п.; кровь стынет [леденеет, холодеет] <в жилах>	b	1 B		Б-3, 315	—	62	
<i>с круглыми от ужаса глазами</i>	делать большие [круглые] глаза	b	1 A	2 E	Б-3, 319	—	67	95
<i>общее больное место</i>	больное место; общее место	b	1 B	1 A	Б-3, 325	—	74	50–51, 62
<i>налитые кровью бычьих глаза</i>	наливать глаза, наливаясь кровью	b	2 D		Б-3, 327	—	77	90–91
<i>налитые кровью глаза</i>	наливать глаза, наливаясь кровью	b	2 D		Б-3, 344	—	98	
<i>любо-дорого</i>	любо-дорого	a	2 E		Б-3, 352	—	109	94
<i>целое дело сшили</i>	пришить дело	b	2 D		Б-3, 355	—	111	21, 89–90
<i>в сумасшедшие вырядили</i>	рядиться в тогу	b	2 C		Б-3, 355–356	—	112	84

<i>видал всякие виды</i>	видать виды	b	2 C		Б-3, 373	—	134	20, 81
<i>похолодели сердца</i>	кровь стынет [леденеет, холодеет] <в жилах>	b	1 A	1 A	Б-3, 398	—	163	54–55
<i>не рядил в сумасшедшие</i>	рядиться в тогу	b	2 C		Б-3, 401	—	168	
<i>давился от тихого смеха</i>	давиться от смеха	b	1 A	2 C	Б-3, 401	—	168	80
<i>запорошить глаза</i>	замазывать глаза	b	1 A	1 B	Б-3, 402– 403	—	170	
<i>как из-под земли выскакивает убийца в переулке</i>	как из-под земли вырос	b	1 A		Б-3, 407	—	175	
<i>так поражает молния, так поражает финский нож</i>	поразило как громом	a	1 A		Б-3, 407	—	175	37–38
<i>ум заходил за разум</i>	ум за разум заходит	b	2 E	2 C	Б-3, 418	—	189	97
<i>мечтала только об одном – провалиться сквозь землю</i>	как сквозь землю провалился	b	1 A		Б-3, 419	—	190	
<i>проходил по спине мороз</i>	мороз по коже [по спине] дерет [продирает, пробегает, идет] Ср. Мурашки бегают [ползают] по спине [по телу, по коже].	b	1 B		Б-3, 419	—	190	
<i>пить горькую чашу ответственности</i>	пить <до дна> горькую чашу	b	1 A		Б-3, 420	—	190	43

<i>дрожь прошла по спине</i>	Мороз по коже [по спине] дерет [продирает, пробегает, идет]. Ср. Мурашки бегают [ползают] по спине [по телу, по коже].	b	1 A	1 B	Б-3, 420	—	191	
<i>ноги подогнулись</i>	ноги подкосились	a	2 C		Б-3, 421	—	192	78–79
<i>второй свежести – свежесть бывает только одна – первая</i>	не первой свежести	b	1 B	1 D	Б-3, 474	—	254	69–70
<i>не чувствуя пола под босыми ногами</i>	не слышать [не чуют, не чувствовать] ног под собой	a	2 C		Б-3, 524	—	283	78–79
<i>даю слово чести</i>	¹ давать слово чести		1 A		Б-3, 550	—	345	50
	² давать слово; честное слово	b						
<i>скорее лапы отсохнут</i>	отсохни <у меня> руки и ноги	b	1 A	1 D	Б-3, 560	—	357–358	47–48, 68–69
<i>мертво спящего человека</i>	спать мертвым сном	b	—	1 B	Б-3, 568	—	366	
<i>убрать с лица земли</i>	стереть с лица земли	b	2 C		Б-3, 576–577	—	376	81
<i>одетыми шутами гороховыми</i>	шут гороховый [пугало гороховое, чучело гороховое]	b	1 A		Б-3, 628	—	435	44–45
<i>такие штуки может отколоть</i>	отмачивать штуку	b	1 A	2 C	Б-3, 660–661	—	476	81
<i>дух мой еще не угас... живуч собачий дух</i>	жизнь угасает Ср. Силы угасают.	b	—	2 D	Б-4, 136	—	5	

<i>вот так фрукт</i>	Вот так клюква! Вот так фунт! Вот так штука!	b	—	2 D	Б-4, 148– 149	—	14	85–86
<i>только глазом мигнуть</i>	не успел глазом моргнуть [мигнуть]	b	—	1 D	Б-4, 153	—	17	69
<i>дурака валяние</i>	валять дурака	b	—	1 A	Б-4, 209	—	52	52–53
<i>черти б его съели, с которым вы носитесь, стоит ровно один ломаный грош</i>	черт бы побрал; носится как <дурень [дурак]> с писаной торбой Ср. Носится как кураца с яйцом); гроша медного [ломаного] не стоит.	b	—	1 A	Б-4, 222	—	60	
<i>в добром расположении</i>	расположен ие духа	b	1 A	2 C	ИП, 8	8–9	16	51, 83
<i>поглядел сверху вниз</i>	смотреть [глядеть] сверху вниз Ср. Смотреть [глядеть] свысока.	a	1 A		ИП, 9	10	16	38–39
<i>дай бог здоровычка</i>	Дай Бог здоровья!	b	1 A	1 A	ИП, 10	12	17	21, 53– 54
<i>не собьешь с позиции</i>	сбивать с толку Ср. Сбивать с панталыку; сбивать с пахвей.	b	1 A	1 B	ИП, 39	42	39	
<i>плюньте на все это – Как плюнуть? – слюной</i>	плевать хотел	a	1 A		ИП, 41	43	40	40–41
<i>учитесь жить широко</i>	на широкую ногу, широкая натура	b	1 A		ИП, 44	46	42	54–55
<i>сердце потухло</i>	сердце упало [оторвалось, оборвалось]	b	1 B		ИП, 45	48	43	62–63
<i>как громом пораженного</i>	поразило как громом	b	1 A		ИП, 53	56	49– 50	

<i>на старушечьих правах</i>	на птичьих правах	a	2 C	1 C	ИП, 55	58	51	70–71, 78–79
<i>чем бог послал – бог послал</i>	чем бог [господь] послал	a	1 A		ИП, 56–57	60	52	19, 39–40
<i>остались рожки да ножки – ножки</i>	рожки да ножки	a	1 B		ИП, 64–65	68	58	20, 57
<i>не будьте божьей коровой</i>	¹ божья коровка, дойная корова;	b	2 D		ИП, 77	80	68	87–88
	² божья коровка	b						
<i>пойдет как по маслу – маслом каши не испортишь – каша заваривалась большая</i>	как по маслу – маслом каши не испортишь* – каша заваривается	a	1 A	1 B	ИП, 79	81	69	41
<i>ближе к телу</i>	ближе к делу	b	2 D		ИП, 81	84	71	24, 88
<i>не видать как своей бороды</i>	не видать (не видеть) как своих ушей	b	2 D	1 A	ИП, 88–89	91	77	21, 48, 86
<i>завертела нелегкая</i>	черт [нелегкая] носит; черт [бес, нечистый, нечистый дух, нелегкая, грех] попутал	b	1 B	2 E	ИП, 158	159	130	63, 96
<i>раскрыл всю душу</i>	раскрывать душу. Ср. Открывать душу, открывать сердце.	b	1 A	1 A	ИП, 167	169	137	45–46
<i>достать рукой</i>	рукой подать	b	1 B	1 A	ИП, 168	171	138	60–61
<i>самое слабое место</i>	уязвимое [слабое] место	b	2 E	1 A	ИП, 176	178	144	52, 97
<i>принялся ходить вокруг да около</i>	ходить вокруг да около	a	2 C		ИП, 188	190	153	19, 77–78
<i>зарубите на своем носике</i>	зарубить <себе> на носу [на лбу]	b	1 A	1 B	ИП, 231	231	185	64

<i>вытянул руки по вытертым швам</i>	держать руки по швам	a	1 B	1 C	ИП, 266	269	212	56–57, 68–69
<i>большая и тяжелая гора свалилась с плеч</i>	как [будто, словно, точно] гора с плеч <свалилась>	b	1 B	1 B	ИП, 254	257	203	62
<i>не по плечу</i>	по плечу <i>Ср.</i> Не по силам.	b	1 B		ИП, 262	266	209	
<i>сию минуточку</i>	сию минуту (минутку)	b	2 C	2 C	ИП, 271	274	216	83
<i>гром среди ясного неба раздался через пять минут</i>	как гром среди ясного неба	a	1 A		ИП, 280	283	223	37–38
<i>никогда не протягивал руки – так протянете ноги</i>	ходить с протянутой рукой – протянуть ноги	a	1 A	2 E	ИП, 292	294	231	19, 41, 93–94
<i>известный одним трусам зуд в пятках</i>	душа уходит в пятки; только пятки сверкают	b	1 A	2 D	ИП, 310	311	245	23, 89
<i>ни на одну минуту</i>	ни на минуту	b	1 A	2 F	ИП, 326	327	257	46, 80
<i>черт вас раздери</i>	черт [леший, шут, пес, прах] меня [тебя, его, ее, нас, вас, их] возьми [дери, побери, подери]	b	1 B	1 A	ИП, 327	327	257	48–49, 60–61

VEENE FRASEOLOGISMIDE AUTORIMODIFITSEERINGUTE TÖLKIMISEST (EESTI JA POOLA TÕLGETE MATERJALIL)

KOKKUVÕTE

Magistriväitekirja tähelepanu keskmeks on fraseologismide autorimodifitseeringute tõlkimine vene keelest eesti ja poola keelde. Tõlkimise võimalusi käsitletakse vene ilukirjanduse eesti ja poola tõlketekstide näitel. Näited on võetud M. Bulgakovi teostest “Valge kaardivägi”, “Meister ja Margarita”, “Koera süda”, “Diaboliaad”, I. Ilfi ja J. Petrovi raamatust “Kaksteist tooli”. Kokku on töös käsitletud 184 näidet.

Toetudes analüüsitud materjalile on jõutud järgmiste järeldusteni. Kui autorimodifitseeringute tõlkimisel kasutatakse tõlkekeeles olemasolevaid tähenduselt sarnaseid fraseologisme (so täielikke struktuurilis-semantilisi ekvivalente, osalisi struktuurilis-semantilisi ekvivalente või fraseoloogilisi analooge), siis ei pruugi ebatäpsusi tekkida. Fraseoloogiline tõlge tagab adekvaatsuse. Semantilise ümbermõtestamise teel moodustatud autorimodifitseeringute tõlkimisel on võimalik säilitada modifitseeringu nii otsest kui ka fraseoloogilist tähendust. Sellise tõlke korral säilitatakse fraseologismide tähenduste omapärane “mäng”, antakse edasi fraseologismi teatud komponentide ärakasutamist jne. Ebatäpsusi esineb fraseoloogiliste analoogide kasutamise puhul. Veaohtlik on fraseoloogilise analoogi kasutamine juhul, kui tõlkekeeles analoog erineb lähtekeeles esinevast oma kujundi poolest.

Palju rohkem ebatäpsustusi tuleb ette struktuurilis-semantiliste uudismoodustiste puhul, kusjuures võib kindlalt väita, et teatud osa mittevastavusi oleks olnud võimalik vältida. Fraseoloogiliste ekvivalentide olemasolu võimaldab säilitada nii modifitseeringu vormi, sisu kui ka stilistilist efekti. Fraseoloogismi komponentkoosseisu lühendamise, kontaminatsioonide ja sõnamoodustuse teel saadud modifitseeringu edasiandmine on sageli ebaadekvaatne. Adekvaatsuse saavutamiseks võib kasutada ka mittefraseoloogilist tõlget. Mittefraseoloogilist tõlget kasutatakse edukalt isegi siis, kui tõlkekeeles on olemas vastavad täielikud või osalised struktuurilis-semantiliselt fraseoloogilised ekvivalentid ja fraseoloogilised analoogid. Tihtipeale võimaldab mittefraseoloogiline tõlge säilitada originaali stilistilist efekti ja sõnamängu. Enamikul juhtudel kasutatakse tõlkelaenu. Viimase rakendamine on õigustatud siis, kui kogu autorimodifitseeringu tähendust motiveeritakse selle komponentide tähendustega ning toetatakse kontekstiga.

Mittefraseoloogilise tõlke kasutamine ei taga alati õnnestunud lõpptulemuste. Suurem osa ebatäpsusi ja mittevastavusi esineb tavaliselt just modifitseeringute

mittefraseoloogiline tõlke puhul. Samal ajal esineb ka õnnestunud näiteid, mille puhul just mittefraseoloogiline tõlge võimaldab edasi anda lähtekeele fraseologismi põhilised tunnused. Sellise adekvaatse tõlke näiteks on eesti keelele iseloomulike liitsõnaliste fraseologismide ja püsiühendite kasutamine. Häid tulemusi annab ka kontekstuaalsete asenduste kasutamine. Kõige sagedamini esineb mittevastavusi toortõlke puhul, eriti siis, kui autor kasutab modifitseeringut korraga nii otseses kui ka ülekantud tähenduses, sest sel juhul õnnestub edasi anda vaid otsene tähendus. Raskusi valmistab sõnamoodustuslike modifitseeringute tõlge (eriti seda laadi modifitseeringutele toetuv sõnamäng).